

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (Ю), 2017

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
М. А. Меликян, канд. филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайте www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (10), 2017

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyannyi, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

M. A. Melikyan, Candidate of Science,
Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Верзилова А. А., Хуснутдинов А. А. Некоторые особенности семантики фразеологических единиц с общим значением оценки в русском языке	5
Гришаева Л. И. Инокультурная реальность в современном художественном тексте	17
Киселева И. С. Концепция житнетворчества и герой-маска как недоверенный рассказчик в романе М. Фриша «Штиллер»	21
Ужова О. А. Теория культурной грамотности — американский вариант лингвострановедения	25
Цымбал А. Ю. Вопросно-ответный комплекс в академической презентационной речи: интонационный аспект	31

История

Балдин К. Е. Русские в Святой земле: паломнические мемуары как источник	35
Евсеев В. А. Парламентское законодательство и развитие сукноделия в эпоху Тюдоров и Стюартов	48
Ильин Ю. А. Административно-территориальное устройство РСФСР в 1923 г.: центр и регионы: дискуссии, практика, итоги (На материалах Иваново-Вознесенской губернии)	59

Философия

Обрезков А. А. История лингвопроектирования как поиск языком путей само-совершенствования	66
Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Устойчивое развитие, глобальное сознание и ноосферная история	76
Соколов М. М. Единство в многообразии: глобальное сознание как картина мира	83
Юдин К. А. Юлиус Эвола как буддолог: феномен «индоарийского традиционализма» в консервативной философской мысли	91

Юбилей

80 лет почетному профессору Ивановского государственного университета Мартину Финке (<i>Е. Л. Поцелуев</i>)	104
---	-----

Хроника

XXIII Международная конференция Национальной ассоциации преподавателей английского языка в России (<i>Е. А. Шилова, Е. М. Григорьева</i>)	106
---	-----

<i>Сведения об авторах</i>	108
----------------------------------	-----

<i>Информация для авторов</i> «Вестника Ивановского государственного университета»	110
---	-----

CONTENTS

Philology

Verzilova A. A., Khusnutdinov A. A. Some peculiarities of the semantics of phraseological units with the general value of evaluation in the Russian language	5
Grishaeva L. I. Foreign realia in the present-day fiction	17
Kiseleva I. S. The concept of the creative life and character-mask how the unreliable narrator in the novel by M. Frisch «Stiller»	21
Uzhova O. A. A theory of cultural literacy — an American way of teaching country studies	25
Tsimbal A. U. Question answering module in academic presentation: intonational aspect	31

History

Baldin K. E. Russians in the Holy Land: Pilgrimage memoirs as a source	35
Evseev V. A. The parliament's legislation and the development of woolen industry in the era of the Tudors and Stuarts	48
Ilyin Yu. A. Administrative-territorial structure of the RSFSR in 1923: the center and the regions: discussions, practice, results (On the materials of Ivanovo-Voznesensk province)	59

Philosophy

Obrezkov A. A. The History of Language Planning as the Search for the Ways of Self-improvement Performed by the Language	66
Smirnov G. S., Smirnov D. G. Sustainable development, global consciousness and noospheric history	76
Sokolov M. M. Unity in diversity: global consciousness as a picture of the world	83
Yudin K. A. Julius Evola as a buddhologist: the phenomenon of «Indo-Aryan traditionalism» in the conservative philosophical thought	91

Jubilees

Martin Finke — Professor Emeritus of Ivanovo State University — is 80 (<i>E. L. Potseluev</i>)	104
---	-----

Current Events

XXIII NATE-Russia International Convention and English Language EXPO «It's not just English. It's Teaching that Transcends Boundaries» (<i>E. A. Shilova, E. M. Grigoryeva</i>)	106
<i>Information about the authors</i>	108
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	110

ББК 81.411.2-36

А. А. Верзилова, А. А. Хуснутдинов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Показываются особенности семантики фразеологических единиц русского языка, которые по своим формальным и содержательным свойствам и употреблению в речи выделяются в особый класс единиц, определяемый как лексико-грамматический разряд предикативно-оценочных фразеологизмов. Их характеристика осуществляется путем распределения по определенным семантическим группам. В качестве основания для дифференциации избирается соотносительность фразеологических единиц по значению с определенными словами, обозначаемыми в работе как «ключевые». Такой прием позволяет более детально представить общее значение оценки, выделить в нем различные оттенки, показать специфику фразеологии в выражении оценочной семантики в языке.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, категория оценки, предикативно-оценочные фразеологические единицы, положительная оценка, отрицательная оценка, безразличие.

The article shows the peculiarities of phraseological units' semantics in the Russian language, which, in terms of their formal and content properties and use in speech, are distinguished into a special class of units, defined as the lexicogrammatical category of predicative-evaluated phraseological units. Characterization of the semantics of predicative-evaluated phraseological units is carried out by means of distribution of phraseological units into certain semantic groups. As the basis for such a differentiation, the correlation of phraseological units by their meaning with certain words which are defined in the work as «the key words», is chosen. This method allows us to provide a more detailed overview of the conclusion, to highlight various shades in it, to show the specificity of phraseology in the expression of evaluation semantics in the language.

Key words: Russian language, phraseology, the category of evaluation, predicate-evaluated phraseological units, positive evaluation, negative evaluation, indifference.

Категория оценки признается в науке особой понятийной категорией наряду с такими общими понятиями, как предмет, свойство, количество, состояние и др. Более того, она рассматривается как универсальная понятийная категория, которая обнаруживает себя во всех областях, связанных с процессом познания человеком окружающей действительности, и поэтому оказывается в поле внимания разных наук — философии, психологии, социологии

© Верзилова А. А., Хуснутдинов А. А., 2017

2017. Вып. 3 (10). Филология. История. Философия •

и др., в том числе и лингвистики¹. Этим объясняется и значительное количество научных работ по данной тематике, в которых находят отражение результаты исследований указанной категории в рамках разных областей научного знания. В лингвистике категория оценки изучается с разных сторон: оценка определяется как особая характеристика предмета с точки зрения его ценностного значения (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Г. А. Золотова, Е. Ю. Мягкова, И. А. Стернин и др.), оценка характеризуется как суждение о ценности (С. Г. Воркачѳ, Т. В. Писанова, Z. Vendler и др.), оценка как концепт, отражающий свойства окружающего мира в сознании носителей языка (В. И. Карасик, М. В. Ляпон, А. В. Кленова и др.), и т. д.

Категория оценки как языковая категория находит выражение и в словарном составе языка, и в его грамматике. В словарном составе языка учеными выделяются особые группы слов и фразеологических единиц, значение которых так или иначе связано с выражением оценки — особой характеристики говорящим (субъектом оценки) предметов и явлений (объектов оценки) по так называемой оценочной шкале, определяемой понятием «нормы», стандарта, стереотипным представлением о свойствах, качествах объекта (описание таких слов и фразеологизмов в виде семантических полей см., напр.: [2, с. 66—95; 14 и др.]). Категория оценки находит свое отражение и в грамматике. Так, Г. А. Золотова, анализируя слова, выделенные акад. В. В. Виноградовым в особый лексико-грамматический класс слов — категорию состояния, указывает на существенные различия семантических, морфологических и синтаксических свойств отдельных групп единиц, включаемых в данный класс, и констатирует наличие в русском языке особого лексико-грамматического класса (части речи) слов со статусом категории оценки [7, с. 274—281]. Таким образом, выделяются четыре класса слов на *-о*: краткие прилагательные, выступающие как характеристика предмета (*красно солнце, дитя глупо*), наречия, характеризующие действия (*громко смеются*), предикативы состояния (*кататься — (нам) весело, катание — весело, нам весело*) и предикативы оценки (*ссориться — глупо, ссора — это глупо*) (подробнее см.: [8, с. 150—

¹ См., напр.: «Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление “хорошо/плохо”. Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность» [4, с. 8]; «В настоящее время в языкознании оценочным значениям в плане “хорошо” отчетливо противопоставляется значение в плане “плохо”. Под феноменом оценки понимается общественно закрепленное отношение носителей языка в плане “плохо-хорошо” к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи» [10, с. 8]; «Это отношение (субъекта к объекту с точки зрения противопоставления “положительное/отрицательное”, т. е. “хорошо/плохо”) выступает в качестве узואльно или окказионально выражаемого семантического свойства языковых явлений, именуемых оценочностью» [16, с. 20—21]; «Полный набор кандидатов на роль универсальных семантических примитивов, возникший в результате более чем двух десятилетий эмпирических поисков и сопоставлений, включает следующие элементы: субстантивы (я, ты, кто-то, что-то, люди), детерминаторы, квантификаторы (этот, тот же самый, другой, один, два, все/весь, много), предикаты ментальных состояний (знать, хотеть, думать, говорить, чувствовать), действия, события (делать, происходить/случаться), оценка (хороший, плохой), дескрипторы (большой, маленький), интенсификатор (очень), металпредикаты (не/нет (отрицание), если, из-за, мочь, очень, подобный/как), время и место (когда, где, после (до), под (над)), таксономия, партономия (вид/разновидность, часть)» [3, с. 322].

162]). «Разграничение среди слов на -о предикативов состояния и предикативов оценки, — отмечают авторы “Коммуникативной грамматики”, — не закрывает, но может стимулировать продолжение исследований оценочных средств и конструкций в русском языке на общей основе взаимодействия их формы, значения, синтаксических и коммуникативных функций» [8, с. 156]. Однако следует указать, что исследование категории оценки в целом, а также средств и способов выражения оценочности в языке осуществляется, как правило, на материале слова; на особенности проявления оценочной семантики в сфере фразеологии обращается внимание лишь попутно, при решении других задач (см., напр.: [5, с. 148—159; 15, с. 181—187; 20, с. 26—28]). Вовлечение в область исследования оценочной семантики значительного по объему и разнообразного фразеологического материала, на наш взгляд, не только восполнит имеющиеся пробелы в характеристике оценочности как языкового явления, но и существенно расширит и углубит наши представления о самой оценке как универсальной понятийной категории и особенностях ее проявления в языке в целом и в отдельных его звеньях.

Привлечение фразеологического материала важно еще и потому, что фразеологическая единица, в силу специфики ее формы, содержания и функционального назначения в языке, обладает рядом особенностей, которые позволяют с большей степенью объективности и точности исследовать специфику проявления категории оценки в языке. Это связано в первую очередь со спецификой фразеологической номинации, принципиально отличающейся от номинации слова² (об особенностях фразеологической номинации подробнее см.: [13, с. 56—63]). Важно также указать, что если слова категории оценки, по-видимому, еще только формируются в особый лексико-грамматический класс в системе частей речи, то в системе лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц совершенно определенно выделяется класс фразеологических единиц с общим значением оценки — разряд предикативно-оценочных [20, с. 26—28] (или адвербиально-предикативных, по А. И. Молоткову [13, с. 12]) фразеологизмов.

В русском языке к лексико-грамматическому разряду предикативно-оценочных фразеологизмов относятся единицы типа: *на руку кому что* ‘устраивает кого-либо, совпадает с желаниями кого-либо’; *по руке кому что* ‘вполне подходит, удобно, соответствует по своим размерам, форме, весу и т. п.’; *по плечу кому что* ‘доступен для выполнения или понимания; соответствует чьим-то силам, способностям, возможностям’; *не пара кому кто* ‘не подходит в каком-либо качестве, в каком-либо отношении’; *не компания*

² «Таким образом, цель фразеологической номинации — не просто название, обозначение того или иного класса предметов объективного мира на основании выделенных человеческим сознанием общих, существенных свойств, присущих предметам одного класса (что является основной целью лексической номинации), а характеристика этих предметов и явлений путем выделения их особенности, своеобразия на фоне одноименных предметов данного класса. Важно также, что фразеологическая единица может обозначать только такие признаки, которые не столько отражают существенные свойства самого предмета, сколько выражают отношение к нему человека, оценку, квалификацию человеком того или иного объекта наименования. Поэтому в основе значения фразеологической единицы лежит эмоционально-образное восприятие и квалификация, оценка тех или иных сторон, свойств объектов внеязыковой действительности» [13, с. 61]. Отметим, что образность, оценочность, эмоциональность фразеологических единиц как их особые свойства давно уже замечены исследователями.

кому кто 'не подходит как товарищ, приятель'; **до лампочки** кому что 'безразлично что-либо'; **по фиг(у)** кому кто, кому что 'абсолютно безразлично'.

В предложении такие фразеологические единицы обычно выступают в роли сказуемого двусоставного предложения и сочетаются с существительными, заменяющими их местоимениями, инфинитивом в функции подлежащего; ср.: *А состоящим у власти разве **к лицу** платить врачам, учителям 3—4 тысячи рублей в месяц?* (Б. Варецкий); *Одежда, которая прежде была ей **к лицу** — круглые воротнички, сборчатые рукава и невинные вырезы, открывавшие чуть одрябшую, но высокую шею, — стала тем временем немодной* (Л. Улицкая); *Знал, что скромность ему **к лицу*** (И. Грекова); *На площадке трапа царила стюардесса. ТУ-124 был ей **к лицу*** (С. Довлатов); *Мы глубоко убеждены в том, что поднимать, возрождать культуру нашего отечества сегодня **по плечу** только людям такой силы* (И. Петрусенко); *Это еще **по плечу** тем художественным методам, которыми работают иллюстраторы* (М. Бахтин); *Им **по плечу** любые проблемы мировой научной и технической мысли* (И. Гроссман).

Грамматические свойства предикативно-оценочных фразеологических единиц, их отношения и связи со словами в строе предложения обусловлены своеобразием их общего значения: так как оценка принадлежит какому-либо субъекту и вместе с тем предполагает наличие подвергаемого оценке объекта (лица, предмета или названия действия), предикативно-оценочные фразеологические единицы, занимая в двусоставном предложении позицию сказуемого, образуют жесткую трехчленную структуру с постоянными синтаксическими связями со словами окружения. Схематично такая конструкция выглядит так: субъект оценки + предикативно-оценочная фразеологическая единица со значением оценки + объект оценки. Объект оценки в такой синтаксической конструкции занимает позицию подлежащего. В этой позиции используются слова со значением лица, предмета или действия, а именно существительные, заменяющие их местоимения и инфинитив. Позицию объекта может занимать и придаточное предложение; напр.: [*Лутониха:*] <...> **Не модель**, чтоб экие угоды отошли да за мужичью голь! (В. Курочкин). Субъект оценки при предикативно-оценочных фразеологических единицах выражен существительными и местоимениями в форме дательного или родительного падежа; ср.: *Это занятие мне **по душе**. Им все **до лампочки**. Выполнить эту работу вам **по силам**. Он ей **не пара**. Учитель для них **не указ**. Это платье **к лицу** молодым*. Элемент конструкции, обозначающий субъекта оценки, в некоторых случаях может отсутствовать, обычно тогда, когда субъект ясен из контекста или речевой ситуации. Иначе говоря, и в таких случаях трехчленная конструкция с предикативно-оценочной фразеологической единицей сохраняется, хотя она является формально неполной, так как пропущенный элемент легко восстанавливается.

Следует особо указать, что в границах лексико-грамматического разряда предикативно-оценочные фразеологические единицы отличаются друг от друга своими сочетательными возможностями. Среди единиц этого разряда выделяются некоторые фразеологические единицы, которые сочетаются исключительно с инфинитивом (*В такой день ходить за охотой **не модель*** (Куприн); [*Старик:*] *Дай отдохнуть. Али тебе мешаю?* [*Каменщик:*] *Не мешаешь, а торчать тут **не к чему*** (М. Горький)) или только с именем (— *Мне, как лицу императорской фамилии, адмирал **не указ**. Вас же я сумею заставить выполнять мои приказания беспрекословно* (А. Степанов);

Наш генерал — молодец, не чета тебе, старому деду (В. Ажаев)). Однако большая часть предикативно-оценочных фразеологических единиц обладает способностью сочетаться и с именем, и с инфинитивом.

Во многих исследованиях, посвященных лексико-грамматической характеристике фразеологических единиц русского языка, фразеологические единицы с общим значением оценки обычно не выделяются в отдельный лексико-грамматический разряд. При этом они рассматриваются как разновидность адвербиальных и/или адъективных фразеологизмов. Однако можно указать на такие особенности предикативно-оценочных фразеологических единиц, которые отличают их от единиц указанных разрядов. Специфика предикативно-оценочных фразеологических единиц проявляется в их сочетаемости со словами: «неизменяемость» формы и отсутствие грамматических категорий, а также своеобразие их значения, требующее указания на субъект и объект оценки, приводит к тому, что их грамматическое значение находит выражение в синтаксических связях со словами, которые в этом случае оказываются жесткими и обязательными. Этим определяются особенности употребления предикативно-оценочных фразеологических единиц в речи — они используются только в одной синтаксической модели, которая представляет собой трехчленную структуру: подлежащее (логич. объект — существительное, местоимение в И. п., инфинитив) + составное именное сказуемое (глагол-связка + предикативно-оценочная фразеологическая единица) + дополнение (логич. субъект — существительное, местоимение в Д. п., Р. п.); напр.: *«Литература факта» с ее отрицанием искусства была не с руки Тынянову, который только что перешел от науки к художественной прозе* (В. Каверин) (см. также примеры выше). Такой модели, с таким ее семантическим и грамматическим наполнением, нет в других лексико-грамматических разрядах фразеологических единиц; в синтаксисе слова она используется глаголом — *Нравится мне деревенька его* (Н. А. Некрасов), *Мне нравится жить в деревне* (устн.); прилагательным — *Ей скучен был и звонкий смех, И шум их ветреных утех* (А. С. Пушкин), *Ему безразличны твои симпатии и антипатии* (устн.); а также словами типа *полезно, вредно, безразлично* при употреблении в значении предикатива — *Хозяйке было безразлично, нахожусь я в числе гостей или нет* (Серафимович), *Тебе вредно курить* (устн.) [13, с. 142].

От адъективных фразеологизмов единицы данного разряда отличает их способность сочетаться с инфинитивом; ср., напр.: *Когда это было? Лет сто назад, очень давно, что не под силу помнить человеческой памяти* (Ю. Бондарев); *Приводить в порядок поля, заново прокладывать орошение, восстанавливать рухнувшие или сгоревшие дома, увеличивать урожайность, чтобы она попевала за ростом населения, одному не под силу* (В. Цветов).

От адвербиальных фразеологических единиц предикативно-оценочные фразеологизмы отличаются способностью вступать в предикативную связь с названием действия (*кричат здесь ни к чему*), а также тем, что способны сочетаться только с инфинитивом и не могут вступать в связь с глаголом в личных формах (ср.: *заниматься не под силу* и **не под силу занимался*). Таким образом, предикативно-оценочные фразеологические единицы достаточно отчетливо отграничиваются от единиц других лексико-грамматических разрядов, в том числе от адъективных и адвербиальных единиц, даже в случаях их конверсированного употребления; ср.: *все равно*, предик.-оцен. 'одинаково, безразлично' (*[Петрушке] было совершенно все равно, похождение ли*

влюбленного героя, просто букварь, или молитвенник, — он все читал с равным вниманием (Гоголь); Ты лучше не плачь, потому что мне **все равно** (Лесков); Как одеть его думаете вы? — **Все равно!** Он пойдет ночью (М. Горький); [Тарасу] было **все равно**, что есть — бураки, лесную ягоду, грибы, кору с деревьев (Б. Горбатов)); **все равно**, адverb. 'в любом случае, при любых обстоятельствах' (Мое ревнивое сердце ее **все равно** стерпеть не может, и я ее и себя погублю (Лесков); Поручите это мне, потому что я его **все равно** убью, — сказал он; и всем вдруг стало ясно, что Сержка действительно убьет Игната Фомина (Фадеев)).

Разряд предикативно-оценочных фразеологических единиц отличается от единиц других лексико-грамматических разрядов и спецификой своего значения. Она заключается в том, что предикативно-оценочные фразеологические единицы выражают целостную, обобщенную характеристику субъектом лица, предмета или действия с точки зрения «хорошо / плохо», «полезно / вредно», «приятно / неприятно» и т. д., то есть в плане логическом, прагматическом, эмоциональном, этическом. Такая оценка может быть положительной («хорошо», «полезно», «приятно» и т. п.), отрицательной («плохо», «вредно», «неприятно» и т. п.), а также выражать безразличие («безразлично»). В соответствии с этим можно выделить три разновидности (семантические группы) предикативно-оценочных фразеологических единиц: 1) фразеологические единицы со значением положительной оценки (*к лицу кому что, на руку кому что, по душе кому кто, кому что, по плечу кому что, под стать кому кто, кому что* и др.); 2) фразеологические единицы со значением отрицательной оценки (*не компания кому что, не модель кому, не фасон кому, не пара кому кто, не чета кому кто, не указ кому кто, что, не по носу кому что, ни к чему кому что* и др.); фразеологические единицы, выражающие полное безразличие (*все равно кому что, до лампочки кому что, до фонаря кому что, до фени кому что, все трын-трава кому, до порогу кому кто, что* и др.).

Особо следует обратить внимание на то, что некоторые предикативно-оценочные фразеологические единицы при употреблении в речи могут приобретать антонимичные значения с помощью отрицательной частицы «не», причем для одних единиц характерно преимущественное употребление без «не», со значением положительной оценки (*к лицу* и *не к лицу, по душе* и *не по душе, по плечу* и *не по плечу* и др.), для других — преимущественное употребление с «не», то есть они таким образом используются для выражения отрицательной оценки (*по карману* и *не по карману, по зубам* и *не по зубам, по нутру* и *не по нутру, по нраву* и *не по нраву* и др.). Такие фразеологические единицы в разных научных работах и словарях характеризуются по-разному: либо как единицы, выражающие положительную оценку (тогда «не» рассматривается как частица и не включается в компонентный состав фразеологизма), либо как единицы, выражающие отрицательную оценку (тогда элемент «не» рассматривается как компонент фразеологизма).

Распределение предикативно-оценочных фразеологических единиц по трем группам является недостаточным для точной характеристики семантики фразеологических единиц данного разряда. Необходима более детальная дифференциация фразеологических единиц по семантическим группам (причем на разных уровнях абстракции), установление соотносительности по значению на разных уровнях (на уровне групп фразеологических единиц, объединенных общими семантическими признаками, на уровне синонимических рядов фразеологизмов и на уровне отдельных единиц), что требует точной

характеристики каждой единицы по семантическим признакам, совокупность которых определяет как индивидуальные особенности значения каждой единицы, так и ее связи и отношения по значению с другими единицами внутри лексико-грамматического разряда и за его пределами.

Выбор способа решения этой задачи применительно к разряду предикативно-оценочных фразеологизмов является особенно важным. Выше было сказано, что оценка представляет собой обобщенную характеристику объекта оценивающим субъектом с определенной позиции — точки отсчета, в качестве которой выступает некое (как правило, стереотипное) представление о ценности такого рода объектов. Чрезвычайно высокий уровень обобщенности оценочной семантики значительно затрудняет выделение в значении предикативно-оценочных фразеологических единиц тех признаков, которые содержатся в лексическом значении каждой единицы. И здесь становится очевидной важность определения способа или приема, который позволил бы представить общее значение оценки, образно говоря, в «препарированном» виде.

Для решения этой задачи нами были проанализированы способы трактовки лексических значений предикативно-оценочных фразеологизмов в толковых словарях слов и фразеологических единиц (а именно: [1, 6, 9, 11, 17, 18, 19]). Анализ показал, что составители словарей для толкования значения фразеологических единиц этого разряда избирают определенный тип дефиниции, ее основу (а часто и саму дефиницию) составляет слово, значение которого приблизительно соответствует значению фразеологической единицы. Так, основу дефиниций предикативно-оценочных фразеологических единиц с положительной оценкой составляют слова *нравится, подходит, соответствует, хорошо* и т. п.; дефиниций фразеологических единиц с отрицательной оценкой — формулы с основой *не нравится, не устраивает, не подходит, не годится, не следует* и т. п.; значение фразеологических единиц, выражающих безразличие, толкуется, как правило, словами *безразлично, одинаково* и т. п. Такие слова, которые мы условно обозначили как «ключевые», могут, на наш взгляд, послужить определенным ориентиром, критерием при дифференциации предикативно-оценочных фразеологических единиц по более частным значениям. Анализ словарных дефиниций и контекстов употребления фразеологических единиц в речи (использованы контексты, представленные в «Национальном корпусе русского языка» [www.ruscorpora.ru], и иллюстративный материал из указанных в библиографическом списке словарей) позволил прийти к следующим результатам.

Наблюдается достаточно отчетливо выраженная противопоставленность фразеологических единиц с общим значением безразличия, с одной стороны, и фразеологических единиц со значением положительной и отрицательной оценки — с другой.

Предикативно-оценочные фразеологизмы с семантикой безразличия по формальным свойствам группируются в определенные блоки по сходству модели; напр.: *до балды, до банки, до звезды, до зонтика, до лампочки, до фени, до фонаря; по барабану, по боку, по пистолету, по фиг(у); все равно, все единственно; трын-трава, один черт (бес, шут), без разницы*; и др.

В словарных толкованиях предикативно-оценочных фразеологических единиц с семантикой безразличия представлены следующие ключевые слова и сочетания: *безразлично, одинаково, не касается, не волнует, ничего не значит, вне сферы интересов говорящего* и т. п.; часто дефиниции снабжаются уточняющими ремарками с оборотом на *о*: *о безразличном отношении к чему-либо*;

о безразличии, о полном отсутствии заинтересованности; о полном равнодушии, безразличии; и т. п.

Анализ контекстов, в которых употребляются фразеологические единицы со значением безразличия, показывает их широкое использование в устной речи практически во всех сферах функционирования русского языка (в разговорной литературной речи, просторечии, территориальных диалектах и жаргонах; значительно число обценных выражений, которые обычно используются как дисфемизмы); напр.: *Были, конечно, несколько веселых исключений — университетские подружки, которым все было до фени* (Н. Крышук); *Нам по фиг все эти запреты* (устн.); *Если не хочешь оставаться, то можешь уезжать, мне до балды* (устн.); *Витьке до банки все твои проблемы* (устн.); *Нашим властям давно все по барабану* (устн.); *Нашему гвардейцу по пистолету твои угрозы* (устн.); *Наше мнение ему до лампочки, то что уж тут говорить* (устн.); *Бывает так, что становится уже все равно* (устн.); *А даже если бы и обиделась — мне без разницы, честно говоря* (устн.); *Мне до зонтика, где работать, лишь бы платили* (устн.); *Федька только с виду такой, точно бы ему все трын-трава, а человек он совестливый* (К. Балков). В целом предикативно-оценочные фразеологизмы со значением безразличия составляют достаточно цельную по семантике группу единиц.

Группе фразеологических единиц со значением безразличия противостоят фразеологические единицы со значением положительной и отрицательной окраски, которые, в свою очередь, противопоставлены друг другу как антонимические. Антонимичность этих групп неопределенно-количественных фразеологических единиц подтверждается и соотносительностью по противопоставляемым признакам. Так, эти группы единиц оказываются противопоставленными по признаку соответствия или не соответствия оцениваемого объекта по тем или иным свойствам. Рассмотрим эти группы подробнее.

К предикативно-оценочным фразеологизмам с положительной оценкой относятся следующие единицы: *в жилу, в кайф, в кассу, в мазу, в масть, в тему, в цвет; по сердцу, по душе, по силам, по зубам, по плечу, по нутру, по губе, по нраву, по руке, по лавру; к лицу, к месту; на руку, с руки*; и др.

В словарных толкованиях значения предикативно-оценочных фразеологических единиц с положительной оценкой используются следующие ключевые слова и сочетания: *соответствует, подходит, хорошо, устраивает, доступно, нравится, выгодно, удобно, приятно* и др. Все указанные семантические признаки можно в обобщенном виде представить как значение соответствия чему-либо (ключевое слово — *соответствует*); ср.: *Отель хороший, питание на уровне* (устн.); *Эта мантия не была никому по плечу в том, 1939 году, кроме Вавилова* (Д. Гранин); *Поэзия оказывается ко двору людям любой идеологии* (Н. Журавлев); *Сын получился, что называется, в масть своей матери по складу сердца* (М. Палей); *С Соней говорил и о России, о Баженове и Казакове, поскольку это ей знакомо, разговор к месту, в этом были такт и воспитанность моего отца* (Ю. Лиин).

Далее фразеологические единицы можно дифференцировать по более частным значениям в зависимости от того, чему именно соответствуют оцениваемые объекты (возможностям, способностям, требованиям, запросам, характеру, пристрастиям, желаниям и т. д.). Соответственно, в рамках группы единиц с общим значением 'соответствовать чему-либо' можно выделить следующие подгруппы на основе ряда ключевых слов:

нравится: *в жилу, в кайф, в масть, по нутру, по губе, по душе, по нраву, по сердцу* и др. Эти фразеологические единицы используются для характеристики объекта, который вызывает расположение, доставляет удовольствие, удовлетворение, радость и т. д.; ср.: *Салтычихе была по нутру моя расторопность* (В. Ломов); *Непонятно, кто ей больше по душе: присевшие, чтобы поболтать и отдохнуть, взрослые или ползающие дети* (интернет-форум); *Куда больше по сердцу была ему пестрая праздничность мамы* (И. Грекова); *Алешке по нраву его новый бело-синий трехколесный велосипед* (устн.); *Этим пацанам в кайф было слушать «Басту»* (устн.); *Если ему в жилу питаться этой толкучкой, то мне нет* (устн.);

подходит: *в цвет, в кассу, в тему, на руку, к лицу, к масти, к месту, с руки, по лавру, по кайфу* и др. Эти фразеологические единицы используются для характеристики объекта, выражаемой содержанием дефиниций типа: кстати; к месту; именно то, что нужно; туда, куда следует; выгодно; на пользу кому-либо; точно; удачно и т. п.; ср.: *Этот ксивник мне очень даже в мазу* (устн.); *Знаешь, мне сейчас будет в масть что-нибудь из твоей классики* (устн.); *Праздники и подарки — все это здорово и очень к месту, ведь в четырех больничных стенах дети скучают* (Коммерсант); *Дольскому будет с руки заниматься делом, тем более что в Киеве он знает всех* (А. Рыбаков); *Арендаторам это собрание явно в кассу* (О. Андреева); *Многое на тренинге понравилось, было полезно и интересно, и теория и практика были в тему* (отзывы о тренингах на интернет-форуме); *Ведь заметим, нам это только на руку: зная свои промахи и ошибки, легче выправить курс* (Фрэйм-банк); *Этот мимический вопль очень к лицу «Рождественской истории» Земекиса* (Странный Голливуд);

доступно: *по плечу, по зубам, по силам, по карману*. Фразеологические единицы этой группы толкуются обычно так: доступно для выполнения; ср.: *Это еще по плечу тем художественным методам, которыми работают иллюстраторы* (М. Бахтин); *Им по плечу любые проблемы мировой научной и технической мысли* (В. Гроссман); *Уж мне-то, отличнику, вроде все по зубам — но учебник, на беду, оказался скучнейший* (Назову себя шахматистом); *Скажем, в младшем и среднем школьном возрасте ему вполне по силам незначительные покупки и помощь по дому* (персональный сайт).

Таким образом, внутри группы фразеологических единиц со значением соответствия мы можем выделить подгруппы и отдельные единицы на основе более частных (более конкретных) значений. Однако анализ контекстов показывает, что некоторые фразеологические единицы имеют синкретичное значение, на что указывает возможность их употребления с различными оттенками, в силу чего такие единицы одновременно могут быть причислены к разным группам. К таким единицам, по нашим материалам, относятся фразеологизмы *в жилу, в кайф, в мазу, в масть, по нутру, по губе, по душе, по нраву, по сердцу, по лавру* и некоторые др. Сравним, например, контексты, в которых значения фразеологических единиц в равной степени могут быть соотнесены с ключевыми словами «нравится» и «подходит»: *Мне эти наушники по кайфу* (устн.); *Вместо этого мы будем делать только то, что нам в кайф* (интернет-форум); *Ухватила то, что субстанциональная концепция мне больше по нутру* (устн.); *Этот глашатай нам по губе* (устн.); *Нашему колхозу эта коняга по нраву* (устн.); *Эта тема пришла к нему по сердцу* (устн.); *Петровне такие случаи наоборот в мазу* (устн.); *Эта сумочка мне в масть* (устн.); *Такие риски мне по лавру* (устн.); и др. Вместе с тем в каждой группе можно выделить единицы, значение которых ограничено пределами

только одной подгруппы; например, единицы, которые относятся только к подгруппе с общим значением 'подходит': **в цвет, в кассу, в тему, на руку, к лицу, к масти, к месту, с руки** и др.; ср.: *Тебе очень к лицу этот галстук* (устн.); *Его присутствие было к месту* (устн.); *Твоя речь была в тему* (устн.); *Этот платочек сюда к масти* (устн.); *Мне на руку эти обстоятельства* (устн.); *Мы приехали прямо в цвет* (устн.).

Анализ контекстов показывает также, что возможна и более глубокая дифференциация фразеологических единиц внутри указанных групп. Однако для объективного описания индивидуальных значений предикативно-оценочных фразеологических единиц необходим более обширный языковой материал. Важно также указать, что предикативно-оценочные фразеологические единицы с положительным значением оценки часто используются в речи с отрицанием «не».

К предикативно-оценочным фразеологизмам с отрицательной оценкой относятся следующие единицы: **не почет, не пряник, не фасон, не климат, не пара, не модель, не мед, не сахар, не ах, не подарок** и др.

В словарных толкованиях исследуемых предикативно-оценочных фразеологических единиц с отрицательной оценкой используются следующие определения: *не подходит, не соответствует, не нравится, не устраивает, не желательно, неприятно, не годится* и др. Все указанные семантические признаки можно в обобщенном виде представить как значение несоответствия чему-либо (возможностям, способностям, требованиям, запросам, характеру, пристрастиям, желаниям и т. д.); ср.: *Вообще-то Фроська была нам не компания, ей было лет тридцать — вдвое больше, чем каждому из нас. В нашей стране быть старым — не почет* (В. Васильев); *Жить на шею у родственников — не сахар* (устн.); *Разумеется, нести большую ответственность за них — не подарок на службе* (устн.).

На основе словарных толкований могут быть выделены следующие тематические группы предикативно-оценочных фразеологических единиц с отрицательной семантикой:

не нравится: не ах; напр.: *Мне не ах твои новые серьги* (устн.); *Моей жене не ах все эти цацки* (устн.);

не подходит: не климат, не пара, не модель, не фасон, не подарок. Значение этой группы фразеологических единиц определяется следующими типами толкований: *не устраивает, не желательно, не подходит, неприятно, не годится, не соответствует чему-либо, не подходит в каком-либо отношении* и т. д.; ср.: *Не климат нам тут торчать* (устн.); *Ехать туда сейчас не модель* (устн.); *В наших апартаментах принимать гостей не фасон* (устн.);

не подходит как товарищ, приятель, друг: не компания, не пара; ср.: *Ирка, не пара тебе этот нищеброд* (устн.); *Петька Светлаков был нам не компания, потому что не в той семье родился* (устн.).

Как видно из приведенных примеров, фразеологические единицы с отрицательной семантикой представлены в русском языке меньшим числом, чем фразеологические единицы с положительной оценкой. Это возможно объяснить тем, что негативная характеристика объекта может осуществляться с помощью фразеологических единиц с положительной оценкой при их употреблении с отрицательной частицей «не»; напр.: *Ветеринарам и волонтерам общественных организаций, занимающихся помощью бездомным животным, идея пришла не по вкусу*; *Только мне твои вина все же не по душе*; *Как-то не в жилу получается с растянутым-то воротником*; *Не в кость*

мне ваши надежды, понимаете?; Не в честь должность президента; *Не в жилу* эти наушники к телефону; 12 доводов, что эта работа вам не *по нутру*; *Выбранная колода не в кость* для данного режима игры; *Не в мазу* такие бойцы-пропойцы; *Не ко двору* здесь этот бродяга; *Мне не по кайфу* эта хипповая девочка; *Бытовые потрясения были не по нутру* этому задвижнику; *Сейчас мне уже не в кость* твои глазки; *Мне не по вкусу* новая девушка моего сына; *Захарке не по мысли* будут твои пустые переживания; *Не в честь* мне такое отношение; *Наступает момент, когда одиночество не в кайф* и так хочется сменить холостяцкий быт (примеры составлены на основе текстов из «Национального корпуса русского языка»).

Проведенный анализ семантики предикативно-оценочных фразеологических единиц русского языка, объединенных в один лексико-грамматический разряд общим значением оценки, позволяет сформулировать несколько положений, которые представляются наиболее существенными для характеристики особенностей проявления категории оценки в языке.

Обобщенный характер оценочной семантики не является препятствием для более детального изучения оценки как особой понятийной категории в языке. Исследование семантики предикативно-оценочных фразеологических единиц путем распределения их в рамках разряда по семантическим группам, выделяемым на основе словарных толкований индивидуальных значений фразеологизмов, позволяет говорить о том, что общее значение оценки может быть разложено на ряды семантических признаков (так же, как разлагается световой луч при прохождении его через призму). Задачей является найти эту «призму» — тот прием или способ, который позволяет «разложить» это общее значение на составляющие его семантические признаки и установить его структурную организацию (иерархию и соотношение признаков).

Лексико-грамматический разряд предикативно-оценочных фразеологических единиц по своей структурной организации принципиально не отличается от фразеологических единиц других разрядов: внутри разряда фразеологические единицы распределяются по семантическим группам, сами группы и фразеологические единицы внутри групп вступают между собой в определенные связи и отношения, которые определяются соотношением в значениях фразеологических единиц признаков общих, имеющих и у других единиц ряда, и индивидуальных, определяющих своеобразие каждой единицы. В разряде предикативно-оценочных фразеологических единиц наблюдаются отчетливо выраженные связи и отношения между единицами, определяемые степенью схождения и различия семантических признаков в их значениях. Это служит основанием для разграничения семантических групп на разных уровнях абстракции, установления их соотношения друг с другом, описания процессов их взаимодействия. Описание структурной организации лексико-грамматического разряда предикативно-оценочных фразеологизмов, как и всей системы лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц русского языка, является задачей будущего.

Изучение проявления категории оценки в языке на фразеологическом материале не является простым дополнением к исследованию этой категории на материале слова. Специфика фразеологической номинации, связанной с квалификативными сферами познавательной деятельности человека, с его эмоционально-образным восприятием и рационально-оценочной квалификацией окружающей действительности, определяет продуктивность и эвристичность исследования категории оценки на материале фразеологии языка.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка : значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
2. *Васильев Л. М.* Системный семантический словарь русского языка : предикатная лексика. Уфа : Изд-во Башк. ун-та, 2005. 466 с.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Рус. словари, 1996. 416 с.
4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
5. *Жуков В. П.* Русская фразеология. М. : Высш. шк., 1986. 310 с.
6. *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. П. Жукова. М. : Рус. яз., 1987. 448 с.
7. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.
8. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ РАН : МГУ, 2004. 544 с.
9. *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь говоров Республики Коми. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. 312 с.
10. *Кованцева Л. В.* Аксиологические значения в семантической структуре сложно-сочиненных предложений современного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 16 с.
11. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 720 с.
12. *Сергеева Л. А.* Проблемы оценочной семантики. М. : МГОУ, 2003. 138 с.
13. Русская фразеология и фразеография : к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. 312 с.
14. *Столярова Э. А.* Лексико-семантическое поле оценки в разговорной речи // Словарные категории. М. : Наука, 1988. С. 186—191.
15. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки рус. культур», 1996. 288 с.
16. *Токтамысова Д. Б.* Прагматический компонент лексической оценки лица в современном английском языке (положительная оценка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1996. 21 с.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. М. : Астрель, 2001. 878 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М. : Астрель, 1986. 543 с.
19. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб. : Норинт, 2004. 768 с.
20. *Хуснутдинов А. А.* Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1993. 62 с.

Л. И. Гришаева

ИНОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена исследованию включения инокультурных реалий в текст художественного произведения, что имеет важное значение для постижения авторского послания. Выявлена непосредственная связь проблематики романа и способов ее реализации художественными средствами в фиктивном тексте с посланием автора читателям.

Ключевые слова: инокультурная реальность, инокультурные реалии, идиостиль, жанр.

The given article is devoted to the study of foreign realia in works of different writers. This seems to be of great importance for understanding the author's message. Interrelation of the novel's issues and their realization ways by artistic devices in a fictional text with the author's message is determined.

Key words: foreign reality, foreign realia, individual style, genre.

Знакомство с современной художественной прозой позволяет обратить внимание на ряд интересных особенностей, не обусловленных жанром или местом и временем действия, индивидуальными проявлениями мирозерцания писателя и/или его идиостилем, проблематикой произведения или сюжетом последнего, конфигурацией отношений персонажей в фиктивном тексте или характером главного героя, спецификой эстетических задач, решаемых художественными средствами, или способом повествования и т. д. Сказанное, вне всякого сомнения, относится и к роману Мартина Зутера «Повар» (Martin Suter. «Der Koch»).

Среди упомянутых особенностей, присущих современному роману, следует назвать прежде всего устойчивый интерес многих писателей к изображению взаимодействия носителей разных культур. Причем акты межкультурной коммуникации описываются в художественном произведении настолько ярко и образно, с таким богатством разнообразных деталей и подробностей, что уже с первого взгляда становится очевидным: это обстоятельство не может быть случайным. Более того, многоаспектный разбор подобных художественных произведений убеждает, что реалистическое изображение различных элементов инокультурной действительности и представителей разных культур не может не выполнять многочисленных функций при конструировании фиктивной реальности, позволяя писателю решать разнообразные эстетические и/или мировоззренческие задачи. Очевидно также, что соответствующие средства и способы конструирования фиктивной реальности активно участвуют в реализации авторского послания, способствуя осмыслению того, насколько значимы общечеловеческие ценности, любое нарушение которых недопустимо, поскольку это наносит вред абсолютно всем, в том числе и тем, кто закрывает глаза на большие и малые проступки — свои или окружающих людей.

Так, в романе М. Зутера развиваются две сюжетные линии: судьба Маравана, прирожденного повара, выполняющего подсобные работы в престижном

швейцарском ресторане, описывается параллельно с рассказом о финансовом благополучии Далманна, участвующего в выгодном для него нелегальном международном бизнесе по торговле оружием: «*Auch auf einem anderen Gebiet ließ sich die Vermittlungs- und Beratungstätigkeit erfreulich gut an. Nämlich die für seine thailändischen und pakistanischen Kontakte, Waen und Fajahat. Beide hatten sich mit Carlisle geeinigt, die Produkte waren an die USA verkauft und nach Thailand und Pakistan geliefert worden. Dass sie immer noch dort waren, bezweifelte Dalmann. Die thailändische Lieferung war wohl auf inoffiziellen Weg im Golf von Bengalen auf Schiffe der LTTE umgeladen, die pakistische wahrscheinlich hochhoffiziell nach Colombo verschifft worden*»* (здесь и далее курсив в цитатах наш. — Л. Г.). Линия Маравана завершается вполне благополучно — надеждой на семейное счастье, несмотря на трагическую участь его племянника, ради которого Мараван пошел на сделку с совестью, линия Далманна — крушением финансовым и моральным.

И это переплетение судеб выходцев из разных культурных и социальных миров оказывается в глазах читателей довольно символичным, поскольку погибает племянник Маравана, принимавший участие в борьбе тех людей, от которых Мараван длительное время разными способами старался дистанцироваться и которым оружие нелегально поставляет Далманн и его подельники.

Стремление отобразить поликультурную реальность современной Европы художественными средствами можно охарактеризовать, с одной стороны, как само собой разумеющееся, поскольку актуальная европейская действительность становится в социокультурном отношении все более гетерогенной. Это проявляется и в быту, и при распределении обязанностей или выборе профессий. Например, из описания быта Далманна читателю ясно, что персонаж имеет постоянные (каждодневные) тесные контакты с носителем иной культуры: «*Die Wohnung war ein wenig übermobliert und mit alten Nussbaumtüren und Arventäufelung ausgestattet, die man aus verschiedenen alten Häusern zusammengesucht hatte. Sie war geräumig genug für Dalmann und zwei Gäste und besaß ein kleines Personalappartement, das Lourdes bewohnte, die auch in diesen Tagen seinen Haushalt machte und das Frühstück zubereitete*» (180).

На фоне скрупулезного описания мельчайших подробностей окружающей персонажей действительности детальные характеристики носителей неевропейских культур воспринимаются как средства конструирования поликультурной фиктивной реальности, по которым читатель с той же идентичностью, что и автор произведения, легко распознает изображаемые ситуации и без особого труда воссоздает в своем воображении недостающие для полноты картины детали, чтобы в итоге адекватно понять послание автора: «*Durch die Wand zum Nachbarhaus führte eine Tür. Dahinter lagen zwei große Schlafzimmer mit je einer Sitzgruppe und einem luxuriösen Bad. Alles war neu und teuer, aber mit schlechtem Geschmack eingerichtet. Viel Marmor und vergoldete Armaturen, hochflorige Teppiche, zweifelhafte Antiquitäten und Chromstahlmöbel, Schalen mit getrockneten und parfümierten Blütenblättern. Die Wohnung erinnerte Andrea an eine Hotelsuite. Sie sah nicht aus, als lebte jemand darin*» (165).

С другой стороны, писатель вплетает в сюжет разнообразные детали, дающие читателям весьма четкое и дифференцированное представление о культурах, с которыми потенциальные читатели в силу разнообразных

* Suter M. Der Koch. Zürich : Diogenes Verlag, 2010. S. 234. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

причин необязательно хорошо знакомы. Например, Мараван рассказывает своей швейцарской приятельнице о жизни в Шри Ланке, по таким деталям читатель может судить также об уровне толерантности вне Европы: «Früher in Colombo, vor dem Krieg, feierten wir alle die religiösen Feste von allen. Die der Hindus, Buddhisten, Moslems und Christen. Jedes Mal war schulfrei. In der Silversternnacht waren wir alle auf der Straße und machten Feuerwerk» (194).

Аналогичным образом предстает на страницах романа и Швейцария, в которой мирно соседствуют выходцы из разных стран: «Im Wartezimmer von Dr. Kerner hingen Shiva, Buddha, Kruzifix und die Kalligraphie eines Koranverses einträchtig nebeneinander. Das passte zwar nicht allen Patienten, aber wer sich daran stieß, brauchte nicht in seine Sprechstunde zu kommen, fand der Arzt» (127).

Писатель убеждает, что стремление к взаимопониманию может стать надежной основой для добрососедских отношений между носителями разных культур в разнообразных условиях: «Das Wartezimmer war klein und überfüllt. Fast alle Patienten waren Asylbewerber. Die meisten davon Tamilen, ein paar Eritreer und Iraker. Dr. Kerner war in den letzten Jahren, mehr zufällig als gewollt, zum Asyldoktor geworden. Es hatte damit begonnen, dass er eine tamilische Arztgehilfin eingestellt hatte. Bald hatte es sich in der tamilischen Diaspora herumgesprochen, dass man bei Dr. Kerner Tamil sprechen konnte. Später kamen die ersten Afrikaner, und jetzt auch die Iraker» (126).

Описанные способы конструирования фиктивной реальности позволяют писателю обратить внимание читателей на важное и общечеловечески значимое обстоятельство: личное неучастие в нелегальной/преступной деятельности и/или ее пассивное осуждение, даже сознательное дистанцирование от соответствующих асоциальных проявлений не является гарантией морального и материального благополучия для конкретного человека: «Ein paar der Gesichter kannte er, aber nicht viele. Maravans Aktivitäten in der Diaspora beschränkten sich auf die Besuche der wichtigsten Feste und Kontakte mit den Mitbewohnern seines Hauses, von denen er ab und zu einige als Testesser einlud. Auch in den tamilischen Geschäften tauchte er auf und wechselte ein paar Worte mit den Inhabern oder Kunden. Aber sonst blieb er für sich. Nicht nur, weil ihm seine Arbeit und sein aufwendiges Hobby kaum Zeit ließen. Er hatte noch einen anderen Grund: Er wollte sich von der LTTE fernhalten, die bei der tamilischen Asylbevölkerung eine wichtige Rolle spielte und von dieser die Mittel für den Befreiungskampf eintrieb» (69).

Анализируемый роман повествует о перипетиях «врастания» в европейскую культуру выходцев из разных африканских и азиатских стран, прежде всего Маравана из Шри Ланки, эмигрировавшего в Европу, чтобы зарабатывать средства на содержание своих близких родственников: «Maravan war nicht militant. Er glaubte nicht an den unabhängigen Staat Tamil Eelam. Er würde das zwar nie laut sagen, aber er war der Meinung, dass die Liberation Tigers eine Versöhnung erschwerten und die Rückkehr von ihnen allen, die sie hier froren und niedrige Arbeiten verrichteten, verzögerten, vielleicht noch für Generationen verhinderten. Das wollte er nicht mitfinanzieren» (69). Писатель ни в коей мере не стремится изобразить Маравана как «типичного представителя в типичных условиях», его персонаж действует в самых обычных ситуациях: на рабочем месте в ресторане или в кафе, в общественном транспорте, на встречах с представителями диаспоры, у себя дома с приятелями и добрыми друзьями, на приеме у врача, во время разнообразных контактов со швейцарцами в рабочей и внерабочей обстановке и т. д. Тем самым художник ненавязчиво

показывает, с какими трудностями приходится каждый день сталкиваться носителям неевропейских культур и насколько сложными могут быть для человека с инокультурной идентичностью самые банальные для европейца действия, насколько неожиданными могут быть интерпретации намерений и ожиданий, а также реакций носителей разных культур.

Любопытным штрихом при конструировании фиктивной реальности является активное обращение к международной проблематике, отсылка к реальным всемирно значимым событиям, на фоне которых развиваются события, важные исключительно для отдельных людей, как это им представляется, например: «Wieder hatte Maravan über zwei Stunden im Wartezimmer von Dr. Kerner verbracht. Die zerlesenen Zeitungen, die herumlagen, hatten alle das gleiche Titelthema: *die bevorstehende Vereidigung des ersten schwarzen Präsidenten der USA, Barack Hussein Obama. Das Ereignis war auch das Hauptgesprächsthema unter den Wartenden. Die Tamilen erhofften sich von ihm eine weniger regierungsfreundliche Sri-Lanka-Politik. Die Iraker einen baldigen Abzug der amerikanischen Truppen aus ihrer Heimat. Und die Afrikaner mehr Engagement in Simbabwe und Darfur. Maravan beteiligte sich nicht am Gespräch. Er hatte andere Sorgen*» (218).

Таким образом, очевидно, что намеренное включение писателем в ткань художественного произведения инокультурных реалий, превращение носителей инокультурной идентичности в его главных героев имеют важное значение для постижения авторского послания. С одной стороны, детальное изображение актов межкультурного взаимодействия становится средством конструирования фиктивного хронотопа и опосредованно — средством характеристики актуального реального хронотопа. С другой стороны, активизация сведений, которые в реальной коммуникации, как правило, не вербализуются, выступает средством апелляции к ценностным ориентациям, что происходит без морализаторства и явного давления на мотивацию носителей культуры.

Функциональный потенциал такого способа конструирования фиктивной реальности в художественном произведении оказывается весьма богатым:

— параллели между разными культурными мирами организуют композицию художественного произведения, двигают сюжет и способны маркировать кульминацию повествования;

— предельно высокая степень детализации в изображении отдельных персонажей и их материального и социального окружения прямо и опосредованно характеризует персонажей, констелляцию между ними, а также современную писателю действительность;

— описание инокультурной действительности непривычным для читателя образом — на фоне реальности, хорошо знакомой писателю и потенциальным читателям, активизирует ценностные ориентации, и прежде всего те, которые, вне всякого сомнения, являются ядерными в картине мира: человечность, порядочность, толерантность, значимость традиционных семейных уз, что способствует в конечном итоге (пере)структурированию картины мира у читателей романа.

Таким образом, мы видим, как осуществляется непосредственная связь проблематики романа и способов ее реализации художественными средствами в фиктивном тексте с посланием автора читателям.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА И ГЕРОЙ-МАСКА КАК НЕДОСТОВЕРНЫЙ РАССКАЗЧИК В РОМАНЕ М. ФРИША «ШТИЛЛЕР»

Прием «герой-маска как недостоверный рассказчик» в романе М. Фриша «Штиллер» служит основой игрового поля, которое является предметом изучения. Прием маски при повествовании от первого лица выступает как доминирующий. Рассмотрение игровых приемов позволяет определить суть концепции жизнетворчества автора и своеобразие его позиции по отношению к данному феномену.

Ключевые слова: жизнетворчество, маска, игра, игровое поле, самоидентификация личности, рассказчик, недостоверный рассказчик.

The subject of the paper is the unreliable narrator, a technique which is central to M. Frisch's novel «Stiller». The technique of a «mask» in the first-person narration is dominant in his «game field». Studying game techniques in the novel enables us to reveal the author's «creative life» concept and his peculiar position in relation to this phenomenon.

Key words: «creative life» concept, «mask», game, «game field», a person's self-identification, narrator, unreliable narrator.

Жизнетворчество — «это создание человеком своей жизни на основе выработанных им ценностей и смысла своего существования в соответствии с общественно значимыми ценностями» [5]. Феномен жизнетворчества в литературе становится наиболее актуальным в переломные эпохи, такие, например, как рубеж XIX—XX веков, и находит особое осмысление в произведениях эстетов и символистов. Игровая природа данного явления очевидна, поэтому жизнетворчество тесно связано с приемами маски и роли. «Маска», издавна самый распространенный из игровых приемов, прошла в литературе долгую эволюцию и приобрела в XX веке новое значение. Интерес к образу авантюриста, к жизни человека-маски, поиск индивидуумом собственного лица — все это привлекает внимание мыслителей и писателей XX века, что во многом обусловлено историческими коллизиями. По мнению В. В. Малащенко, «проблема самоидентификации личности человека была глубоко изучена в поэтике художественной модальности еще немецким романтизмом, декларативно закодирована Ф. Ницше в знаменитом тезисе о смерти Бога, но максимально полно актуализирована в XX в., когда, казалось бы, привычные и незыблемые онтолого-гносеологические и аксиологические идеалы общества были низвергнуты трагическими событиями двух мировых войн. Поиск причин подобных глобальных катастроф и преодоление их последствий заставили человека в очередной раз попытаться проникнуть в свою сущность, вернуться к истокам, к... максиме “познай самого себя”» (цит. по: [2, с. 131—132]).

«Маска» в произведениях М. Фриша зачастую связана с раскрытием целого ряда тем, характерных как для драматургии, так и для прозы швейцарского писателя. Это темы фатума, обреченности, отчуждения человека в обществе, одиночества, страха, с чем связаны попытки личности убежать от своего привычного контекста, выйти за рамки обыденности и самой себя.

Наиболее ярким образцом произведения с такой проблематикой является роман «Штиллер» (1954 г.).

Большая часть романа написана в форме дневника. Это семь тетрадей, в которых ведет записи некий Джеймс Уайт, заключенный в швейцарскую тюрьму по подозрению, что его американский паспорт поддельный. Уайту вменяют в вину, что он выдает себя за другого. На самом деле он и есть другой — швейцарский скульптор Анатолий Штиллер, пропавший без вести шесть лет тому назад. Повествователь утверждает, что он не Штиллер, хотя его опознают жена и друзья, брат и бывшая любовница. Уайт — искусный рассказчик. Разговаривая с тюремным надзирателем, адвокатом и прокурором, он повествует об удивительных приключениях в джунглях, пустынях и горах, американских прериях, рассказывает о жизни индейцев и ковбоев. Это истории сильного, мужественного человека, который на фоне прекрасной и дикой природы совершает отчаянные поступки и даже преступления. Так, простодушного надзирателя Кнобеля он шокирует красочным повествованием об убийствах — жены, бриллиантового гангстера, соперника и бывшего друга-ковбоя.

Вскоре становится понятно, что мы имеем дело с приемом недостоверного рассказчика. Все истории Уайта слишком напоминают приключенческие романы и ковбойские фильмы. Однако лейтмотивным в его рассказах выступает образ идеальной жены, которая своим всепрощением и кротостью настолько высвечивает несовершенство мужа, что, в конце концов, вызывает у него ненависть и умирает от его руки.

Параллельно в дневниках идет рассказ о жизни Анатолия Штиллера, к которому Уайт относится с иронией, а то и с явной неприязнью: «...он женственная натура. Ум достаточно заурядный и нетренированный... моралист как все люди, не приемлющие себя... страдает комплексом неполноценности. Он бежит от “сегодня” и от “здесь”, по крайней мере, внутренне. Такой, какой он есть, он не в состоянии быть любимым... ибо, поверив в любовь, он будет вынужден поверить в себя, а от этого он бесконечно далек» [6, с. 289]. И хотя о Штиллере рассказывает Уайт, и якобы со слов окружающих, но, тем не менее, он прекрасно осведомлен обо всех самых тонких движениях души Штиллера, о всех нюансах его семейной и творческой жизни. Заурядный скульптор и человек, живущий под гнетом вины из-за происшествия во время Гражданской войны в Испании, человек тонко чувствующий, но болезненно неуверенный в себе, Штиллер не умеет быть счастливым. Он женится на любимой женщине — рыжеволосой красавице балерине Юлике, но, заикленный на своих комплексах, не способен понять ее душевные переживания и вместо семейного счастья получает мучительное ощущение того, что этого счастья он недостоин: «Неуверенный в себе, он подозревал, что женщина, коснувшись его руки, испытывает отвращение» (168). Женившись на Юлике, он ощущает себя потным и грязным рыбаком, который обнимает хрустальную фею. Считая себя творческим человеком и проводя все время в мастерской, Штиллер не способен зарабатывать достаточно денег. Он постоянно находится в тени жены, известной балерины и красавицы, а ее скромность, незлобивость и готовность его постоянно прощать доводят его до отчаяния. «...Запуганный, надломленный человек, который постоянно хочет в чем-то оправдаться, проверить себя, мужчина с нечистой совестью, идиот, который винит только себя, если что-нибудь не клеится. Разве я не отвечал всегда и за все, даже за погоду?» (там же) — таков самоанализ Штиллера. Отношения с любовницей не помогают ему обрести уверенность и изжить свои комплексы, виной которым — давняя история,

случившаяся во время войны в Испании, когда солдат Штиллер не смог выстрелить в человека и счел себя предателем. Герой бежит, бросив большую Юлику в санатории, и под чужим именем нелегально отплывает в Америку.

Казалось бы, все просто: неудачник как в личной, так и в социальной жизни надевает маску, черты которой полностью противоположны реальному лицу. Маска — «господин Уайт» (фамилия переводится «белый», «чистый») и, очевидно, означает жизнь с чистого листа), человек мужественный, сильный, уверенный в себе и способный даже на убийство. Это особенно подчеркивается. В подобном бегстве много детского, недаром Сибилла, любовница Штиллера, характеризуя его библиотеку, называет ее почти юношеской. Штиллер действительно незрелая личность.

Однако противопоставить Штиллера и Уайта как реальность и игру — значило бы сильно упростить замысел автора. Игровая структура романа гораздо сложнее. Ведь те черты Штиллера, которые вырисовываются из дневников Уайта, — тоже не совсем действительность. Это результат скрупулезного, болезненного самоанализа. Субъективный взгляд на себя — тоже своего рода маска, правда, не осознанная, а сложившаяся в результате жизненных обстоятельств. И в маске Уайта Штиллер продолжает винить себя во всем, его требовательность к себе не стала меньше, наоборот, она доходит до полного отрицания себя как Штиллера. Объективным такой образ быть не может. «Женственная натура, мимоза в мужском обличье» (166) — подобные характеристики, даваемые самому себе, не вяжутся с яркой гражданской позицией Штиллера, с его уходом добровольцем на войну в Испании, даже с его реальным бегством. В то же время в романе присутствует еще одна маска Штиллера — навязанная ему окружающими. «Можно рассказать обо всем, только не о своей доподлинной жизни; эта невозможность обрекает нас оставаться такими, какими видят и воспринимают нас окружающие — те, что утверждают, будто знают меня, те, что зовутся моими друзьями. Они никогда не позволят мне перевоплотиться, а чудо — то, о чем я не могу поведать, не сказанное и недоказуемое, — они высмеют, лишь бы сказать: “Мы знаем тебя”» (132), — рассуждает герой.

Штиллер раздает маски и окружающим. Ставя себя в центр мира, он уверен, что все вокруг только и стремятся выставить его слабаком и неудачником, символом поражения для которого становится даже сама его фамилия (Смирнов).

«Я не их Штиллер! Чего они от меня хотят? Я несчастный, пустой, ничтожный человек, у меня нет прошлой жизни, вообще нет никакой жизни. Зачем я им лгу? Все равно я останусь в своей пустоте, в своем ничтожестве, в своей действительности, ибо бегства нет и быть не может, а то, что они мне предлагают, — бегство; не свобода, а бегство в роль» (119).

В порыве бессильного отчаяния Уайт-Штиллер громит собственную мастерскую, пытаясь отречься и от своей социальной роли, говоря о скованном, мертвом состоянии человека-функции. Но игра не может быть без правил. Поэтому полный уход человека в роль снова ограничивает его, вводит в систему координат, только другую, чем та, от которой он бежит. Столкновение с собственной ролью порождает внутренний конфликт.

По мысли Д. В. Затонского, «о такой “жизни” дьявольски трудно рассказывать, трудно, потому что она лишена материальной основы, осязаемых фактов. Уайт... аморфен. Ему присущи порывы, настроения, ощущения, но нет у него действительного социального бытия, даже биографии нет. И ее приходится выдумывать» [1, с. 313].

Личность Уайта — как раз и есть результат жизнетворчества, а правила игры, которую выбирает Штиллер, — это не что иное, как штампы, которые навязываются современному человеку через СМИ. Творческое начало, воображение, умение чувствовать и гуманизм, проявляющийся в неспособности убить себе подобное существо даже на войне, — все это Штиллер считает слабостью и ставит себе в вину. Герой не способен причинить вред даже кошке. В лице господина Уайта он выбирает для себя brutальный образ, образ мачо, который, наряду с путешествиями, хвастается совершенными убийствами. Характерно то, что в этой роли он позиционирует себя как американец, отрекаясь и от родной Швейцарии.

Как отмечают исследователи творчества М. Фриша Н. С. Павлова и В. Д. Седельник, «...герой хочет уйти от механической предопределенности жизни, где людей приводят к стандартной роли, как дробь приводит к общему знаменателю. Он пытается нащупать исходную многовариантность — свободу выбора, которой должен располагать человек, если он хоть в какой-то мере хозяин своей судьбы» [3, с. 253].

Итак, герою кажется, что в игре он обретает свободу, но это-то и есть самая главная иллюзия.

Критика современного общества, с его «высосанным из пальца» гуманизмом, звучит из уст героя нередко. Но он так и не осознает, что навязанной является как раз именно маска господина Уайта, представляющая собой самый настоящий стереотип (образ харизматичного убийцы выставляется идеалом мужественности).

Неслучайно в итоге, разочаровавшись в возможности бегства от себя, Штиллер терпит поражение. В конце романа меняется рассказчик. После того как суд выносит заключение, что Уайт — это и есть пропавший Штиллер, записи героя прекращаются, как и его игра. Послесловие пишет прокурор Рольф, ставший его другом. Именно он повествует о смерти Юлики — события, за которым должно бы последовать прозрение Штиллера. Горе его безгранично, и это уже жестокая реальность, ломающая всякую игру. Роман заканчивается тем, что герой остается один, так и не найдя себя подлинного.

Жанр «Штиллера» определяют как социальный роман. Несомненно, так оно и есть, потому что в нем высвечивается проблема дегуманизации общества, утраты нравственных ориентиров и моральных ценностей. Но жанр этого произведения М. Фриша можно определить также и как психологический роман, и как роман-игру.

Библиографический список

1. *Затонский Д. В.* В наше время : книга о зарубежной литературе XX века. М. : Сов. писатель, 1979. 431 с.
2. *Затонский Д. В.* Зеркала искусства : статьи о современной зарубежной литературе. М. : Сов. писатель, 1975. 342 с.
3. *Павлова Н. С., Седельник В. Д.* Швейцарские варианты: литературные портреты. М. : Сов. писатель, 1990. 318 с.
4. *Седельник В. Д., Вишняков А. Г., Павлова Н. С.* История швейцарской литературы : в 3 т. М. : ИМЛИ РАН, 2005. Т. 3. 813 с.
5. Тематический философский словарь. URL: http://thematic_philosophical.academic.ru/108/%D0%96%D0%98%D0%97%D0%9D%D0%95%D0%A2%D0%92%D0%9E%D0%A0%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (дата обращения: 31.01.2017).
6. *Фриш М.* Штиллер. М. : АСТ, 2000. 448 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы.

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ — АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Анализируется концепция культурной грамотности, разработанная Э. Д. Хиршем. Проводится аналогия между данной теорией и российским понятием страноведения. Подробно рассматривается термин «фоновые знания», структура этих знаний и их влияние на общественный дискурс. Приводятся причины, повлекшие падение уровня образования в США, а также пути преодоления возникших проблем.

Ключевые слова: концепция культурной грамотности, словарь, фоновые знания, тест, эффективная коммуникация.

The article deals with the theory of cultural literacy which in due time became the theoretical base of the dictionary under the same title. The analogy between the theory in question and the Russian notion of linguistic country study is observed. The novelty of the idea suggested by E. D. Hirsch is that true literacy depends on the acquisition of certain information universally shared by all the members of the given community. The notion of «background knowledge», its structure and its influence on social discourse is analyzed. The reasons resulting in the low level of education in the country and steps to get over the arising problems are given.

Key words: cultural literacy concept, dictionary, background knowledge, test, effective communication.

Концепция культурной грамотности, которая впоследствии легла в основу «Нового словаря культурной грамотности», была разработана Э. Д. Хиршем. Появление этой концепции явилось ответом на социальный запрос, вставший перед американским обществом в 80-е годы XX века. Согласно мнению многих деятелей в сфере образования, уровень грамотности нации начал снижаться начиная с 60-х годов XX века. Причем данный процесс затронул не только детей с задержками в развитии, но и студентов высших учебных заведений. Упадок политической активности, рост невежественности и безграмотности молодежи привели к выявлению проблемы фоновых знаний. Общеизвестно, что этот спад происходил в то время, когда необходимость в истинно функциональной грамотности стала ощущаться многими как залог экономического благосостояния и даже как условие поддержания социальной структуры общества. Перед публикацией словаря Э. Д. Хирш выпустил монографию под названием «Культурная грамотность. Что нужно знать каждому американцу», где изложил основные постулаты своей теории.

В ней он отмечал, что современные комплексные предприятия зависят от сотрудничества людей разных специальностей. Там, где коммуникация ослабевает, то же происходит и с предприятиями; молодые служащие среднего звена, недостаточно образованные, чтобы легко понять друг друга, повторяют

историю Вавилонского столпотворения и тратят много времени на объяснение того, что их деды могли выразить одной емкой аналогией. Что касается социально-политической жизни нации, то необразованность гражданина фактически лишает его избирательного права. Полуграмотные люди оказываются обречены не только на бедность, но и на непонимание спорных вопросов, речей политиков, газетных статей и, чувствуя себя жертвами сверхупрощения, не доверяют системе, в которой они якобы являются хозяевами [3, р. 3].

Новизна идеи, предложенной Э. Д. Хиршем, состоит в том, что он установил зависимость истинной грамотности от знания особой информации, разделяемой всеми членами данного сообщества. Эта информация есть не что иное, как фоновые знания в терминологии Е. М. Костомарова и В. Г. Верещагина. Э. Д. Хирш уделяет серьезное внимание становлению, свойствам и психологической структуре фоновых знаний. Они складываются во внутринациональной коммуникации. В основе этого процесса лежит формирование и существование национального языка как главного инструмента общения и национальной культуры, создание языкового и культурного словарей. Единый общенациональный литературный язык складывается в период становления общенациональных экономических и социальных связей и поддерживается системой образования. Э. Д. Хирш посвящает целую главу книги истории формирования принципов, ценностей и традиций американского общества, которая оказывается тесно связанной с процессом создания национальных мифов (имена, события, легенды) и символов — «гражданской религии». Национальная культура включает в себя «гражданскую религию», но имеет в основе гораздо более разнообразный лексикон, пригодный для выражения различных, даже противоположных точек зрения. Культурный словарь, особенно в части «гражданской религии», закрепляется в учебниках, книгах для чтения. Автор особо подчеркивает, что языковой и культурный словари общества возникают в результате взаимовлияния и взаимопроникновения всех групп и слоев населения, причем наиболее активно этот процесс идет в гигантском котле больших городов. В результате исторического развития у разных народов сложились различные словари, но все они достаточно широки, имеют разветвленные корни и делают данную культуру жизнеспособной [3, р. 70—77]. Чтение и письмо — не только акты декодирования и кодирования информации, но и акты коммуникации, которая требует владения некими общепризнанными знаниями-концептами, не зарегистрированными буквально на данной странице. Культурная грамотность, в отличие от экспертных знаний, разделяется всеми членами сообщества. Это та подвижная часть информации, которую сообщество сочло полезной и, следовательно, достойной сохранения. Лишь небольшая часть того, что прочитано или услышано, занимает надежное место на полочках памяти культурно грамотного человека, но важность этой сохраненной информации не подлежит сомнению. Фоновые знания являются основанием общественного дискурса. Они позволяют понимать ежедневные газеты и телевизионные новости, речи политических лидеров и даже шутки. Эти знания меняются очень медленно. Примерно 80 % общеупотребительной информации оставалось неизменной более 100 лет. Такой культурный консерватизм полезен для социальной коммуникации: он позволяет общаться людям разных поколений, политических ориентаций, национальной и религиозной принадлежности, разных регионов страны. Психологическая структура фонового знания представляет собой многоуровневую смысловую схему, на разной глубине которой залегают

сведения, различные по частоте использования и, значит, по легкости актуализации. Человек, как правило, склонен интерпретировать свои впечатления в средних категориях: не слишком конкретных и не слишком обобщенных. Сами базовые классификации, в терминах которых человек понимает мир, представлены для него через обычно встречающиеся примеры. В книге подробно описан оригинальный эксперимент, в результате которого установлено, что типичной для англичанина птицей является создание вроде малиновки и именно обозначение его, в отличие от наименования цыпленка или страуса, легко вписывается во фразы, составленные с использованием имени класса «птица». Оказалось также, что основная информация о классе находится дальше от поверхности при извлечении ее из памяти, чем конкретная информация о знакомом виде, которая чаще используется в повседневной жизни. Именно поэтому для успешного взаимопонимания нередко достаточно вместо подробного и глубокого знания теорий, фактов и книг поверхностной осведомленности о них. Словарь слов и идиом образованного человека составляет примерно 50 тыс. единиц. В полном тексте долговременной памяти содержится значительно больший объем знаний, но базовый словарь служит простым и легкодоступным индексом для них. Выражая свои мысли, человек должен не только извлекать собственные схемы, но и иметь в виду, насколько они разделяются партнерами по общению. Экспериментально показано, что дети переходят на эгоцентрическую речь, описывая нечто им малоизвестное. И детям, и взрослым, культурно малограмотным людям, недостает, помимо просто информации, еще и легкодоступных сведений о том, что известно другим, и о системе их ассоциаций. То же необходимо и специалистам, чтобы они могли доносить свои знания с помощью общедоступных аналогий [3, p. 134].

Для идентификации данного типа знаний Э. Д. Хиршем разработан ряд правил. Во-первых, по его мнению, большая часть информации находится либо выше, либо ниже уровня культурной грамотности. Значительная часть информации настолько специфична, что известна только экспертам, и, следовательно, расположена выше уровня общих знаний. В то же время часть информации, такой как, например, названия цветов, животных и т. д., является базовой и общеизвестной и в словарь культурной грамотности не включается. По определению лексика культурной грамотности находится между специализированной и общей.

Во-вторых, следует установить, насколько широко известно данное понятие в американской культуре. Только те понятия, о которых осведомлено большинство образованных американцев, могут быть отнесены к словарю культурной грамотности. При отборе подобных понятий Э. Д. Хирш опирался на частотность их употребления в национальных периодических изданиях. С его точки зрения, если какое-либо периодическое издание ссылается на событие, лицо или предмет, не давая им определения, то можно предположить, что большинство читателей знакомы с ними. По-видимому, это событие, лицо, предмет являются частью общих знаний и, следовательно, частью культурной грамотности нации.

В-третьих, необходимо помнить, что культурная грамотность это не знание текущих событий, хотя с ее помощью можно понять эти события более глубоко. Чтобы стать составляющей культурной грамотности некая информация должна обладать устойчивой значимостью. Такая информация уже нашла определенное место в коллективной памяти или имеет перспективы

его найти. Это то, что способствует стабильности культурной грамотности в Америке. По мнению Э. Д. Хирша, нередко определить устойчивую значимость трудно, так как в век коммуникации время жизни многих понятий в коллективной памяти довольно коротко. То, что кажется монументальным сегодня, часто становится тривиальным завтра. Таковы критерии отбора культурно-маркированных лексических единиц, которые относятся к сфере культурной грамотности [4, р. 11].

Таким образом, культурная грамотность — это некий свод фоновых знаний, с которым должен быть знаком американец, чтобы адекватно понять смысл высказывания. Влияние фоновых знаний на понимание текста Э. Д. Хирш видит в явлениях, подобных следующему. Приводится начало школьного учебника по химии: «Вы начинаете изучение химии в то время, когда все больше людей обеспокоено снижающимся качеством жизни. Химия может помочь вам приобрести более глубокое и всестороннее понимание той окружающей среды, в которой вы живете сейчас. Если вы любознательны и хотите знать больше о природных процессах, минералах, воде и растворах, атмосферных газах, изучение химии увлечет вас». Итак, предполагается, что ребенок еще до чтения данного пассажа должен знать, что означают слова «химия», «раствор», «снижающееся качество жизни». Но даже просто рассматривая каждое слово в последней фразе, можно увидеть какой огромный запас фоновых знаний за ними стоит. Чтобы понять эту фразу быстро и точно, нужно больше, чем знание значений отдельных слов или умение делать логические выводы. Следует знать ту фоновую информацию, которой обладает автор, в данном случае — широко обсуждаемую проблему загрязнения рек, атмосферы и т. д. Ни слово, ни понятие «загрязнение» в отрывке не упомянуто. Чтобы разобраться в нем, нужно знать не только то, что реки и воздух загрязняются, но и то, что это загрязнение каким-то образом связано со словами «снижающееся качество жизни». Не владея фоновыми знаниями, человек с хорошим знанием английского языка и с хорошими навыками чтения будет озадачен сопоставлением понятия «качество жизни» со ссылкой на водные растворы [4, р. 14].

Способность к чтению и пониманию прочитанного зависит не только от широких знаний, но и знаний, которые можно назвать обоюдными. Общение между читающим и пишущим всегда связано с умением видеть подтекст, остающийся невысказанным буквально, однако который должен ощущаться и читателем, и писателем, если коммуникация протекает эффективно. Поскольку успешное обучение посредством чтения обусловлено эффективностью коммуникативной операции, Э. Д. Хирш пришел к выводу, что и на чтение, и на обучение мощно воздействует то, насколько полно фоновые знания разделяются писателем и читателем, учителем и учеником. Чтобы хорошо учиться, нужно многое знать, а также обладать теми особыми знаниями, которые позволяют читать между строк. Следовательно, обучение зависит от коммуникации, эффективная коммуникация — от фоновых знаний. Оптимальный способ выполнить это требование — способствовать тому, чтобы и обучающие, и обучаемые на деле обладали универсальным объемом особых знаний. Основная идея теории Э. Д. Хирша состоит в том, что эффективность решения родственных проблем обучения и грамотности зависит от наличия у обеих сторон обучения обоюдных фоновых знаний, которые Э. Д. Хирш назвал культурной грамотностью. Он отмечает, что содержание этих знаний не является тайной, его можно систематически передавать учащимся. Далее ученый

заявляет, что если удастся передать такие знания, то можно будет достигнуть универсальной грамотности, которая необходима для закладывания фундамента дальнейших образовательных, экономических и социальных преобразований.

В качестве примера приводится история развития образования во Франции (страна с мультикультурным населением), где достигнут его высокий уровень. Вплоть до XVIII века здесь говорили по крайней мере на четырех языках. Французская школьная система, по словам Ю. Вебера, превратила неграмотных крестьян во французов, именно школьная система, а не крестьянский дом совершила это чудо.

Одной из основных причин падения уровня образования в США Э. Д. Хирш называет использование на начальной и средней ступенях общеобразовательной школы так называемых практико-ориентированных, релевантных материалов. Последующее за этим исчезновение из школьных программ традиционной истории, мифологии, литературы имело далеко идущие и катастрофические последствия для национальной культуры. Согласно последним исследованиям, наблюдается высокая корреляция между навыками и специфическими знаниями и эта корреляция сохраняется на всех уровнях. Кроме того, отмечается присущий грамотности консерватизм, например правил орфографии. Подобный консерватизм свойствен и другим аспектам культурной грамотности. Он полезен для целей национального общения, помогает внукам общаться с дедами, южанам с жителями других штатов, белым с черными, азиатам с выходцами из Латинской Америки, республиканцам с демократами. Следовательно, хорошим определением культурной грамотности будет способность эффективно общаться с незнакомцами. Обучение людей из нижних страт общества основам традиционной культуры может помочь им подняться экономически, они смогут эффективно общаться за рамками узкой социальной сферы. Таким образом, присущий культурной грамотности консерватизм неизбежно ведет к следующему парадоксу: социальные цели либерализма требуют образовательного консерватизма. С точки зрения Э. Д. Хирша, социального и экономического прогресса можно достигнуть обучая всех чтению и коммуникации.

С момента своего появления концепция культурной грамотности мгновенно вызвала интерес и продолжает привлекать внимание ученых в разных странах. В России В. Г. Костомаров был одним из первых, чья статья «Американская версия лингвострановедения» явилась своего рода реакцией на теорию Э. Д. Хирша. В. Г. Костомаров отметил, что ценность проведенного исследования заключается в том, что Э. Д. Хиршу удалось с позиции национальной культуры осветить политику, общественные институты, обычаи США. Именно эта сфера словаря культурной грамотности наиболее важна для полноценного владения языком как средством общения, так как в ней отражаются межличностные, местные, национальные, классовые различия, что, несомненно, является необъятной сферой для описания [1, с. 72].

Идея повышения культурного уровня молодежи и расширения ее кругозора путем добавления в учебные программы ряда общеобразовательных тем из области литературы, географии, истории, культуроведения чрезвычайно актуальна, интересна и заслуживает достойного внимания. Более того, подобная идея и предлагаемый Э. Д. Хиршем вариант ее осуществления не имеют аналогов в своем роде.

Концепция культурной грамотности явилась интересным материалом для дискуссий. Ее применение на практике вызвало шквал критики. Многие

ученые, например П. Шэннон (см.: [2, с. 267]), не согласны с методом отбора культурно-маркированных лексических единиц словаря культурной грамотности. Отбор слов, как поясняет Э. Д. Хирш, осуществлялся им и его шестью коллегами путем детального обсуждения каждого выдвинутого понятия. Многие ученые считают такой прием невалидным. Тест культурной грамотности, разработанный Э. Хиршем и его коллегами, состоит из вопросов множественного выбора, что часто не отражает действительных знаний испытуемого, а лишь демонстрирует некую натасканность в тестируемой области. Поскольку культурная грамотность влияет на овладение навыками письма и чтения, обучение ей, по мнению исследователя, нужно вести уже в начальной школе, подбирая учебные тексты, насыщенные словарной информацией. Представляется спорным положение автора о том, что следует отдавать безусловное предпочтение этим текстам, а не художественным: вряд ли стоит лишать детей возможности приобщиться к красоте и увлекательности произведений, отражающих мир человеческих чувств и богатство жизненных ситуаций.

Э. Д. Хирш считает, что конечность списка сведений, необходимых для культурной грамотности, заставит людей выучить несколько сотен страниц, стоящих между невежеством и образованностью, однако есть опасность, что многие сочтут возможным ограничиться данным списком, допускающим поверхностное знание большей части тем. Такой подход повлек бы обеднение «полного текста долговременной памяти» и — впоследствии — катастрофическое сужение самого словаря культурной грамотности. Несмотря на сомнения и возражения, возникающие по поводу теории Э. Д. Хирша, разрабатываемые им идеи культурной грамотности членов социума как условия эффективной общественной коммуникации, взаимозависимости в освоении знаний и умений, исследование психологической структуры фонового знания, конкретные рекомендации к построению учебных программ, бесспорно, интересны.

Библиографический список

1. *Костомаров Е. Г.* Американская версия лингвострановедения // Русский язык за рубежом. 1989. № 6. С. 72—80.
2. *Сысоев П. В.* Концепция языкового поликультурного образования : (на материале культуроведения США). М. : Еврощкола, 2003. 406 с.
3. *Hirsch E. D.* Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York : Random House, 1988. 253 p.
4. *Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J.* The New Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. Boston : New York : Houghton Muffin Company, 2002. 254 p.

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЙ КОМПЛЕКС В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ РЕЧИ: ИНТОНАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Рассматриваются особенности интонационной реализации вопросно-ответного комплекса в академической презентационной речи. Особое внимание уделяется прагматической функции данного комплекса и устойчивым интонационным моделям, используемым ораторами — носителями американского варианта английского языка.

Ключевые слова: вопросно-ответный комплекс, интонационное оформление, экспрессия, персуазивный дискурс, академическая презентация, стратегия и тактики диалогизации.

The article deals with the peculiarities of intonational figuration of question answering module in the academic presentation. Special attention is paid to the pragmatics function of question answering module and stable intonation patterns used by native speakers.

Key words: question answering module, intonational figuration, expression, persuasive discourse, academic presentation, dialogisation strategy and tactics.

Средства осуществления диалогизации устной речи находятся в фокусе большого количества исследований. Особого внимания с точки зрения прагматической значимости и особенностей интонационного оформления в академической презентационной речи заслуживает вопросно-ответный комплекс как элемент категории диалогичности. Вопросно-ответный комплекс ритмически организует научную речь, облегчает ее восприятие, повышает общую экспрессию, активизируя внимание слушателей, что и определяет актуальность изучения избранной темы.

Предметом исследования выступают интонационные особенности вопросно-ответного комплекса, функционирующего в академической презентационной речи носителей американского варианта английского языка.

Основная цель исследования — выявление и анализ устойчивых интонационных моделей данного комплекса в рамках его прагматической значимости.

Выделение вопросно-ответного комплекса для интонационного исследования объясняется тем, что в ораторской презентационной речи он является одним из основных средств ее диалогизации.

Поставленная цель предполагает решение следующих основных задач:

1) сформулировать концептуальную базу исследования на основе анализа имеющихся в специальной литературе сведений;

2) проанализировать акцентно-мелодический контур простого и анафорического вопросно-ответного комплекса в речи носителей американского варианта английского языка, описать его структуру и роль в вовлечении слушателей в дискурс академической презентации.

Для решения указанных задач применялись следующие *методы* исследования: метод сплошной выборки, лингвистический анализ исследуемых речевых единиц, слуховой анализ презентационной речи, количественная обработка числовых значений с последующей лингвистической интерпретацией полученных данных.

Материалом для проведения эксперимента послужили аудио- и видеозаписи устной речи 30 информантов (мужчины и женщины), сделанные на научных конференциях (объем звучания 100 минут) и извлеченные из сети Интернет (объем звучания 200 минут) [3, с. 6]. В тридцати анализируемых презентациях было выявлено 25 структурных единиц, которые рассматривались как вопросно-ответные комплексы.

Вопросно-ответный комплекс привносит диалогичность в научную речь и являет собой двучастную форму: первая часть — вопросительное высказывание (простой комплекс) или интеррогативная группа (сложный комплекс), вторая — одно или несколько высказываний, содержание которых представляет ответную реплику [2].

Простой вопросно-ответный комплекс в академической презентационной речи носителей языка выражен двумя вариантами комбинаций моделей тезиса, вопроса и ответа. В первом случае для интонационного оформления тезиса используется модель простого повествовательного высказывания, завершаемая тоном «Low Fall». Собственно вопрос оформляется моделью специального вопроса с нисходящим тоном. Ответ представляет собой многосинтагменное высказывание, первая часть которого завершается тоном «Fall-Rise», имеющим значение некатегоричности, контраста, противопоставления, незаконченности, а вторая часть — тоном «Low Fall», имплицитно указывающим на законченность, уверенность говорящего, категоричность высказывания.

+/- Low Pre-Head + (Stepping Head + Low Fall) +/- Tail: *There are 'twenty or 'thirty most im'portant di'seases of hu'manity* ||

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + Low Fall) +/- Tail: *'How do they originate?*

[+/- High Pre-Head + Stepping + Fall-Rise] + [Stepping Head + Low Fall + Tail]: *And the 'answer is | there's 'many 'common features to them* ||

Во втором случае простой вопросно-ответный комплекс также имеет структуру «тезис, вопрос, ответ». При этом для интонационного оформления тезиса используется модель многосинтагменного повествовательного высказывания, завершаемая тоном «Rise + Fall», придающим суждению определенность и законченность, эмоциональную окрашенность, удивление. Собственно вопрос оформляется повторяющейся моделью специального вопроса с нисходящим тоном. Ответ представляет собой многосинтагменное высказывание, первая часть которого завершается тоном «Fall-Rise», а вторая часть — тоном «Low Fall». На основе вышесказанного можно предположить, что простой вопросно-ответный комплекс имеет устойчивую, клишированную интонационную структуру, используемую ораторами — носителями языка.

[+/- High Pre-Head + Stepping + Mid Level] + [Stepping Head + Rise + Fall]: *So 'first we have the 'content of what do you > say | and then the de'livery skills of how do you 'say it* ||

+/- High Pre-Head + Stepping Head + Low Fall +/- Tail: *Now 'which one is more im'portant?* ||

[+/- High Pre-Head + Stepping + Fall-Rise] + [Stepping Head + Low Fall +/- Tail]: *And the 'answer is 'that it is 'neither | they are 'equally im'portant* ||

Анафорический вопросно-ответный комплекс является классическим приемом стилистического синтаксиса, ведущим к ритмизации ораторской речи, повышающим ее общую экспрессию. Такая организация текста существенно усиливает значимость каждого элемента, вводимого на фоне повтора, актуализирует его [1].

В академической презентации анафорический вопросно-ответный комплекс представляет собой последовательность трех специальных вопросов, имеющих одинаковое начало, т. е. является лексической, грамматической и звуковой анафорой (контактный анафорический повтор), активно используемой в рассматриваемой речи и реализующей тактику вовлечения адресата в рассуждение в рамках стратегии диалогизации. Контактная анафора — повторение слов или частей сложного предложения либо начальных элементов соседних предложений. Интонационно анафорический вопросно-ответный комплекс представляет собой комбинацию многосинтагменных высказываний, в которых первая нетерминальная синтагма оформляется низким восходящим тоном, далее следует нисходяще-восходящий тон и завершающая конструкция оканчивается низким нисходящим тоном.

+/- High Pre-Head + Stepping Head + Low Fall +/- Tail:

'Why did it 'take us | until the 'nineteen \eighties | to recognize this pan.dem.ic? ||

Why did it 'take us until nine'teen eighty \one | to >actually er | i'dentify the 'syndrome that was 'killing indi\viduals? ||

'Why did it 'take us until 'nineteen eighty \four | to know that this was a di'sease which was 'caused by a \virus | 'HIV? ||

And 'why did it 'take us until nine'teen eighty \six | or eighty \seven | before the 'president of United 'States 'even would ac>knowledg er | the di'sease by 'us-ing the word 'AIDS in public add\resses? ||

Еще одним примером анафорического вопросно-ответного комплекса является последовательность из трех специальных вопросов, также имеющих одинаковое начало (в данном случае вопросительное слово *how*). Интонационное оформление первых двух вопросов идентично: они завершаются низким восходящим тоном (с тем отличием, что в первом вопросе используется «Accidental Rise»). Третий вопрос оформляется низким восходящим тоном, типичным для вопросительных конструкций, подчеркивающим незавершенность и придающим высказыванию более непринужденное звучание. За последним вопросом следует ответ в виде многосинтагменного повествовательного высказывания, где первая нетерминальная синтагма оформляется низким восходящим тоном, далее используется средний ровный тон, затем низкий нисходящий и последняя конструкция завершается эмфатическим высоким нисходящим тоном, которому предшествует скользящая шкала, придающая высказыванию оттенок игривости, удивления, кокетства:

+/- High Pre-Head + Stepping Head + Accidental Rise + Low Fall +/- Tail:

How many of you ex pected me to say e↑xactly what I did? ||

+/- High Pre-Head + Stepping Head + Low Fall +/- Tail: *'How many \waited for it? ||*

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + Low Rise) +/- Tail: *'How many ex pected that? ||*

[+/- High Pre-Head + Stepping Head + Low Rise] + [Stepping Head + Mid Level] + [Stepping Head + Low Fall] + [Sliding Head + High Fall]: *And*

the 'answer of course | is that 'everybody 'here >knew| exactly| 'what I was going to 'say||

Таким образом, в соответствии с задачами исследования были выявлены варианты использования вопросно-ответных комплексов, представленных двумя разновидностями (простой и анафорический), проанализировано их интонационное оформление, разработаны модели простого и анафорического комплексов, оценена их прагматическая значимость. Изученный материал дает основание утверждать, что и простой, и анафорический вопросно-ответные комплексы активно применяются в академической презентационной речи и реализуют тактику вовлечения адресата в рассуждение в рамках стратегии диалогизации, различаясь лишь степенью эмфазы, и имеют устойчивую, клишированную интонационную структуру, используемую ораторами — носителями языка.

Библиографический список

1. *Голев С. В.* Политическая психология // Политология : основы политологии. URL: <http://bookish.link/politologii-osnovyi/politicheskaya-psihologiya924.html> (дата обращения: 26.05.2017).
2. *Хаджимурадова Х. А.* Экспрессивно-прагматическая роль вопросительных конструкций в философской публицистике // Инфоурок : русский язык и литература. URL: <https://infourok.ru/ekspressivnopragsmaticheskaya-rol-voprositelnih-konstrukciy-v-filosofskoy-publicistike-vs-soloveva-621367.html> (дата обращения: 26.05.2017).
3. *Цымбал А. Ю.* Интонационно-стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики устных презентаций : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2015. 220 с.

ББК 63.211

К. Е. Балдин

РУССКИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: ПАЛОМНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК

Статья посвящена анализу мемуаров А. А. Вендеревского — одного из русских паломников на Ближний Восток. Уделяется внимание внутренней и внешней критике этого источника личного происхождения. В публикации рассматриваются христианские хронотопы Палестины и Афона, а также содержащиеся в тексте невербализованные категории «другого» и «чужого». Оцениваются положительные и отрицательные впечатления, полученные мемуаристом в чуждой этноконфессиональной и культурной среде.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовная пресса в России, православное паломничество, паломнические мемуары, Османская империя, Палестина, Афон, сакральные хронотопы, слухи и страхи.

The article is devoted to the analysis of the memoirs A. A. Venderevsky — one of Russian pilgrims to the Middle East. The author pays attention to the internal and external criticism of memoirs. The publication discusses Christian chronotops of Palestine and Mount Athos and also non-verbal categories «drugoye» and «chuzhoje» in the text. The author evaluates the positive and negative impressions of the memoirist in alien religious and cultural surrounding.

Key words: Russian Orthodox Church, church press in Russia, orthodox pilgrimage, pilgrimage memoir, Ottoman Empire, Palestine, Athos, sacred chronotops, rumors and fears.

Одним из важных явлений духовной жизни России всегда являлось паломничество по святым местам. Паломники направлялись к местным святыням, которые находились рядом в уездном или губернском городе, к всероссийски чтимым сакральным местам: в Троице-Сергиевскую или в Киево-Печерскую лавры, на Валаам или Соловецкие острова. Во второй половине XIX в. постепенно увеличивался поток паломников за рубеж — в Палестину или на Афон. Учитывая трудности путешествия в чужие земли, сначала туда ехали лишь десятки богомольцев, потом сотни, а в конце XIX — начале XX в. — уже тысячи. К сожалению, лишь единицы из них брали в руки перо для того, чтобы записать свои впечатления в процессе путешествия или после него. Еще меньше было тех, которые решались стилистически оформить свои записки и отнести их в редакцию какого-либо печатного органа.

Но так как паломников становилось все больше, то увеличивалось и число людей, готовых поделиться своими впечатлениями с любознательными

© Балдин К. Е., 2017

читателями. Некоторые из таких источников личного происхождения со временем превратились в классику жанра и выдержали по несколько изданий. К известным авторам-путешественникам можно отнести А. С. Норова, Д. А. Скалона или архимандрита Леонида Кавелина [6, 7, 11].

Однако среди воспоминаний и дневников гораздо больше забытых или почти забытых, которые были однократно опубликованы во всероссийских церковных повременных изданиях («Богословский вестник», «Душеполезное чтение») или в провинциальных — «Епархиальных ведомостях». В последние десятилетия они практически не вводились современными историками в научный оборот. Между тем каждый такой источник по-своему интересен, так как его автор вносил в описание Святой земли (Палестины) и Святой горы (Афона) свои неповторимые детали, которые ускользнули от внимания других паломников. Совершенно справедливым в этой связи представляется наблюдение известного русского путешественника А. В. Елисеева, который отмечал, что Палестина «описана, переписана, но не дописана» побывавшими в ней [4, с. 300].

Рассматриваемые нами мемуары А. А. Вендеревского появились в «Астраханских епархиальных ведомостях». Это повременное издание представляло собой довольно типичный пример провинциального церковного официоза, но оно начало выходить несколько позднее, чем многие другие аналогичные журналы. Самыми первыми в этой линейке повременных изданий стали «Ярославские епархиальные ведомости», их начали издавать в 1860 г. В 1861 г. увидели свет аналогичные издания в Киеве, Тамбове и Чернигове, в 1862 г. — в Калуге, Туле, Каменец-Подольске [5]. В Астрахани первый номер такого журнала вышел в апреле 1875 г. «Астраханские епархиальные ведомости» были основаны владыкой — епископом Хрисанфом, и редакция находилась при местной духовной семинарии, а первым редактором журнала являлся ректор этого учебного заведения — архимандрит Александр. Сначала «Ведомости» выходили еженедельно, а с 1882 г. — два раза в месяц. Издание было прекращено по понятным причинам в сентябре 1918 года [3].

Как и любые «Епархиальные ведомости», рассматриваемый нами астраханский журнал состоял из двух частей — официальной и неофициальной. В первой из них публиковались манифесты и указы императора, нормативные документы, поступающие из Святейшего синода, распоряжения правящего владыки, информация о назначении священников в приходы, перемещении их и увольнении, а также о церковных и государственных наградах, которых удостоивались клирики и миряне за заслуги по церковному ведомству. В неофициальной части печатали статьи на богословские и нравственные темы, очерки истории отдельных монастырей и храмов, заметки о состоянии раскола в тех или иных местностях, образцовые проповеди. Насколько нам известно, мемуары А. А. Вендеревского были единственным таким источником личного происхождения, увидевшим свет на страницах астраханского церковного официоза за сорок с лишним лет его существования.

Воспоминания А. А. Вендеревского, называвшиеся «*Путевые заметки о св. горе Афонской и Палестине*», были опубликованы в «Астраханских епархиальных ведомостях» в 1887 г. подряд в трех номерах — с 14 по 16. В первом из них объем текста составлял 20 страниц, втором — 18 и третьем — 13 страниц. Общий объем мемуаров при переводе их в электронный вид составляет более 85 килобайт, или 2,1 печатного листа.

Опубликованные в «Епархиальных ведомостях» впечатления о поездке в Святую землю и на Святую гору не имели форму дневника, записанного непосредственно по следам событий. В самом начале мемуаров автор сам признается, как создавался им этот источник личного происхождения. Во время путешествия он делал в записной книжке беглые заметки если не в минуту посещения тех или иных сакральных достопримечательностей, то, по крайней мере, «всегда под свежим впечатлением виденного». Приехав домой, он привел в порядок свои записи, превратил их в связный текст и переписал в особую тетрадь. Первоначально эта рукопись не предназначалась для печати, автор читал ее своим близким и знакомым, которые и предложили А. А. Вендеревскому напечатать этот материал. Мемуарист, отводя от себя упрек в авторском тщеславии, особо подчеркивает в самом начале воспоминаний, что, публикуя свои записки, он «руководствовался исключительно одной только мыслью, что они могут принести известную долю пользы для желающих предпринять путешествие к святым местам Палестины, заменяя собой опытного и знающего путешественника, а в лишенных возможности лично посетить те места — возбудить благоговейное размышление о том блаженстве, которое Господь обещал «не видевшим, но веровавшим». При этом мемуарист заранее просил прощения у читателей, если они обнаружат в его путевых записках «неполноту, неясность, слабое описание и другие недостатки» [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 561—562].

Текст достаточно четко структурирован по главам, название каждой из них ориентирует читателя на то, что он увидит в ней. Первая глава посвящена дороге в святы места Ближнего Востока и называется «Астрахань, Киев, Одесса и Царьград». Вторая глава полностью посвящена странствованиям по Святой горе и называется «Афонская гора». Третья описывает путешествие с Афона в Палестину: «Остров Сира и Александрия». В остальных четырех главах говорится о странствованиях по Палестине: «Яффа и Иерусалим». «Горняя — град Иудов, пустыня Иоанна Предтечи, Вифлеем и дуб Мамврийский», «Иерихон и Иордан», «Последние дни пребывания в Иерусалиме и обратно в Россию».

Относительно личности автора данных осталось мало. Из самого текста воспоминаний известна только его фамилия с одним инициалом и то, что он жил в Астраханской губернии, каких-либо автобиографических подробностей автор сообщить не пожелал. Отправной точкой поисков стал тот факт, что А. А. Вендеревский являлся членом Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), будучи принят в ряды этой организации начальником Русской духовной миссии архимандритом Антонином (Капустинным) во время паломничества в Палестину [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 603]. Поэтому автор настоящей публикации нашел в «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1896 г. списки членов местного отделения ИППО, в которых значится Вендеревский Алексей Артемьевич, по сословной принадлежности — купец [2, 1896, № 8, ч. неофиц., с. 353].

К сожалению, автор скрыл имена своих спутников во время паломнического путешествия, его земляки в мемуарах обозначены инициалами К.М.М. и Е.С.К. (расшифровать их нам не удалось). Своими попутчиками, которые присоединились к нему по дороге, А. Вендеревский называет петербургских купцов Г. Р. Жарова и А. У. Ульянова, что вполне естественно, учитывая сословную принадлежность автора [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 562—563].

Можно предположить, что автор занимал достаточно высокое положение в обществе, был активным общественником и фигурой, значимой в паломнической среде. Об этом свидетельствует тот факт, что после прибытия в Палестину он был принят патриархом Иерусалимским, который, по словам мемуариста, долго и ласково беседовал с ним, угощая кофе. При этом автор передал предстоятелю список своих родных и близких для поминовения за здравие и за упокой. Во время богослужения в иерусалимском храме Воскресения патриарх лично вручил А. А. Вендеревскому просфору для него самого и для его супруги. Еще одно подтверждение достаточно высокого положения автора — его знакомство с русским консулом в Палестине Д. Н. Бухаровым [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 638, 641].

Судя по всему, накануне поездки автор выработал определенный маршрут ее, в ходе паломничества он старался придерживаться как самого маршрута, так и сроков прохождения через его опорные точки. Обычно российские паломники отправлялись на Ближний Восток на Рождество Христово или Пасху. Но А. А. Вендеревский путешествовал по Восточному Средиземноморью, если можно так выразиться, не в «высокий», а в «низкий» паломнический сезон, т. е. летом и осенью. Поэтому для него первой опорной точкой стало 27 июля, когда он намеревался попасть в главную русскую обитель на Афоне на престольный праздник — день св. Пантелеймона. Второй датой, обязательной для него на маршруте, являлось 15 августа — день Успения Богоматери, который астраханский паломник планировал отметить уже в Иерусалиме.

12 июля 1886 г. автор мемуаров выехал из своего родного города Астрахани на пароходе вверх по Волге до Царицына, где пересел на поезд и по железной дороге проследовал через Грязи, Орел и Курск в Киев. Там Вендеревский явился к уполномоченному ИППО протоиерею Софийского собора П. Г. Лебединцеву, у него автор купил паломнические книжки ИППО. За все путешествие от Киева до Яффы и обратно автор уплатил всего 101 рубль, хотя полная стоимость железнодорожных и пароходных билетов была значительно выше. Существенная экономия материальных средств паломников достигалась за счет заключения Палестинским обществом договоров с железнодорожной и пароходной компаниями. Автор, задержавшись ненадолго в Киеве, использовал это время для посещения Киево-Печерской лавры и поклонения мощам почивавших в ней угодников [2, 1887, № 17, ч. неофиц., с. 562].

17 июля автор со спутниками выехал курьерским поездом из Киева в Одессу. На следующее утро в 11 часов он прибыл в этот морской город и остановился на подворье (в гостинице) афонского Пантелемоновского монастыря. Здесь автор узнал, что пароход в Константинополь отправляется в тот же день. Оценить уровень сервиса в афонском подворье можно хотя бы по тому, что уполномоченный этой гостиницы сумел за три часа «визировать» заграничные паспорта русских путешественников в турецком консульстве и взять билеты на пароход. Уже в 4 часа дня (т. е. через 5 часов после прибытия в город) автор со спутниками был на борту парохода «Одесса», который через два часа отчалил. Здесь-то А. А. Вендеревский и познакомился с двумя русскими паломниками — петербургскими купцами Г. Р. Жаровым и А. У. Киселевым, которые были его спутниками в течение большей части паломничества [2, 1887, № 17, ч. неофиц., с. 563].

Пароход вышел из Одессы вечером 19 июля и по истечении суток с лишним вошел в Босфор. Утром 21 июля автор вместе со своими спутниками заселился в одно из афонских подворий Константинополя и за день они успели осмотреть некоторые достопримечательности турецкой столицы. Утром 22 июля русские паломники сели на греческую шхуну и отплыли на Афон, куда прибыли в ночь с 23 на 24 июля. 27 числа они участвовали в престольном празднике Пантелеймоновского монастыря и большую часть своего пребывания на Афоне жили среди монахов этой обители. Кроме того, в течение пяти дней русские паломники путешествовали по афонским монастырям и во время этой поездки 31 июля поднимались на пик Афона [2, 1887, № 17, ч. неофиц., с. 564, 569, 573, 579, 581].

Точную дату своего выезда с Афона автор не указывает. От Святой горы до Константинополя он добрался на греческом пароходе «Крит», а из турецкой столицы в Александрию направился на российском пароходе «Царица». Стоянка по пути была сделана на греческом острове Сира. Автор надолго не задержался в Египте и на французском судне 11 августа прибыл в палестинский порт Яффу. В Святой земле автор пробыл всего две недели. Для сравнения отметим, что некоторые русские паломники задерживались в Палестине на несколько месяцев [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 597—599; 1887, № 16, ч. неофиц., с. 640, 642]. Именно поэтому автору удалось осмотреть в Святой земле далеко не все сакральные места, которые входили в паломнический «обязательный список».

Кроме Иерусалима он побывал в Гефсимании, Горней, Вифлееме и у Мамврийского дуба. Самая дальняя поездка, предпринятая этой группой русских паломников, состоялась на берега реки Иордан и в город Иерихон. Как и многие другие паломники из России, не располагавшие временем для более подробного знакомства со священной географией, А. А. Вендеревский путешествовал только по Иудее и Самарии, а расположенную севернее Галилею посетить не успел. Поэтому в его маршрут не вошли такие сакральные достопримечательности, как Назарет, Кана Галилейская, Тивериадское озеро и гора Фавор. В своих воспоминаниях автор пишет, что они и не были включены в первоначальный маршрут, их осмотр был оставлен «на следующий раз, до более благоприятного времени» [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 609, 615; 1887, № 16, ч. неофиц., с. 633—634, 642].

Не побывал автор рассматриваемых нами воспоминаний в Сирии, а также на Синае, который некоторые богомольцы из России посещали во время перехода пешком или на верблюдах из Египта в Палестину. В этих двух регионах Ближнего Востока имелось немало христианских святынь, но заглядывавшие сюда путешественники составляли скорее исключение, чем правило.

24 августа стало последним днем пребывания А. А. Вендеревского в Палестине. Добравшись до Яффы, он сел на пароход, который через Порт-Саид и Александрию, остров Хиос и Смирну направился к берегам России. 12 сентября 1886 г. автор прибыл в родную для него Астрахань, его путешествие длилось ровно два месяца. По его собственным подсчетам, он проделал по морям и суше путь длиной в 14 тысяч верст [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 642—643].

В воспоминаниях А. Вендеревского присутствует множество христианских хронотопов, расположенных в Палестине и на Афоне. Хронотопы — это пространственно-временные связи, в рассматриваемом нами источнике личного происхождения они относятся к трем временным слоям. В Палестине

два из них касаются священной истории — более древней библейской и связанной с Новым Заветом истории евангельской. Третий слой — пространственно-временные связи первых веков христианства. Автор, передвигаясь от одного священного топоса к другому, воспроизводил соответствующие ветхозаветные, новозаветные и иные предания, которые на страницах мемуаров были тесно связаны с совершенно конкретными местами на карте Палестины, Афона, Египта, Малой Азии.

Паломничество — это не просто путешествие по горизонтали из точки А в точку Б, это своего рода духовное восхождение. Оно достигается в результате того, что паломник по пути встречает христианские святыни, поклоняется им. Далеко не каждый путешественник в Святую землю четко формулировал то, зачем он туда отправляется. У А. А. Вендеревского такая цель изложена практически на первой же странице его мемуаров: «Долгое время собирался я посетить Восток, чтобы поклониться драгоценным сердцу каждого христианина святыням и лобызать те священные места, где совершилось спасение всего человечества» [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 561].

Духовное восхождение астраханского паломника началось еще до того, как он пересек границы России. В его родном городе, судя по всему, в то время невозможно было приобрести паломническую книжку Императорского Православного Палестинского Общества, благодаря которой путешествие стоило бы значительно дешевле. Поэтому А. А. Вендеревский направился в Киев, где и приобрел этот документ. Но, будучи в бывшей столице Древней Руси, он не мог не поклониться «святым угодникам киево-печерским». Поэтому он побывал в пещерах лавры, где почивали киевские подвижники, в том числе основатель этого монастыря и первый русский монах Антоний Печерский [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 562].

До прибытия на Афон и в Палестину российские паломники останавливались на несколько дней в Константинополе, где для них хронотопами служили православные храмы и другие святыни. Для россиян они представляли собой большую ценность не только благодаря событиям, с которыми они были связаны, но и тем, что они являлись островками их религии в окружении мусульманской этноконфессиональной среды. Как и другие паломники, А. А. Вендеревский со своими спутниками посетил патриарший храм св. Георгия, Влахернскую церковь, в которой хранился омофор Божией Матери, а также Балуклию или так называемый Живоносный источник. Особенное внимание православных людей привлекал, конечно, храм св. Софии, который они осматривали очень внимательно и с глубоким сожалением в связи тем, что он был с XV в. превращен турками в мечеть. Автор воспоминаний приводит краткие сведения о размерах этого архитектурного памятника, описывает его внутреннее устройство. В этой связи характерно, что для мемуариста хронотоп связан не только с постройкой этого собора в VI в. н. э., но и с событиями более поздними, что для русского человека является гораздо важнее. Это было посещение храма св. Софии доверенными людьми св. князя Владимира Киевского, которых он отправил посмотреть на богослужение в восточно-христианском храме. Как известно из летописи, их повествование о красоте и благолепии православной службы стали одним из главных побудительных мотивов Владимира для крещения Руси в 988 г. [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 565—568].

Самый древний по времени слой хронотопов, с которыми автор встретился в Палестине, представляли собой места, связанные с событиями Ветхого

Завета. На дороге от Вифлеема к Мамврийскому дубу русские паломники встретили гробницы библейских праотцов Авраама и Исаака, их жен Сарры и Ревеки и др. [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 613—614]. Обычно, рассказывая о том или ином сакральном месте, автор воспроизводит более или менее подробно соответствующий эпизод из священной истории. Большой интерес для паломников представлял дуб в Мамвре. Описывая свое пребывание возле него, А. А. Вендеревский не только рассказывает о том, что под этим деревом праотец Авраам принимал Господа под видом трех ангелов. Автор еще оставил потомкам описание состояния дуба, что представляется очень важным, так как лиственный покров этого священного для христиан и иудеев дерева в XIX в. постепенно уменьшался, а фотографии дуба, относящиеся к позапрошлому веку, довольно немногочисленны. В частности, А. А. Вендеревский свидетельствует, что этот «ветеран» был толщиной в пять маховых саженей и разветвлялся на четыре больших ветви, из которых одна засохла и была отпилена, остальные же были «в слабом и редком озеленении», хотя приносили желуди [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 314—316].

Напомним, что А. А. Вендеревский путешествовал по Палестине в 1886 г., и для сравнения укажем, что паломник из Подольской губернии И. Рыжановский в 1867 г. увидел дуб в другом состоянии. По его словам, ветви с листьями раскинулись плотным шатром в окружности около 120 шагов [10, 1868, № 10, ч. неофиц., с. 300—301]. Сравнивая эти два свидетельства, можно сделать вывод, что процесс постепенного засыхания дерева шел довольно интенсивно в те два десятилетия, которые минули между путешествиями двух паломников-мемуаристов из России.

В тексте воспоминаний астраханского паломника также упоминаются такие библейские хронотопы, как гробница Рахили — жены патриарха Иакова, а также гробницы-памятники Авессалома и Иосафата, царя иудейского, в память о котором названа расположенная рядом с Иерусалимом Иосафатова долина [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 607, 611].

Второй слой хронотопов в воспоминаниях паломников связан с евангельскими событиями — земной жизнью Иисуса Христа и Божией Матери. Главным хронотопом в Иерусалиме и в Палестине в целом являлся храм Гроба Господня, в который паломники шли сразу же после прибытия в Святой град. Автор подробно останавливается на сакральных местах внутри храма, связанных с крестной смертью Спасителя и его Воскресением. Наряду со священной географией Иерусалима автор описывает хронотопы в ближайших окрестностях этого города. В частности, рассказ о селении Горняя. А. А. Вендеревский сопровождает описанием остановки российских паломников возле источника, из которого брала воду юная дева Мария [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 601, 609—610]. Пример расположенной рядом с Иерусалимом Гефсимании свидетельствует, что хронотопы священной истории могут быть как положительными, так и отрицательными: здесь происходило «моление о чаше» Иисуса Христа, но здесь же он был предан Иудой и взят под стражу [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 607].

Третий слой хронотопов Ближнего Востока относится к первым векам существования христианства. Судя по мемуарам А. Вендеревского, он обнаружил больше всего таких пространственно-временных связей тогда, когда судно с русскими паломниками ненадолго остановилось в египетском порту Александрия. Этот город, как отмечает автор, был тесно связан с евангелистом Марком, который заложил здесь основы христианской веры, стал первым

епископом Александрии и принял мученическую кончину. Здесь же евангелист Лука написал «Деяния Апостольские». В Александрии подвизалась глупо чтимая христианами святая великомученица Екатерина, жившая в III—IV вв. [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 598].

Хронотопы Афона не относились ни к одному из этих слоев, так как история православного монашества на Святой горе началась в VII в. н. э., это были монастыри и скиты с их сакральными реликвиями и чудотворными иконами. Наибольший интерес у автора вызывали, естественно, русские монастыри, в особенности — обитель во имя св. Пателеймона. Автор скрупулезно перечисляет, что сохраняется здесь монахами: частицы мощей Иоанна Крестителя, часть Животворящего креста Господня, часть главы евангелиста Луки. Автор с большой радостью увидел здесь реликвию, связывавшую монастырь с родиной, — мозаичную икону св. Александра Невского, подаренную монастырю императором Александром III. В столице Афона — Карее, автору довелось увидеть широко известную чудотворную икону Божией Матери «Достойно есть» [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 571—572, 574]. Важнейшим хронотопом Святой горы являлась ее высочайшая точка — гора Афон. Несмотря на физическое недомогание автору удалось достигнуть вершины и посетить находившуюся здесь небольшую церковь Преображения Господня [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 578—579].

Во время своего путешествия по святым местам паломник перемещается в пространстве, попадая в другие земли, в чуждую этноконфессиональную обстановку, в иной климатический пояс. Поэтому в мемуарах богомольцев, отправлявшихся в Святую землю и на Святую гору, не вербально, но достаточно рельефно присутствует категория «другого». Оно вовсе не обязательно вызывает отторжение, более того, «другое» может вызывать не только интерес путешественника, но и восхищение, даже пиетет. Это касалось христианских религиозных церемоний, обычаев, ритуалов, с которыми паломник не сталкивался в России.

В частности, это касается чуда схождения благодатного огня в храме Гроба Господня, которое происходит ежегодно в ночь на Воскресение Христово. Автор, к его глубокому сожалению, не наблюдал лично этого действия и излагает его по имевшейся в его распоряжении литературе. В то же время А. А. Вендеревский рассказывает о попытках «со стороны наших русачков донести благодатный огонь до святой Руси». Он с восхищением говорит о русской паломнице Прасковье Федоровне Приваловой, которая довезла и донесла огонь от Иерусалима до строившейся в то время в Симбирске новой церкви. Другая, не названная им русская паломница на пути домой, во время остановки в турецкой Смирне, случайно потушила огонь, от горя сошла с ума и вскоре скончалась [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 644—646]. Понимание и сочувствие вызвал у автора воспоминаний обычай, существовавший в том же храме Гроба Господня: архиереи и даже патриарх Иерусалимский служили на Голгофе без головных уборов в память о происходившем на этом месте поругании и распятии Иисуса Христа [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 602].

При знакомстве с ближневосточными православными святынями паломники обращали внимание на отличия в устройстве храмов. Особенно большой неожиданностью для них было отсутствие иконостаса в греческих церквях. Паломники-священнослужители даже чувствовали себя в храме не очень удобно, оказавшись на виду у верующих во время совершения священных действий у престола. Паломник из Олонецкой губернии В. Крючков был

поражен тем, что в одной из главных святынь вселенского христианства — храме Рождества Христова в Вифлееме — между основным пространством храма и алтарем не было даже тканевой завесы, которую он перед этим видел в иерусалимском храме Гроба Господня. [8, 1912, № 7, ч. неофиц., с. 151]. Многие мемуаристы из духовного сословия в своих воспоминаниях указывали на непривычные для русского слуха греческие песнопения во время богослужения. Орловский паломник протоиерей М. Вуколов отмечал, что «пение греков, унисонное, крикливое, да еще русскому богомольцу непонятное, не совсем приятно русскому уху» [9, 1913, № 13, ч. неофиц., с. 398]. Больше всего обращали внимание на такие детали в устройстве храма и на особенности богослужебной практики паломники-клирики; что касается А. А. Вендеревского, то он, не будучи священнослужителем, не придавал большого значения таким отличиям в своих мемуарах.

Особое почтение путешественники из России проявляли к святыням Афона. Монахи Святой горы считались в России образцами праведной жизни, афонские иконы занимали почетные места в домашних киотах, сакральные сувениры, привезенные со Святой горы, становились семейными реликвиями. С восхищением рассказывая об этой монашеской республике, А. А. Вендеревский сообщал о числе монастырей и иноков в них, подчеркивал, что «женского пола там никогда нет», а поэтому «суетной мирской жизни не видать». Ставя здесь перед «другим» совершенно определенный знак плюс, астраханский мемуарист добавляет: «там совершенно иной мир, и повсюду царят тишина и безмятежие». Автор подчеркивает свое преклонение перед иноками-святогорцами, которые в деле умерщвления плоти оставили далеко позади многих монахов как из России, так и из Палестины. А. А. Вендеревский сообщает, что среди братии здесь «много подвижников, живущих в глубокой пустыне, питающихся дикими каштанами, желудями и травами и изредка употребляющих хлеб» [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 571].

Среди святогорской монашеской братии встречались иноки, которые служили духовными ориентирами для всего православного духовенства и мирян. В мемуарах А. А. Вендеревского идет речь об отце Иерониме, подвизавшемся на Афоне в течение почти полувека. Он не занимал административных должностей, а являлся духовником монашествующих Пантелеймоновского монастыря, выслушивал исповеди и служил духовным стержнем для всей братии. При встрече с А. А. Вендревским Иерусалимский патриарх Никодим, вспоминая об о. Иерониме, незадолго перед этим скончавшемся, сказал в высшей степени характерную фразу, которая дословно воспроизведена в мемуарах: «У нас, на Востоке, в настоящее время подобного старца нет, разве только в России можно найти такого» [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 637].

Автор обращает особое внимание на особенности богослужения на Афоне. Если в России некоторые священники старались сократить продолжительность церковной службы, то на Святой горе все ее составные части выполнялись истово, максимально торжественно и с соблюдением малейших деталей. Всенощное бдение, на котором присутствовал автор в Пантелеймоновском монастыре, продолжалось с шести часов вечера до 8 часов утра, т. е. 14 часов подряд. Хотя участие в нем было для непривычного человека просто изнурительным, мемуарист пишет об афонских богослужебных обычаях с одобрением [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 573].

Встречаясь на Ближнем Востоке с «другим», российские паломники порой затруднялись однозначно поставить перед ним знак плюс или минус. Так произошло с А. А. Вендеревским, когда он в Иерусалиме отправился осматривать армянскую патриархию и армянский же монастырь. С одной стороны, он хорошо понимал, что армянская церковь является хотя и христианской, но для русских она инославная. С другой стороны, то, что в армянском храме первосвятителем был апостол Иаков, брат Иисуса Христа, делало это место частью сакральной географии Святой земли [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 638].

Обычно в паломнических воспоминаниях, оставленных представителями духовенства, их авторы почти не обращают внимания на природу Восточного Средиземноморья, его флору, фауну и климат, редко, но все же упоминают об угощениях, которые им здесь предлагали. Монашествующие или священники считали, что такого рода факты на страницах паломнических записок излишни и даже неуместны. Однако рассматриваемый нами источник личного происхождения был написан мирянином, поэтому его автор проявляет интерес к перечисленным выше бытовым деталям и помещает их на страницах мемуаров. Поэтому современные читатели могут получить представление как о внешней обстановке паломничества, так и о повседневной жизни русских поклонников Святой земли и Святой горы.

Автор путешествовал по Ближнему Востоку с июля по сентябрь, когда температура в этом климатическом поясе зачастую превышает + 40° С в тени. Хотя А. А. Вендеревский приехал в Палестину из Астрахани — не самого холодного места в России, он, как и многие другие русские паломники, не преминул пожаловаться на жару. В частности, он говорит, что после ходьбы по Иерусалиму в течение нескольких часов пришлось отказаться от дальнейшего осмотра сакральных достопримечательностей в связи с «наступившим сильным жаром» [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 607].

Даже для жителей южных районов России растительность Афона и Палестины представляла собой настоящую экзотику. На Афоне, как свидетельствует астраханский паломник, росли ореховые, масличные деревья, а также каштаны, лимоны и апельсины. Среди других отмечены в мемуарах также лавровые и камарневые деревья, о последних автор говорит, что из них изготавливают ложки. Действительно этот вид деревьев иногда называют ложечными. Один из представителей флоры вызывал у паломников не просто праздное любопытство, а настоящий пиетет. Речь шла о «Неувядаемом цветке» Божией Матери — довольно редком цветке, который растет в скалах Афона. Монахи собирали его с опасностью для жизни и затем продавали паломникам как сакральный сувенир. «Достать его стоит необыкновенных трудностей и усилий», — говорит об этом автор воспоминаний [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 571, 579—580].

Вообще красотам природы в путевых записках А. Вендеревского уделено достаточно много места. Особенно большое впечатление на него произвело восхождение на вершину горы Афон. Это было очень нелегко для российских паломников, которые первый раз занялись тем, что в настоящее время называется альпинизмом. «Несмотря, впрочем, на усталость и крайнее изнеможение, с торжествующим духом и молча тащились мы один за другим», — пишет автор. Совсем немного не доходя до «темени Афона» (вершины горы), автор почувствовал головокружение и учащенное сердцебиение, что вынудило его сделать остановку. Это был приступ горной болезни,

совершенно не знакомой ему. Однако, достигнув афонского пика, он и его спутники были вознаграждены фантастическими по красоте видами, открывавшимися с горы на полуостров и окружавшее его море: «Вид с вершины Афона открывается восхитительный, как на море, так и на всю округность: все высоты полуострова казались как бы плоскими пригорками, а разбросанные монастыри по побережью едва заметны между густой зеленью. Бежавшее мимо по заливу парусное судно для простого нашего глаза было не более как движущееся черное пятно, а когда посмотрели в бинокль, то оно оказалось весьма солидное и с несколькими парусами» [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 578—579].

«Другой» в святых местах была не только природа, но и еда, и автор уделяет ей внимание на страницах мемуаров. В Пантелеймоновском монастыре (другое название — Руссик), где монахами были выходцы из России, в один из церковных праздников для паломников и братии был приготовлен праздничный обед, во время которого подавали соленую рыбу, привезенную из России, овечий сыр и «коливо» — вареную пшеницу, посыпанную сахарным песком. Последняя напоминала русскую кутю. Как сказали А. А. Вендеревскому, в будние дни иноки монастыря вкушали лишь овощи и «белую» (а не черную. — *К. Б.*) астраханскую икру, приправленную зеленью.

Иным было угощение, которое предлагали паломникам во время встреч с греческим духовенством в Палестине. Так, патриарх Иерусалимский потчевал приехавших из России поклонников традиционным для греков «глико» — варением с холодной водой, которое дополнялось маленькой чашкой кофе [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 637]. Возможно, автору вспомнились в этой связи хотя и постные, но гораздо более обильные и разнообразные трапезы у русского духовенства.

В том случае, когда «другое» было враждебным российским паломникам или же выступало явно неприемлемым для них как для людей православных, оно закономерно превращалось в «чужое», т. е. «другое» с однозначным отрицательным знаком перед ним. При этом нужно отметить, что автор в рассматриваемых нами мемуарах при столкновении с «чужим» был довольно сдержан в своих оценках.

Первый раз эта категория появляется на страницах его мемуаров еще до приезда в Палестину — во время остановки парохода в Стамбуле. Попутно отметим, что автор не желает признавать турецкого названия этого города и в тексте упорно именуется то Константинополем, то Царьградом, как это было принято в средневековой Руси [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 562, 564, 567—568]. Первое, что поразило приехавших пароходом из Одессы российских паломников, — это неопрятность восточного города: улицы здесь были кривыми, узкими, грязными и небрежно замощенными. Автор был особенно удручен тем, что прекрасный православный храм св. Софии был превращен в мечеть, он сравнил четыре века пребывания этого собора в руках иноверных с пленом и рабством. В другом месте воспоминаний он упоминает о «сетующей и плененной Софии» [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 564, 568].

Посетив этот храм, русские паломники обнаружили, что в нем сохранились отдельные фрагменты мозаичных картин на библейские и евангельские сюжеты. А. А. Вендеревский имел возможность увезти из Константинополя в виде сакрального сувенира несколько камешков из этой мозаики. Их предложил русским паломникам мулла, который при них же сбил эту мозаику шестом в арках собора. Автор с возмущением говорит, что он

отказался от покупки «ввиду дерзостно-святотатственного поступка» мусульманского священнослужителя [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 566].

Отрицательные эмоции, связанные с «чужим», не отпускали автора и в Палестине. Здесь, в главной святыне вселенского христианства — храме Гроба Господня в Иерусалиме автор обнаружил турецких охранников, сидевших на нарах и... кутивших кальян. Эти же люди, имея в своем распоряжении ключи от храма, запирали его на ночь [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 601]. Будучи человеком любознательным, А. А. Вендеревский посетил не только христианские, но и иноверные храмы, в частности мечети Омара и Аль-Акса. Автора расстроило то, что мечеть Омара стояла на том месте, где в свое время располагался так называемый Второй храм, в котором, согласно Священному Писанию, неоднократно бывал Иисус Христос. Однако это не помешало мемуаристу подробно описать интерьер мусульманского святилища [2, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 638—639].

При этом паломники из простых русских крестьян, тысячами посещавшие Палестину, наверняка испытывали еще больший шок от соприкосновения с «чужим» на Святой земле в связи с тем, что они не очень отчетливо представляли политическую принадлежность этой земли и этнокультурную обстановку в ней. Очень интересное наблюдение сделал в Яффе архимандрит о. Антонин Капустин во время посещения Святой земли в 1857 г.: «Вот один соотчич (русский. — К. Б.), видно, недавний пришелец, как и я, покупая что-то в съестной лавке у араба, попеременно то с озлоблением, то с отчаянием силится вразумить его «русским языком», что у него нет других денег, кроме русских... Резкие и чересчур домашние выражения его, обращенные к торговцу, показывали ясно, что земляк считает Палестину своей губернией» [1, с. 15].

А. А. Вендеревский наверняка надеялся отдохнуть от иноверного окружения на Афоне. Но и в этой крепости православия «чужое» тоже зримо и незримо присутствовало. Как узнал мемуарист, с огородов и виноградников, которые возделывали монахи Святой горы, они платили некую «дань» турецкому правительству, так как Афон в конце XIX в. продолжал числиться в границах Османской империи. Управлял этой монашеской республикой не только особый исполнительный выборный орган — протат, но и турецкий ага, резиденция которого находилась в Карее [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 571, 576].

Присутствие в местах паломничества «чужого» порождало многочисленные слухи. Последние представляли собой народную информацию, которая довольно быстро распространялась среди паломников. Слухи были неизбежными при слабо развитых средствах массовой информации. Нередко, переходя от одного человека к другому, информация дополнялась новыми деталями (как правило, нереальными) и таким образом искажалась. Наиболее распространенными были слухи-пугала, в которых речь шла о жестоких штормах, которые бушуют на пути в Святую землю, об агрессивных и жестоких обитателях Палестины, с которыми придется столкнуться паломникам, и т. п. Трансляторами слухов обычно являлись бывалые паломники, которые охотно рассказывали различные «страшилки» и способствовали порождению страхов.

Свой вклад в такого рода рассказы внес и автор рассматриваемых нами воспоминаний. В частности, повествуя о своем путешествии из Константинополя в Александрию, а затем в Яффу — морские ворота Палестины, автор упоминает, что они плыли на пароходе «Царица» Русского общества пароходства и торговли. В подстрочном примечании говорится о том, что «Царица», наткнувшись на риф в январе 1887 г., затонула около острова Сира

вместе с грузом. Людей с парохода, к счастью, удалось спасти. Это произошло приблизительно через полгода после того, как на этом судне путешествовал А. А. Вендеревский [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 597—598]. Естественно, что такая информация не настраивала на позитивный лад прочитавших воспоминания потенциальных паломников.

Еще один страх описан в главе 5 воспоминаний, посвященной путешествию из Иерусалима по палестинской глубинке. Автор сообщает, что в город Хеврон паломнический караван не заходил, несмотря на то что здесь находились такие памятные библейские места, как могилы важных библейских персонажей. Среди паломников упорно циркулировали слухи о том, что жители этого города — самые фанатичные приверженцы мусульманской религии и к иноверным относятся крайне враждебно. Так как с данной партией паломников не было каваса (охранника), они решили не искушать судьбу и обошли этот город стороной, направляясь к располагавшейся рядом с ним святыне — Мамврийскому дубу [2, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 614].

В целом мемуары А. А. Вендеревского представляют собой не совсем обычное произведение среди источников личного происхождения, посвященных «хождению» по святым местам. Среди них и особенно среди публиковавшихся в «Епархиальных ведомостях» преобладали воспоминания священнослужителей. Между тем, автор рассмотренных нами путевых записок являлся мирянином, более того — не дворянином и не представителем интеллигенции, а купцом. Содержание его мемуаров демонстрирует то, что автор неплохо разбирался не только в богословских и историко-церковных проблемах, но и обладал достаточно широким общекультурным кругозором, будучи человеком наблюдательным и общительным. Отличительные признаки рассматриваемого нами текста и его автора свидетельствовали о том, что в 1880-х гг. в России уже существовал слой просвещенных предпринимателей среди не только столичных «олигархов», но и провинциальных деловых людей средней руки.

За время своего путешествия А. А. Вендеревский сумел посетить святыни вселенского христианства в Палестине и в Египте, а также ряд православных монастырей на Афоне. О любознательности паломника свидетельствует то, что он побывал в местах, сакральных не только для христиан, но и для мусульман — в мечетях Иерусалима. Следует констатировать, что всего за два месяца астраханский паломник осмотрел максимум возможного в Восточном Средиземноморье. Для сравнения укажем, что некоторые русские паломники задерживались в этих местах на полгода, а то и на год. Однако Вендеревский был купцом, долгую отлучку из родных мест он не мог себе позволить, его ждали коммерческие дела.

Еще одна черта автора мемуаров, которая прослеживается на протяжении всех воспоминаний, — это его искренняя вера. Он ехал на Ближний Восток не как любознательный турист, а как паломник, и не из праздного любопытства, а поклониться важным для каждого христианина святым местам [2, 1887, № 14, ч. неофиц., с. 561]. При внешней сдержанности изложения читатель легко замечает его пиетет перед сакральными местами, его скорбь от того, что бывшие христианские храмы находятся во владении иноверцев или под их контролем.

В целом воспоминания А. А. Вендеревского вносят свой вклад в источниковую базу таких важных тем, как история российского паломничества в Палестину и на Афон, а также международные позиции России на Ближнем Востоке.

Библиографический список

1. Антонин Капустин, архим. Пять дней на Святой земле и в Иерусалиме в 1857 году. М. : Индрик. 2007. 256 с.
2. Архангельские епархиальные ведомости.
3. Астраханские епархиальные ведомости. URL: <http://volgaprav.ru/kraevedenie/eparxialnye-vedomosti/astraxanskie-eparxialnye-vedomosti/#>. WDM5NVK 7rIU (дата обращения: 25.11.2016).
4. Елисеев А. В. По белу свету : Очерки и картины путешествий по трем частям Старого Света : в 4 т. СПб. : Изд-во Сойкина, 1915. Т. 1. 364 с.
5. Епархиальные ведомости. URL: <http://pravenc.ru/text/190001.html> (дата обращения: 25.11.2016).
6. Леонид Кавелин, архим. Старый Иерусалим и его окрестности : из записок инока-паломника. М. : Индрик, 2008. 384 с.
7. Норов А. С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. М. : Индрик, 2008. 292 с.
8. Олонецкие епархиальные ведомости.
9. Орловские епархиальные ведомости.
10. Подольские епархиальные ведомости.
11. Скалон Д. А. Путешествие по Востоку в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М. : Индрик, 2007. 220 с.

ББК 63.3(4Вел)51-206

В. А. Евсеев

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РАЗВИТИЕ СУКНОДЕЛИЯ В ЭПОХУ ТЮДОРОВ И СТЮАРТОВ

Рассматривается законодательная практика английского парламента эпохи Тюдоров и Стюартов по регулированию и поддержанию сукноделия в стране.

Ключевые слова: законы, сукноделие, протекционизм.

The article deals with legislative practice of the English parliament in the era of the Tudors and Stuarts. The parliament tried to control and protect the woolen industry in the country.

Key words: laws, woolen industry, protection.

Сукноделие еще во второй половине XIV в. стало быстро развиваться в английских городах, а в конце XV в. оно стало ведущей отраслью промышленности в стране и прежде всего ему Англия обязана ростом своего богатства. В середине XIV в. из Англии вывозилось около 32 тыс. мешков шерсти и только 5 тыс. кусков сукна, но не прошло и ста лет, как соотношение изменилось: вывоз шерсти снизился до 9 тыс. мешков, а сукна — вырос до 55 тыс. кусков. К середине XVI в. ежегодный вывоз сукна возрос почти в 3 раза (147 тыс. кусков), тогда как вывоз шерсти еще более сократился (5—6 тыс. мешков). В 60-х гг. XVI в. экспорт английского сукна в другие страны составлял более 80 % всего экспорта Англии, а в конце 90-х гг. только через лондонский порт

ежегодно вывозилось более 152 тыс. кусков сукна различных сортов [4, с. 219; 6, vol. 2, p. 11—13]. Это, конечно, отразилось и на структуре городской экономики в общенациональном масштабе. Сельское сукноделие оказалось в более выгодном положении в отношении производства сукна, так как оно не знало строгой цеховой регламентации, которая ограничивала производство городских ремесленников. Кроме того, процесс замыкания цехов к началу XVI в. зашел так далеко, что большинство подмастерьев и учеников были не в состоянии получить права мастера цеха. Поэтому многие подмастерья уходили в сельские районы [2, с. 117]. Сукноделие стало перемещаться из старых городских центров в сельские районы, где были более благоприятные условия для его развития (отсутствие цеховых и муниципальных ограничений, дешевизна аренды земли и рабочей силы, использование энергии рек, наличие сельских кустарных промыслов и т. д.). Именно сукноделие вывело Англию в лидеры промышленного развития в Европе к началу XVII в. Оно же стало катализатором грядущей промышленной революции в XVIII в. Этот факт, конечно, не мог быть вне сферы внимания центральной власти и, в частности, законодательной.

Важной особенностью английского абсолютизма являлось отсутствие развитой бюрократической системы. Тюдоры были вынуждены использовать парламент, проводя через него свои законы, направленные на сохранение существующего порядка. Уже в эпоху ранних Тюдоров наблюдается вмешательство правительства и парламента в экономику и социальное развитие страны [5]. Особенно этот процесс усилился во второй половине XVI в. Во время правления Марии и Елизаветы I было издано 130 статутов, а за весь XV в. — около 200, т. е. налицо возросшая активность государства в регулировании экономики и социальных отношений [1, с. 48—50].

Исходя из той роли, которую играло сукноделие в экономической жизни страны, можно объяснить и пристальное внимание к этой отрасли производства со стороны государства. Если в XV в. было принято 30 статутов, касающихся сукноделия, что составляло 15 % от всех принятых в течение столетия [8, vol. 2], то только во второй половине XVI в. таких актов было зафиксировано уже 39, или 25 % от общего числа статутов за этот период [8, vol. 3—4]. Можно констатировать, что пик законодательской деятельности в области сукноделия пришелся на эпоху правления поздних Тюдоров.

Государство через парламентские статуты старалось осуществлять свой контроль над сукноделием. Тюдоровское законодательство обращало внимание на поддержание высокого качества английского сукна, чтобы оно успешно продавалось в стране и особенно на континенте. С проданного сукна государство получало значительные доходы в виде налогов и пошлин.

В сукноделии был двойной контроль со стороны государства и цехов. Однако со стороны последних он становился менее эффективным в эпоху Тюдоров, ибо сукноделие перемещалось в сельскую местность и уходило из-под контроля цехов и муниципальных властей. В результате возрастала роль государственного регулирования. Усиление регулирования производства и продажи сукна шло как со стороны цеха, так и со стороны государства, особенно в XVI—XVII вв., хотя в начале XVI в. было меньше попыток регулировать производство сукна в северных графствах. Лишь один статут 1515 г. для Ланкашира и Чешира запрещал расхищение шерсти или пряжи ткачами и прядильщиками и продажу крашеной шерсти где-либо кроме рынков [8, vol. 3, p. 130].

Нарушения же в XVI в. становятся более частыми, об этом свидетельствует и рост числа статутов, принятых в этот период. В середине XVI в. выходит целый ряд королевских статутов, посвященных сукноделию, в которых определяются размер, вес и цена сукна, штрафы за его нарушения. Например, были технологические нарушения — добавка других видов сырья, растягивание, утяжеление и т. п. Поэтому акты предписывают назначать в корпоративных городах чиновников, которые контролировали бы производство сукна. Для северного сукна (керси) акты установили, что один кусок керси должен быть 20 ярдов длины, 7 четвертей ярда ширины и 46 фунтов веса [8, vol. 3, p. 543—544, 854, 908—909; vol. 4, p. 136—141]. Например, статут 1552 г. [8, vol. 4, p. 136—141] делал попытку подвести под регулирование 22 типа сукон, производимых в Англии в это время. Затем этот акт был повторен в 1557 и 1597 гг. [8, vol. 4, p. 323—326, 920—923].

Законодатели обычно пытались обосновать принятие того или иного закона. Особенно это касалось актов в отношении экономической политики.

В частности, в преамбуле к статуту 1556 г. отмечается наличие богатых сукноделов, которые увеличивают количество станков, нанимают неквалифицированных рабочих, что ведет к обнищанию простых ткачей, поэтому сукноделам запрещается иметь в городе более одного станка, а ткачам за пределами города — более двух станков. Количество учеников ограничивалось двумя. К этому акту было очень важное добавление о том, что северные графства исключаются из этого правила и что в них любой может держать станки в своем доме [8, vol. 4, p. 286—287]. Эти ограничительные меры были приняты в первую очередь для поддержания цехового ремесла от конкуренции со стороны сельского промысла.

Следует отметить, что большинство парламентских актов имели и региональную направленность, касающуюся отдельных городов и графств. Например, в XVI в. власти Йорка стали часто жаловаться, что Галифакс нарушает его монополию по производству тканей для покрывал. В 1542 г. был издан статут, запрещающий производить покрывала где-либо кроме Йорка [8, vol. 3, p. 908—909]. Но, получив монополию на производство дорогого сукна, Йорк проиграл в производстве сукна дешевого, грубого, и в нем прекратился рост числа ткачей. Наиболее важным видом сукна, производимым в Йоркшире, было грубое сукно (керси), которое, согласно статуту 1552 г. [8, vol. 3, p. 136—141], имело обычно в одном куске ярд ширины, 17—18 ярдов длины и 20 фунтов веса.

Для сукноделов Уэст-Райдинга, расположенного на юго-западе Йоркшира, издавали специальные законы. В 1555 г. был издан акт о продаже шерсти в Галифаксе. В преамбуле к этому акту дается картина того, в каких условиях производилось сукно в районе Галифакса. В акте говорилось, что округ Галифакс расположен на пустошах, где нет плодородной земли, которая давала бы достаточно зерна и других продуктов питания, но в то же время в районе очень много жителей, живущих за счет производства сукна, и многие из них не в состоянии ни держать лошадь, чтобы доставлять шерсть, ни купить у торговца сразу несколько мешков шерсти, как предписывал акт 1552 г., а за последние 40 лет количество домов в Галифаксе увеличилось до 500, и если впредь жители округа не смогут покупать шерсть в малых количествах, то им нечем будет заняться; поэтому акт разрешал жителям Галифакса продавать и покупать шерсть в любом количестве [8, vol. 4, p. 288]. В 1562 г. этот акт был распространен и на другие северные графства.

В это время была разрешена только оптовая торговля шерстью. В 1557 г. был издан статут, который разрешал сукноделам северных графств жить и заниматься своим ремеслом там, где пожелают, т. е. разрешал заниматься сукноделием и в сельских районах, так как число сукноделов возросло [8, vol. 4, p. 323—326]. Сукноделы северных графств, однако, пытались обойти это государственное регулирование. Еще в 1533 г. Генрих VIII послал специальную комиссию в центры суконного производства Уэст-Райдинга для расследования нарушений в производстве сукна, ибо местные сукноделы подмешивали в шерсть очесы и растягивали сукно. Комиссия нашла, что 542 человека нарушали в Уэст-Райдинге государственное регулирование сукна, из них 132 были сукноделами Галифакса [7, p. 134]. При Елизавете I продолжается государственное регулирование сукноделия. Акт 1566 г. регулировал длину и ширину сукна [8, vol. 4, p. 495]. В 1597 г. был издан статут, который запрещал обманное растягивание северного сукна [8, vol. 4, p. 920—923]. Однако этот акт плохо выполнялся и его пришлось повторить для всей страны [8, vol. 4, p. 975—977]. В течение XVII в. имели место лишь мелкие изменения в регулировании северного сукноделия. В 1606 г. была увеличена длина одного куска крашеного сукна, сделанного в Йоркшире, с 18 до 23—25 ярдов, так как из-за его растягивания обманывали королевскую таможню [8, vol. 4, p. 1137—1140]. Государственный контроль в сукноделии был нужен Тюдорам: во-первых, для поддержания стандарта и высокого качества английского сукна как дома, так и на континенте, во-вторых, по финансовым причинам, ибо налог с экспорта и продажи сукна заменил налог, собираемый раньше с экспорта шерсти.

Многие мелкие сукноделы не могли ездить за шерстью и покупали ее у торговцев-посредников, которые приобретали шерсть у фермеров и продавали суконщикам. Однако положение этих торговцев-посредников во второй половине XVI — первой половине XVII в. было недостаточно устойчивым. Отношение к ним отражено в акте 1552 г., где сказано, что покупать шерсть разрешалось только: 1) купцам компании вкладчиков в Кале и купцам-авантюристам Ньюкасла для экспорта, 2) мануфактуристам, которые производили из шерсти сукно [8, vol. 4, p. 141—142]. Иными словами, такой торговец-посредник стал незаконным лицом в системе производства сукна. Это был удар для мелких сукноделов региона, которые могли покупать шерсть только в небольших количествах. Против этого акта сразу же стали протестовать жители Галифакса и добились вышеупомянутого статута 1555 г. о продаже шерсти в любых количествах в районе Галифакса [8, vol. 4, p. 288].

Подобное законодательство было и в отношении других регионов с развитым сукноделием, в частности для Юго-Запада Англии. Наиболее важным для местного сукноделия явился акт парламента от 1533 г. [8, vol. 3, p. 459—460], который непосредственно касался Вустершира. Он ограничивал конкуренцию со стороны села и разрешал производство сукна только в Вустере и четырех рыночных городках графства (Дройтвиче, Ившеме, Киддерминстере и Бромсгроуе). Статут 1551 г. [8, vol. 4, p. 136—141] ограничивал стандарты местного сукна, пытаясь уравнять его с производимым в Глостершире и Уильтшире. Однако это вызвало резкие протесты со стороны сукноделов Вустера, и эти ограничения были отменены в 1557 г. [8, vol. 4, p. 323—326]. Городские власти под влиянием парламентских статутов принимали свои меры, но в основном постоянный контроль над производством находился в руках местных цехов.

Анализ законодательства Тюдоров показывает, что государство стремилось с помощью этих актов помочь цехам в конкуренции с сельскими сукноделами, но эти меры давали слабый эффект. Они шли против экономического развития страны. Поэтому в конце XVI — начале XVII в. эти ограничения смягчились. Из действия этих законов были исключены основные районы сукноделия [8, vol. 4, p. 724—726].

Многие из мер правительств были приняты под напором проблем, возникших в жизни английского общества, а не в результате разработанных социально-экономических программ. Ярким примером этого служит промышленное законодательство 1550-х гг., когда случился кризис в сукноделии. В результате за 7 лет было принято 11 статутов, а за последующие 43 года только 20 [8, vol. 4].

Всей системе экономической политики Тюдоров было присуще стремление сохранить и продлить старые феодальные отношения. Это вело к все большему вмешательству государства во все аспекты экономической жизни, которая отличалась пестротой существующих в ней тенденций. Отношения старого (феодального) и нового (капиталистического) хозяйственного уклада были очень запутаны. Конкретный пример такого развития дает сукноделие и отношение к нему королевской власти через парламентское законодательство, которое было направлено на сохранение стабильности и отличалось непоследовательностью и противоречивостью под натиском перемен. Следует отметить, что в первой четверти XVII столетия — правление Якова I — парламентское законодательство в отношении сукноделия продолжало практику периода поздней Елизаветы I, а при Карле I парламент фактически этими вопросами не занимался.

Обзор тюдоровского законодательства позволяет нам выяснить специфику государственного регулирования сукноделия во второй половине XVII в. Об этом можно судить, исследуя законотворческую деятельность английского парламента эпохи Реставрации (1660—1680 гг.) [8, vol. 5].

Предваряя анализ парламентских законов в области сукноделия, обратимся вначале к некоторым статистическим показателям. За этот двадцатилетний период было принято 239 законов [8, vol. 5, p. 179—942]. В течение первого десятилетия законодательная деятельность парламента была наиболее интенсивной. За период с 1660 по 1670 г. был выпущен 201 статут, или 84,1 % от всех принятых за этот период законов, т. е. подавляющее большинство (см. табл.).

Количество законов, принятых парламентом, 1660—1680 гг.

Год	1660	1661	1662	1663	1664	1665	1666	1667	1670	1672	1675	1677	1678	1679	1680
Количество законов	36	19	33	17	20	9	13	13	41	10	1	21	1	3	2

Из 239 законов 15 касались различных отраслей легкой промышленности (производство сукна, кожевенная отрасль, льноткачество, изготовление шелка), что составляло 6,3 % от всех принятых. Из этих 15 актов 3/4, т. е. 10 статутов непосредственно затрагивали различные аспекты производства сукна и сукноторговли. Большинство статутов по регулированию легкой промышленности было принято с 1660 по 1670 г. — 13 из 15. Притом в 1662 г.

было принято 4 таких акта, т. е. почти половина всех законов, относящихся к регулированию данного производства. В отношении кожевенного производства было принято 2 статута в 1662 и 1667 гг. [8, vol. 5, p. 378—379, 640]. Столько же — по производству шелка в те же годы [8, vol. 5, p. 407—409, 640] и один акт был принят в 1663 г. по регулированию льноткацкого и гобеленового производства [8, vol. 5, p. 498].

Следует отметить, что 34 %, или 71 акт [8, vol. 5, p. 179—942] из принятых парламентом законов в рассматриваемый период, носили чисто экономический характер, ибо регулировали различные стороны хозяйственной деятельности в государстве (сельское хозяйство, торговлю, промышленность и строительство). Среди последних отраслей пристальное внимание парламента было уделено угольной промышленности (2 акта — 1664 и 1677 гг.) [8, vol. 5, p. 552—553, 891] и дорожному строительству (4 акта — 1662, 1664, 1670 и 1677 гг.) [8, vol. 5, p. 351—357, 558—559, 682—685, 890]. Эти цифры говорят о том, что сукноделие оставалось приоритетным направлением в области промышленной политики парламента, ибо на его долю пришлось почти половина всех актов в этой сфере экономики.

Фактически такое же количество актов, а их по нашим подсчетам было 75 (35,5 %) [8, vol. 5, p. 179—942], имело более широкий спектр вопросов. В них кроме экономических сюжетов затрагивались и социально-политические проблемы. Таким образом, можно констатировать, что почти 70 % всех законов, принятых парламентом в 1660—80 гг., были связаны с различными социально-экономическими вопросами.

Теперь обратимся непосредственно к анализу парламентских законов, которые посвящены сукноделию и связанным с ним отраслям. Одним из таких актов, косвенным образом связанным с сукноделием, являлся Статут Карла II от 1662 г. о запрете импорта иностранных кард и железных веретен [8, vol. 5, p. 412]. Вначале в нем идет упоминание об актах Эдуарда IV (Сар. 4. от 1464 г.) и Елизаветы I (Сар. 14 от 1597 г.), а затем говорится о том, что много бедных людей занято в производстве кард для шерсти и стальной нити, которые имеют огромную важность в стране для хорошего производства сукна, однако в нарушение указанных актов в последнее время их много импортируют иностранные производители, а также много старых кард продаются людьми для их частной прибыли, но эти карды слабы и неудовлетворительны для чесания шерсти. Это приводит к большим неудобствам и потерям для сукноделов в их производстве английского сукна, которое в последнее время деградирует в стране, и поэтому для его поддержания запрещаются импорт кард и стальной нити из других государств и производство фальшивых кард в стране. Штраф — стоимость товара, из которой половина королю, а другая — информатору. Суть этого законодательного акта совершенно ясна, ибо он носит ярко выраженный протекционистский характер, направленный на поддержку национального сукноделия и связанной с ним отрасли производства. Этот акт имеет не только экономическую сторону — поддержание высоких стандартов в производстве сукна, но и социальную составляющую, ибо эта отрасль (производство кард) давала и значительное количество рабочих мест. Хотя следует отметить, что подобные заявления о большом количестве бедных людей встречаются почти во всех законодательных актах экономической направленности, рассмотренных нами.

Важной чертой законодательной практики парламента эпохи Реставрации в области промышленной политики, как и веком ранее, являлась ее региональная составляющая. 4 статута из 10 в рассматриваемый нами период

непосредственно касались конкретных городов и местностей, связанных с сукноделием. Это Акт о регулировании производства и торговли голландской байкой в Колчестере от 1660 г. [8, vol. 5, p. 253—254], статут о регулировании производства сукна в графстве Норфолк и в г. Норидж от 1662 г. [8, vol. 5, p. 370—374], акт для лучшего регулирования производства широкого сукна в Уэст-Райдинге графства Йоркшир, принятый в этом же году [8, vol. 5, p. 425—428]. Последний из подобных законов был принят в 1670 г. Это Акт о регулировании производства сукна в Киддерминстере [8, vol. 5, p. 710—712].

Самыми крупными центрами сукноделия из перечисленных выше городов и местностей являлись г. Норидж с его округой и Уэст-Райдинг в графстве Йоркшир. Колчестер находился в графстве Эссекс, на границе с Восточной Англией, являвшейся ведущим центром производства сукна. В 1670 г. в Колчестере проживало около 9 тыс. жителей, а в Норидже — 20 тыс. [9, p. 160]. Киддерминстер же в графстве Вустершир вообще был мелким некорпоративным городком. Эти города (Колчестер и особенно Киддерминстер), конечно, не могли сравняться по значимости с первыми двумя центрами сукноделия, но каждый из них имел свою специфику, которая и отразилась в законодательных нормах [2, с. 67—284].

Обратимся к одному из первых таких статутов о регулировании производства и торговли голландской байкой в Колчестере от 1660 г. В преамбуле этого акта упоминались статут Елизаветы I и распоряжение Карла I о преследуемых голландских протестантах, которые поселились в Колчестере и стали производить байку (сорт сукна) в стране и за рубежом. Далее отмечалось, что в этом производстве было занято много тысяч бедных людей в Колчестере и его округе. Однако обнаружены бракованные и поддельные изделия данного товара, сделанные тайно в этом городе и привезенные в Лондон некоторыми людьми, занятыми в Колчестере производством и продажей байки, но этот товар не осматривался и не клеймился в *BayHall* и часто перевозился за море под именем и с печатью колчестерской байки. Поэтому постановляется, что управляющий *BayHall* и голландцы, живущие в Колчестере, могут спокойно и мирно производить байку и другие иностранные сорта сукна с разрешения власти и своей конгрегации со всеми их привилегиями и в полной мере ими пользоваться согласно акту Елизаветы и патенту Карла I. Далее законодатели устанавливают процедуру осмотра различных сортов байки в *BayHall* в Колчестере и штрафные санкции. За нарушение — штраф 40 ш. и продажа товара нарушителя. Если это нарушение сделал английский мастер, то он отчитывается той же суммой перед мэром и коммуной в пользу бедных города. В случае нарушения голландским мастером вторично, то штраф — 5 ф., а на третий раз ему запрещают работать в Колчестере [8, vol. 5, p. 253].

Очень серьезное наказание данный статут предусматривает за использование поддельной печати и клеймение без ведома чиновников. В случае первого нарушения — штраф 20 ф. Эта сумма вносится в королевский или городской суд, а за вторичное виновный приговаривается к публичному столбу на 1 час на рыночной площади, третье нарушение рассматривается как уголовное преступление. Далее законодатели устанавливают, что в целях лучшего обнаружения нарушений в данном производстве и наказания управляющий *DutchBayHall* и его чиновники могут осматривать повозки и тюки совместно с констеблем, если есть показания или подозрение на бракованный

товар, а также лавки и склады. Бракованные ткани забираются в DutchBay-Hall, а нарушитель штрафуются в установленном порядке [8, vol. 5, p. 254]. Очень важной особенностью данного статута являлся тот факт, что в нем отсутствовало регулирование технологических норм производства данного вида шерстяных тканей. Основной упор в этом в акте делался на недопущение в торговый оборот бракованных и фальсифицированных видов тканей под названием «голландская байка».

Колчестер и целый ряд других городов Восточной Англии во второй половине XVI в. приняли значительное количество мигрантов из Нидерландов, бежавших от войны и религиозных преследований. Они привезли с собой новые технологии и новые виды шерстяных тканей. Эти проблемы требовали регулирования со стороны муниципальных и центральных властей. Поэтому парламенту пришлось издавать специальный акт, который регулировал производство и торговлю новых видов сукна.

Следующий важный региональный статут был принят в 1662 г. Он касался регулирования производства сукна в графстве Норфолк и в г. Норидж [8, vol. 5, p. 370—374]. В преамбуле данного акта говорилось, что различные нарушения происходят при производстве Нориджского сукна, а права, данные по акту Эдуарда IV от 1468 г., недостаточно удовлетворительны, ибо в последнее время появилось много новых сортов сукна и происходят различные нарушения и обман в его производстве, что ведет к принижению качества этого товара и наносит ущерб обществу, ибо торговля этим товаром в последнее время очень выросла, а восьми старост, назначенных по этому акту, недостаточно сейчас для управления и контроля над данным производством, и оно может быть потеряно или переведено за границу, что приведет к огромным сокращениям таможенных сборов для королевской казны и лишит работы многих тысяч бедных людей. Поэтому для предотвращения подобных нарушений и зол палата Лордов и палата Общин постановляют выбрать 12 старост и 30 помощников из гильдии ткачей г. Нориджа и графства Норфолк [8, vol. 5, p. 371].

Ссылки законодателей на упадок производства и перевод его за границу, сокращение таможенных сборов для королевской казны и потерю рабочих мест для тысяч бедных людей вполне соответствуют идеям политики протекционизма и меркантилизма, которые стали преобладающими в экономической практике исполнительной и законодательной ветвях власти той эпохи.

Следует отметить, что в данном статуте есть один пункт, который регулирует отдельные технические параметры в производстве пряжи. В разделе 6 постановляется, что в каждой шпуре должно быть 14 пасьм, в каждой пасье 40 нитей, из них 12 в основе шпули и 12 из дюжины делаются более грубыми. За нарушение — штраф в половину стоимости этой пряжи [8, vol. 5, p. 372—373]. Конечно, обращение к регулированию некоторых технологических стадий в производстве сукна является достаточно редким случаем, хотя и касается только регионального масштаба. В прядильном производстве именно правильно намотанная на шпулю нить является показателем качества данной продукции. От этого зависит и дальнейшее изготовление добротного сукна в ткацком производстве. По всей видимости, законодатели и сделали упор в этом пункте на прядение, вводя технические параметры на поддержании высокого качества нориджского сукна.

Пункт 9 данного статута постановляет, что все сорта шерсти и шерстяного сырья до их продажи предъявляются старостам и помощникам гильдии

ткачей для осмотра; если эти товары сделаны хорошо, то их клеймят и разрешают продавать, а если они сделаны с нарушениями, то их забирают и представляют в жюри из 12 ремесленников. Жюри присяжных накладывает штраф и задерживает товары, пока штрафы не будут уплачены [8, vol. 5, p. 373]. Цель этого раздела статута достаточно ярко выражена. Гильдии ткачей г. Нориджа и графства Норфолк фактически берут под свой контроль поставки сырья для сукноделия. При этом старосты и помощники могут входить в дома ремесленников, купцов, красильщиков для поиска поддельных шерстяных товаров [8, vol. 5, p. 373], т. е. эта гильдия становится монополистом в поставках сырья и производстве шерстяных изделий.

Пункт 14 запрещает кому-либо заниматься ткачеством, если он не прошел через семилетнее ученичество, иначе — штраф 40 ш. [8, vol. 5, p. 373]. Кроме того, в пункте 17 этого же акта постановляется, что для лучшего обеспечения бедных подмастерьев данного производства запрещается нанимать более двух ремесленников или подмастерьев или других работников по ткачеству. Штраф — 5 ф. [8, vol. 5, p. 374]. Конечно, это чисто средневековые цеховые нормы регламентации. Их наличие в законодательной практике парламента эпохи Реставрации представляется некоторым анахронизмом, но в то же время этот факт является свидетельством сопротивления старых средневековых эгалитарных норм натиску со стороны новых форм хозяйственной жизни в виде капиталистических отношений.

Не менее интересен пункт 20 этого же статута, который гласит, что производство должно прекращаться во время сбора урожая. Станки не должны работать с 15 августа по 15 сентября. Штраф — 40 ш. с каждого станка [8, vol. 5, p. 374]. Наличие в акте подобного постановления говорит о тесной связи ремесленников с сельскохозяйственным производством. Можно предположить, что не только владельцы мастерских, но и многие наемные работники имели различные земельные наделы в ближайшей сельской округе. Кроме того, во время сбора урожая рабочих рук требуется всегда гораздо больше, чем при иных видах сельхозработ. По всей видимости, именно эти обстоятельства заставили законодателей ввести подобную норму.

Из 23 пунктов этого закона о нориджском сукне от 1662 г. большая их часть (17) посвящена правилам применения норм данного статута и наложения различных штрафных санкций. В частности, пункт 2 говорит о том, что старосты и их помощники заседают в здании ткачей в г. Норидж и могут издавать правила о торговле и производстве нориджского сукна, изготавливать печати и ставить их на сукно. Должно собираться не менее 7 старост и 13 помощников. Они регулируют длину, ширину, добротность и другие особенности данного товара и должны в исполнение данного акта ставить клеймо, регулировать правила торговли, которые должны быть утверждены мэром и двумя мировыми судьями города и графства и публиковаться 4 раза в год [8, vol. 5, p. 372]. Пункт 5, например, постановляет, что старосты и помощники должны делать записи в отчетах графства, когда они собираются создавать правила торговли и производства, за 14 дней до их обнародования. Пункты 7 и 12 говорят о том, что старосты и помощники могут искать на ярмарках и рынках и забирать бракованную пряжу и запрещать торговать неклеяемыми шерстяными товарами [8, vol. 5, p. 372—373]. Пункт 11 направлен против недобросовестной деятельности должностных лиц. Он гласит: «если товар хороший, а староста действует нечестно, то он платит за двойной ущерб» [8, vol. 5, p. 373].

Можно предположить, что издание данного регионального статута произошло под натиском петиций в различные органы центрального управления со стороны сукноделов Восточной Англии, ибо подобная практика была еще эпоху Тюдоров.

Во время этой же парламентской сессии 1662 г. был принят еще один важный региональный закон об улучшении регулирования производства широкого сукна в Уэст-Райдинге графства Йоркшир [8, vol. 5, p. 425—428]. Ранее уже отмечалось, что этот регион являлся одним из трех основных центров сукноделия в стране в XVI—XVII вв. В преамбуле к статуту говорится о том, что различные нарушения в последние годы происходят в производстве широкого сукна в Уэст-Райдинге в прядении и обманной работе, которая ведет к урону и недооценке в его производстве в стране и за границей. Поэтому постановляется, что мировые судьи, мастера, старосты, помощники собираются вместе со свободными сукноделами Уэст-Райдинга с целью назвать имена супервизоров мастеров, старост и помощников в корпорации сукноделов для лучшего регулирования производства широкого сукна в Уэст-Райдинге графства Йоркшир [8, vol. 5, p. 426]. В этом статуте, как и в случае с Нориджем, также устанавливаются технические параметры в производстве сукна. Этому посвящен пункт 6 указанного акта. В нем, в частности, указывается, что в последние годы нью дрейперис стал больше всего использоваться в различных сортах сукна, хотя не было для него стандарта по длине, весу и ширине в Уэст-Райдинге. Теперь устанавливается для полусукна от 15 до 18 ярдов длины, 1 ярд ширины. Короткое сукно — от 24 до 28 ярдов длины и 1,5 ярдов ширины, длинное сукно — от 30 до 36 ярдов длины и 1,5 ярдов ширины. Каждый кусок должен весить 2 фунта и 16 унций [8, vol. 5, p. 426—427]. Введение стандартов в производстве сукна не было инновацией в законодательной деятельности парламента, ибо подобные акты принимались им и столетием ранее [1, с. 48—50]. Эти меры были направлены на поддержание высокого качества английского сукна на зарубежных рынках.

Далее идут юридические нормы ответственности за выполнение данного пункта. Интересно отметить в этом пункте и тот факт, что надсмотрщики, нашедшие бракованное сукно, получали 1/3 штрафа, а 2/3 шли в пользу бедняков прихода, где было нарушение. Можно сказать, что у данных должностных лиц был прямой материальный стимул к исполнению своих обязанностей. Однако следующий, 7-й пункт постановлял, что надсмотрщики, неправильно исполняющие свою службу, не могут ставить клеймо, иначе штраф — 5 ф. [8, vol. 5, p. 427], т. е. эта должность имела и коррупционную составляющую, о чем и позаботились законодатели. Как и в акте о нориджском сукне, пункт 9 данного статута постановлял, что не прошедшие семилетний срок ученичества не могут производить широкое сукно, иначе штраф 5 ф. за каждый месяц его изготовления. Половина штрафа — в пользу короля, а другая половина корпорации [8, vol. 5, p. 427]. Фактически это подтверждение знаменитого елизаветинского статута об учениках от 1563 г. Но раз эту норму повторяют снова спустя столетие в статутах, посвященных двум центрам сукноделия, то значит, что она в этих регионах постоянно нарушалась. Подобные ограничения сдерживали свободное предпринимательство. Их наличие в законодательных актах этой эпохи говорит о том, что парламентарии не могли игнорировать интересы цехового ремесла, которое имело достаточно прочные корни в муниципальном управлении [3]. Это лобби старалось сохранить свои позиции, проводя через парламентские статуты старые цеховые

правила по найму рабочей силы. Это касалось и заработной платы. Пункт 15 данного акта гласил, что никто из членов Корпорации не может устанавливать меньшую оплату труда без разрешения четвертной сессии [8, vol. 5, p. 428].

Наконец, последний из региональных актов был принят в 1670 г., и он касался регулирования производства сукна в Киддерминстере [8, vol. 5, p. 710—712]. В его преамбуле опять-таки говорилось о том, что различные нарушения происходят в последние годы в производстве сукна в графстве Вустер и для предотвращения подобных нарушений постановляется избирать соответствующих чиновников из членов корпорации [8, vol. 5, p. 710]. Большинство пунктов данного статута повторяет упомянутые выше законодательные акты региональной направленности. Это касается организации контроля над производством и наймом рабочей силы. Этим актом вводится также технологическая норма, относящаяся к прядению. Пункт 6 постановлял, что вся пряжа должна продаваться открыто на рынке и в каждой пасме должно быть 4 ярда пряжи, содержащих 200 нитей [8, vol. 5, p. 711]. Как и в предыдущих статутах, этот пункт был направлен на поддержание качественных технологических стандартов в сукноделии. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатели обратились к Киддеминстеру — мелкому городку на севере графства Вустершир, который не имел в то время какой-либо значимой экономической роли по сравнению с рассмотренными выше центрами сукноделия. Можно предположить, что этот статут продвигали через парламент какие-то местные сукноделы.

Подводя итог по вопросу регулирования сукноделия со стороны парламента эпохи Реставрации, можно констатировать, что данное законодательство носило протекционистский характер, ибо было направлено на поддержание национального производителя и высоких стандартов в сукноделии. Фактически оно было более прогрессивным по сравнению с эпохой Тюдоров, где было больше ограничительных моментов в отношении развития капиталистических форм организации сукноделия. Это было особенно важно, так как сукно продолжало оставаться главным предметом экспорта. Идеи протекционизма стали широко распространяться в предпринимательских кругах в эту эпоху, что и нашло свое отражение в законодательной деятельности парламента. Однако наряду с этими новыми тенденциями имели место и старые нормы цехового регулирования, которые касались, в первую очередь, организации найма рабочей силы. Можно отметить двойственность позиции законодателей в данном вопросе. Происходило сочетание старых и новых тенденций, но это было отражением самой экономической жизни той эпохи — новые (капиталистические) тенденции и старые (средневековые).

Библиографический список

1. *Евсеев В. А.* Государственное регулирование сукноделия в эпоху Тюдоров // Проблемы истории и творческое наследие С. И. Архангельского : тезисы докладов. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1997. С. 48—50.
2. *Евсеев В. А.* Английский город в раннее Новое время: специфика регионального развития : социально-экономический аспект. Saarbrücken : LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011. 356 с.
3. *Евсеев В. А.* Структура экономики Нориджа в XVII в. // История : электронный научно-образовательный журнал. 2014. Вып. 6 (29).
4. *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы в Средние века. М. : Высш. шк., 1976. 248 с.

5. *Штокмар В. В.* Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. 155 с.
6. *Clay C. G. A.* Economic Expansion and Social Change: England 1500—1700. Cambridge, 1984. Vol. 1. 268 p.; Vol. 2. 298 p.
7. *Heaton H.* The Yorkshire Woollen and Worsted Industries from the Earliest Times up to the Industrial Revolution. Oxford, 1920. 241 p.
8. Statutes of the Realm of England : in 11 vols / ed. by A. Luders, T. Tomlins. London, 1810—1828. Vol. 2. 1816. 754 p.; Vol. 3. 1817. 578 p.; Vol. 4. 1819. 1303 p.
9. *Wrigley E. A.* People, Cities and Wealth: the Transformation of Traditional Society. Oxford ; New York, 1987. 348 p.

ББК 63.3(2)613-1

Ю. А. Ильин

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО
РСФСР В 1923 г.: ЦЕНТР И РЕГИОНЫ:
ДИСКУССИИ, ПРАКТИКА, ИТОГИ
(На материалах Иваново-Вознесенской губернии)**

Рассматривается позиция руководства Иваново-Вознесенской губернии по районированию РСФСР и, в частности, региона Верхнего Поволжья в 1923 г. Этот год был переломным, ибо менялась концепция административно-территориального устройства республики. Прежняя концепция 1918—1923 гг. была адаптирована и успешно применялась на практике в регионах, в частности административной комиссией Иваново-Вознесенского губисполкома на территории Верхнего Поволжья. Новые подходы центра вызвали открытое противодействие региональных властей. Это было еще возможно на пике нэповской либерализации в данной сфере государственного обустройства страны.

Ключевые слова: концепция административно-территориального устройства республики 1918 — начала 1923 г., концепция областничества 1923 г., центр, власти Верхнего Поволжья, противодействие сторон, закат нэпа в сфере районирования страны.

The article deals with the position of the Ivanovo-Voznesensk province to zoning of the Russian Federation and, in particular, in the region of the Upper Volga region in 1923. That year was a turning point, because the concept changing the administrative-territorial division of the Republic was being proposed and implemented. The previous concept of 1918—1923 was adapted and successfully applied in practice in the regions, in particular by the administrative Commission of the Ivanovo-Voznesensk provincial Executive Committee in the territory of the Upper Volga region. New approaches of the center caused open opposition of the regional authorities. It was still possible at the peak of NEP liberalization in this area of the state arrangement of the country.

Key words: concept of administrative-territorial division of the Republic of 1918 — the beginning of 1923, the concept of regionalism in 1923, the center of power in the Upper Volga region, opposition parties, the demise of the NEP in the field of zoning of the country.

© Ильин Ю. А., 2017

1923 г. начался удачно для административных комиссий Иваново-Вознесенской губернии. 7 февраля состоялось пленарное заседание Административной комиссии при Президиуме ВЦИК РСФСР. На нем представителем от губернии по поручению президиума губернского исполкома был член губернской административной комиссии И. И. Власов. Он выступил с докладом, в котором обосновывал необходимость и экономическую целесообразность включения в состав Иваново-Вознесенской губернии сопредельных экономически тяготеющих территорий Владимирской губернии. Весомым аргументом были упомянутые им многочисленные просьбы и резолюции различных городских Советов и сельских поселений Владимирской губернии о присоединении к Иваново-Вознесенской губернии.

На вышеуказанном заседании присутствовали и представители Нижегородской, Московской и Ярославской губерний. Они соглашались с мнением представителя г. Иваново-Вознесенска о необходимости упразднения Владимирской губернии и передачи ее территорий в состав данных губерний. На заседании 7 февраля 1923 г. имели место и дискуссии между представителями Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода и Ярославля о праве их на определенные территории Владимирской губернии. Попытки представителя г. Владимира (Башин) возражать против ликвидации Владимирской губернии не нашли у них понимания. Особенно возмущал владимирцев тот факт, что их губернский город должен будет в случае упразднения губернии войти в состав Иваново-Вознесенской губернии уже в статусе уездного города*.

О принятых в ходе заседания решениях Административной комиссии при Президиуме ВЦИК РСФСР сказано в статье И. И. Власова, помещенной в номере «Рабочий край» за 11 февраля 1923 г. В ней отмечалось, что трехлетняя работа Иваново-Вознесенского губернского исполкома по расширению территории губернии за счет Владимирской губернии «завершается благополучно». Центр склоняется к упразднению Владимирской губернии, им определены территориальные паритеты этого раздела между Иваново-Вознесенской, Московской, Ярославской и Нижегородской губерниями. В частности, к Иваново-Вознесенску отходили Владимирский, Ковровский, Вязниковский, Судогодский, Суздальский (с Гаврилово-Посадским районом), Юрьев-Польский уезды, а также северная часть Гороховецкого. К Нижегородской губернии — Муромский, Меленковский и южная часть Гороховецкого уезда. К Московской губернии — Александровский, Киржачский уезды, Кольчугинский район. К Ярославской губернии — остальные территории упраздняемой Владимирской губернии.

И. И. Власов, подводя итог намечавшегося административно-территориального передела Верхней Волги, особо отметил, что к Иваново-Вознесенской губернии отошли наиболее ценные территории Владимирской губернии (промышленно развитые, богатые хлебом, техническим оснащением), к тому же обеспеченные управленческим персоналом (1923. 7 февр., 11 февр.). Можно предположить, что такие радикальные решения (от 7 февраля 1923 г.) для властей Иваново-Вознесенской губернии были весьма неожиданными, хотя местный губисполком в течение нескольких лет прилагал отчаянные усилия к их осуществлению. Об этом позволяет говорить последующая

* Рабочий край : орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, губкома ВКП(б) и губпрофсовета. 1923. 21 февр. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием даты.

реакция местной администрации, отраженная в периодической печати. В начале апреля 1923 г. состоялось заседание Иваново-Вознесенского губернского исполкома, на котором выступил И. И. Власов. Его доклад не был опубликован в печати, но текст постановления губисполкома дает ясное представление об основных положениях речи И. И. Власова. Так, в постановлении можно выделить три главных момента, определявших работу губернской административной комиссии на текущую перспективу: а) губернский исполком настаивал на необходимости срочно определиться с внешними границами губернии в пределах, указанных XII губернским съездом Советов; б) «для практического решения данного вопроса в Госплане и ВЦИКе составить и напечатать сборник статей по районированию с обоснованием этих границ с промышленной, сельскохозяйственной и других точек зрения»; в) после проведения указанных работ губернская административная комиссия должна обратиться во ВЦИК с настойчивой просьбой окончательного оформления и расширения границ губернии (1923. 6 апр.).

Такая спешность в проведении мер в области районирования, по всей видимости, объяснялась и тем, что в недрах центральной власти (в связке Совет труда и обороны (СТО) — Госплан) готовился стратегический план административно-территориального деления республики совершенно иного формата. Суть его сводилась к областничеству территории республики. Опасения были ненапрасными: на 17 апреля 1923 г. намечался созыв XII съезда ВКП(б), в повестке которого стоял доклад А. И. Рыкова — заместителя председателя СНК РСФСР — о районировании страны. В газете «Рабочий край» за 25 апреля 1923 г. давалось краткое содержание его выступления. Начиная оратор с того, что при существовавшем административно-территориальном устройстве трудно, да и невозможно, из Центра правильно решать многие вопросы; что разработан новый план административно-хозяйственной деятельности государства. Он предполагает трехзвенную структуру административно-территориального устройства республики: крупная волость — округ (близкий по территории и потенциалу к губернии) — район или область (результат слияния нескольких губерний). Основным критерий подразделения административно-территориальных единиц — экономический. По мнению А. И. Рыкова, такой подход соответствует текущему состоянию промышленности, которая делится на три разряда (центрального значения, областного и губернского уровней).

Оратор внес предложения делегатам съезда: а) в течение ближайшего года апробировать новое административно-хозяйственное деление в двух крупных, наиболее организованных областях; б) в других областях выбрать лишь областные органы, которые занялись бы подготовкой своих территорий к новому районированию; в) в некоторых областях перейти к выборности областных партийных органов, в других — к созданию этих органов частично путем выборов, частично из назначаемых ЦК партии представителей. Составление текста резолюции было передано на секционные заседания депутатов съезда (1923. 25 апр.).

Таким образом, А. И. Рыков впервые официально озвучил проект Госплана, над которым данная организация работала в течение двух лет с момента своего учреждения (февраль 1921 г.). Именно на этом съезде партии данный проект получил принципиальное одобрение, что дало возможность Госплану при поддержке СТО и СНК начать его практическое воплощение. В газете «Рабочий край» за 10 мая 1923 г. вышла редакционная

статья «Областное районирование». В ней сообщалось, что СТО обратился в Президиум ВЦИК с просьбой о создании при данной структуре комиссии для определения двух районов, в которых в полной мере будет осуществляться областная реформа. Давалась ориентировка на Урал и Северный Кавказ. По мнению представителей СТО, эта комиссия должна будет подготовить доклад к сессии ВЦИК и после его одобрения перейти к реформированию вышеуказанных регионов (1923. 10 мая).

Что это означало для регионов (губерний)? Смену концепции развития административно-территориального устройства республики. Что означала эта смена концепции эволюции административно-территориального деления для региона Верхнего Поволжья и, в частности, Иваново-Вознесенской губернии? По сути, отказ Центра (по инициативе высших исполнительных структур) от реализации решений заседания Административной комиссии при Президиуме ВЦИК от 7 февраля 1923 г. От этого более всего пострадала Иваново-Вознесенская губерния, снижалась ее лидирующая роль в данном регионе, многие наработки Иваново-Вознесенска в указанной сфере государственного строительства теряли свой смысл, в лучшем случае уменьшался их эффект.

Итак, начало реформирования административно-территориального устройства РСФСР было положено учреждением комиссий при ВЦИК. Параллельно СТО начал организовывать оргбюро с рабочим аппаратом Госплана в лице областных комиссий по подготовке районирования отдельных областей, в частности оргбюро по Центральной промышленной области (ЦПО).

В связи с этим будет уместно остановиться подробнее на содержании статьи «Иваново-Вознесенская губерния в плане экономического районирования республики», помещенной в номере газеты «Рабочий край» за 20 октября 1923 г. В ней сообщалось о том, что 18 октября 1923 г. на заседании губернской экономической комиссии был заслушан информационный доклад председателя плановой комиссии по организации ЦПО профессора Н. Н. Александрова о ходе реализации решений XII партийного съезда в деле районирования республики, в частности формирования на базе Центрального Нечерноземья Центральной промышленной области. Докладчик отметил, что в основу будущей сетки административно-территориального деления РСФСР положена идея создания экономических комплексов, т. е. районов, образованных на основе их хозяйственной деятельности. Ранее был иной критерий (отвергнутый) административно-территориального устройства — число жителей в уездах и губерниях. Он напомнил, что проект Госплана получил принципиальное одобрение XII съезда партии, что Украинский ВЦИК уже проводит его в жизнь (справка: вместо 120 уездов там будут функционировать 53 округа, а вместо 2000 волостей — 706 районов) (1923. 15 апр.). Новое административно-территориальное деление будет трехзвенным: область (слияние нескольких губерний) — районы (из нескольких уездов) — волости (их укрупнение). Всего будет 21 область. Давался в докладе перечень некоторых из них: Северная (слияние территорий Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний, области Коми) с центром — г. Архангельск; Северо-Западная (Новгородская, Псковская, Олонецкая, Петроградская, Ветлужско-Вятская, Мурманская губернии) с центром — г. Петроград; Западная (Белоруссия, Витебская, Гомельская, Смоленская и Брянская губернии) с центром — г. Смоленск; Средне-Волжская область с центром — г. Самара; область Нижнего Поволжья с центром — г. Саратов; Кавказ, Крым, 4—5 областей Сибири.

Акцент в своем выступлении Н. Н. Александров сделал на организации Центральной промышленной области (ЦПО). Им было отмечено, что в нее войдут до 70—80 % всех текстильных предприятий и масса металлических заводов. Намерено создать внутри области 12 округов: г. Москва, Вяземско-Ржевский (932 тыс. жителей), Тверской (864 тыс.), Рыбинский (915 тыс.), Ярославский (823 тыс.), Иваново-Вознесенский (1 млн человек), Муромский (958 тыс.), Нижегородский (829 тыс.), Рязанский (1,4 млн), Тульский (1,45 млн), Калужский (995 тыс.), Московский (без г. Москвы, 2 млн человек). Территория Владимирской губернии будет разделена между другими округами. Всего население ЦПО составит 15 млн жителей. Цели создания ЦПО — децентрализация системы управления хозяйственной деятельностью, предоставление округам оперативной самостоятельности в решении спускаемых сверху приказов и социальных заданий, экономия на управленческом аппарате.

По поводу Иваново-Вознесенской губернии докладчиком было отмечено, что при вхождении в ЦПО в статусе округа она потеряет лесные заволжские территории. Интересной была реакция собравшихся. Н. Г. Цветков заявил, что данный «план для местных работников новый. Затруднительно, что сказать об экономии. Надо тщательно изучить этот план». Д. З. Мануильский высказался решительно против отхода заволжских уездов от Иваново-Вознесенска: они дают 80 % потребного топлива. М. А. Коротков проводил мысль, что такое районирование усилит аппарат управления и приведет к отрыву власти от народа. И. И. Власов был более осторожен в высказываниях, отметив, в частности, что территория Иваново-Вознесенской губернии базируется на хозяйственном тяготении населения, внутреннем управлении и связи. Иными словами, в высказываниях местного руководства звучали скрытая тревога и неприятие новаций Центра в деле районирования, стремление заблокировать их имеющимися в распоряжении бюрократическими методами. Это нашло отражение в итоговых решениях заседания губернского экономического совещания: поставить этот план в повестку дня работы губернских органов, подготовить информационные материалы, установить контакты с областной плановой комиссией (1923. 20 окт.).

Губернская администрация сохранила приверженность к прежней концепции административно-территориального устройства региона Верхнего Поволжья: собирание территорий вокруг Иваново-Вознесенска, исходя из принципа «хозяйственного тяготения населения, внутреннего управления и связи». Даже после XII съезда ВКП(б) данный курс местного руководства не изменился. Так, постановлением губернского исполкома от 8 июня 1923 г. принимается решение издать к 1 октября сборник статей по административно-экономическому районированию губернии (с приложением карты). Газета «Рабочий край» от 15 июня 1923 г. информировала читателей, что усилилась тяга сопредельных территорий соседних губерний к вхождению в состав Иваново-Вознесенской губернии. Так, Торчинский волостной исполком Владимирской губернии, Ковернинский и Скоробеевский волысполкомы Семёновского уезда Нижегородской губернии, Потресовский и Колубчанский волысполкомы Кологривского уезда Костромской губернии подали в губернский исполком заявления о желании перейти в состав Иваново-Вознесенской губернии, а губисполком запросил у них мотивировку этих пожеланий.

Предельно ясная позиция местных властей на инициативы СТО и Госплана по организации ЦПО была выражена на пленуме губернского экономического совещания с участием членов губернского исполкома и представителей

от уездов 21 октября 1923 г. Материалы хода и решений этого представительного форума нашли отражение в номере газеты «Рабочий край» от 25 октября 1923 г. Итак, центральным вопросом в повестке дня совещания стоял вопрос о создании ЦПО. Примечательно то, что в редакционной статье ее называли Московской промышленной областью. Нам кажется, это не случайно. Газета невольно отражала общее мнение собравшихся: в новом административно-территориальном субъекте республики они увидели явные притязания московской региональной элиты на полное административно-хозяйственное подчинение себе Центрального Нечерноземья, включая Иваново-Вознесенскую губернию. В концентрированном виде мнение собравшихся выразил в своем докладе Осипов. Он заявил, что данный вопрос чрезвычайно сложный, что к нему надо подойти с осторожностью, требует многих лет работы. Насаждение его — нецелесообразно и даже вредно» (1923. 25 окт.).

Губернским экономическим совещанием было принято постановление, по сути бойкотирующее усилия Центра по привлечению Иваново-Вознесенской губернии в дело строительства ЦПО: «признавая, что вопрос о создании ЦПО является недостаточно разработанным и обоснованным, признать в связи с этим совершенно невозможным принимать те или иные практические шаги по организации области и округов по плану, выдвинутому оргбюро ЦПО. Считать нецелесообразным проектировать возможные границы Иваново-Вознесенского округа как составной части ЦПО.

Считать необходимым поставить практические вопросы исключительно лишь в плоскость определения и окончательного установления внешних границ Иваново-Вознесенской губернии, причем по этому вопросу ГУБЭКОСО остается при том же мнении, которое имелось до создания Оргбюро ЦПО. Вопрос о создании ЦПО подвергнуть дальнейшему изучению и оказать в этом отношении содействие Оргбюро ЦПО...» (1923. 25 окт.).

Как видим, это весьма смелый протест региональной власти. Но при внимательном прочтении документа в нем вскрываются так называемые «тайные ходы» бюрократии. Имеется в виду то, что в постановлении есть двусмысленные формулировки, дающие возможность маневра местного руководства в случае жесткой реакции Центра. Прежде всего, обратим внимание на статус структуры, принявшей это постановление, — губернское экономическое совещание. Губернский исполком как бы в стороне, хотя его члены принимали активное участие в прениях и выборе окончательного решения губернского экономического совещания.

Во-вторых, особо подчеркивалось непринятие проекта Оргбюро по созданию ЦПО, в частности предложенные в нем возможные границы Иваново-Вознесенского округа в составе области, т. е. местное руководство давало понять, что оно не против округа и области, не против решений XII съезда ВКП(б) (апрель 1923 г.). Оно против несовершенства планов Оргбюро ЦПО.

В-третьих, проводится мысль, что руководство Иваново-Вознесенской губернии готово сотрудничать с Оргбюро ЦПО в деле дальнейшего изучения данного вопроса. Но дальше обещало содействие в переводе вопроса о создании ЦПО из плоскости практических решений в сферу всячески затягиваемых процедур подачи информации Центру и ведения дискуссий с ним. Ибо в эпицентре внимания местного руководства (и это отразилось в документе) стояли «практические вопросы исключительно лишь в плоскости определения

и окончательного утверждения внешних границ Иваново-Вознесенской губернии» на основе прежних концептуальных подходов.

Так или иначе, позиция региона была четко очерчена и подана Центру: местная администрация намерена и дальше руководствоваться концепцией собирания территорий сопредельных губерний Верхнего Поволжья, ибо она на деле доказала свою действенность и эффективность в деле повышения экономического и политического статуса Иваново-Вознесенской губернии.

1923 г. — год пика триумфальных успехов политики административно-районирования властей Иваново-Вознесенской губернии и начала крушения надежд, с ними связанных, год активизации исполнительных структур Центра по навязыванию региону своего видения будущего административно-территориального деления республики, год завершения дискуссий партнеров по власти на относительно равноправной и конструктивной основе, год ответственной и эффективной работы в данной сфере государственного строительства динамично развивавшихся хозяйственных субъектов (в частности, Иваново-Вознесенской губернии), год проявления организационных способностей и принципиальности в суждениях региональных лидеров в деле отстаивания интересов своих территорий и населения.

ББК 87.228.1

А. А. Обрезков

ИСТОРИЯ ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК ПОИСК ЯЗЫКОМ ПУТЕЙ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Приводится краткий исторический обзор усилий по созданию универсальных языков и грамматик в контексте размышлений автора о языке как некоем мета-феномене, творческой сущности, ищущей способы самосовершенствования через своих наиболее талантливых носителей.

Ключевые слова: универсальный язык, философский язык, универсальная грамматика, лингвопроектирование, индуктивный подход, дедуктивный подход, самосовершенствование.

The article gives a short diachronic review of the efforts on creating universal languages and grammars given in the framework of the author's ideas about the language as some meta-phenomenon, creative activity, seeking the ways of self-improvement via its most talented possessors.

Key words: universal language, philosophical language, universal grammar, language planning, inductive approach, deductive approach, self-improvement.

На протяжении тысячелетий человеческая мысль не оставляет попыток усовершенствовать человеческий язык через создание философских, логических, универсальных языков и грамматик. Цели при этом ставятся разные, но они сводятся к нескольким основным: 1) утопически прагматическая — создание универсального средства общения людей с целью облегчения взаимопонимания и установления гармонии в отношениях между народами и отдельными людьми; 2) инструментально-когнитивная — создание универсального средства постижения истины, т. е. языка логики и науки, свободного от двусмысленностей, исключений, полисемии, омонимии и т. п.; 3) лингвоуниверсалистическая — выявление общих свойств этнических языков с целью вычленения универсальной языковой грамматической основы.

Наиболее концентрированно традиция лингвопроектирования нашла развитие в философии языка Нового времени. Пополнение эмпирической базы исследований языка так или иначе подводило многих философов независимо друг от друга к выводам о необходимости вычленения универсальных начал в человеческих этнических языках. Чем больше языков попадало в руки исследователей, тем чаще появлялись мысли о том, что все языки в той или иной степени родственны друг другу и искать это родство необходимо в сходстве строя языков. Таким образом, философы рассматриваемого периода, с одной стороны, закладывали основы для последующей компаративистики,

с другой — предпринимали попытки систематизации универсальных начал в языке, что находило воплощение в проектах универсальных и философских грамматик и языков.

В соответствии с указанными выше целями использовались различные методы лингвистического исследования. Языкознание XVI—XVIII вв. шло в основном двумя путями, которые объединяло однозначное логическое начало: индуктивным, примером которого может служить грамматика Пор-Рояля, и дедуктивным, представленным большим количеством проектов универсальных и философских языков и грамматик. При этом параллельно с указанными направлениями, однако вне философских исследований, проводилась эмпирическая работа, направленная на описание конкретных этнических языков, создание их грамматик и литературных норм. Что же касается конструирования языков, то данный процесс постепенно становился достаточно популярным в Новое время, став неизменным спутником практически всех значительных философских концепций.

Время начала активного лингвоконструкторского творчества, а именно XVII—XVIII вв., отмечено подходом к языку как инструменту, орудию, средству постижения истины. Философы стремились создать безупречный логический язык, свободный от различных нагромождений, имеющих в этнических языках, способный максимально точно выразить самые сложные мысли. Коммуникативная ценность при этом мало бралась в расчет, хотя нередко и декларировалась. Впрочем, вряд ли справедливо определять некое прокрустово ложе для проектов того времени, так как среди них встречались совершенно разные языки.

Прежде чем дать по необходимости краткий обзор самых значительных лингвопроектов Нового времени, необходимо отметить, что философы данной эпохи не были оригинальными в своих устремлениях. Уже в античности предпринимались попытки построения некоего универсального языка. В частности, известно о языке македонского филолога александрийской эпохи Алексарха, создавшего его для жителей города Уранополиса (Город неба), в котором он мечтал воплотить мечту о справедливом и равноправном обществе [3]. К сожалению, сам язык не дошел до наших дней. Кроме того, во II в. римский врач и естествоиспытатель Клавдий Гален изобрел систему графических знаков, при помощи которой могли бы общаться люди, говорящие на разных языках [7, с. 76—77]. На создание проекта языка Галена вдохновило высказывание Платона о том, что самым большим подарком для человечества стал бы всеобщий язык [13].

В Средние века наиболее известным хрестоматийным примером лингвоконструирования является проект Раймонда Луллия *Ars Magna*, представлявший собой не просто язык, но некую систему ценностей, выраженную в логически построенной пазиграфии и имевшую целью нести божественный христианский свет язычникам [12, с. 94]. Необходимо отметить, что данная работа произвела большое впечатление и оказала серьезное влияние как на формирование взглядов более поздних философов и ученых, так и на составление проектов философских и логических языков последующих периодов. В частности, под влиянием идей Р. Луллия формировались взгляды и системы ценностей Николая Кузанского и Джордано Бруно, в какой-то степени различные элементы упомянутой пазиграфии были взяты за основу при построении лингвопроектов Г. В. Лейбницем и другими философами Нового времени [12, с. 69—72, 135—139, 271].

Если в более ранний период проекты языков возникали во многом исходя из религиозных мотиваций (хотя часто подобное творчество воспринималось деятелями христианской церкви как кощунство, поскольку производство языка полагалось (и полагается часто до сих пор) божественной прерогативой), то Новое время породило новую парадигму лингвоконструирования, основанную на вере не в некие высшие силы, но в силу человеческого разума, способного стать созидателем нового Логоса. Искренне веря, что язык и мышление равнозначны, философы данного периода воспринимали язык как идеальное средство упорядочивания мыслительной деятельности. Они полагали, что создав язык с взаимным однозначным соответствием слов и понятий, лишенный всяческих интерференций, подарят людям инструмент для общения максимально конкретного, способствующий точнейшему выражению и пониманию мыслей. В этом проявилась особенность философии рационализма, которая в некотором роде оторвалась от практики и эмпирического изучения проблемы языка, отдав вопросы частных этнических языков на откуп грамматикам. В рамках единой для этого времени логичистской рационалистической парадигмы философами осуществлялись разные стратегии построения лингвопроектов. Однако общими чертами философских и логических языков были, во-первых, их априорность, т. е. создание языков «с чистого листа», без опоры на лексику этнических языков, во-вторых, ориентация преимущественно на письменное применение, в-третьих, в целом отсутствие ориентации на их использование в реальной коммуникации, хотя, как уже указывалось, последнее нередко декларировалось в числе целей построения подобных языков.

Считается, что первую последовательную теоретическую базу создания универсального языка в Новое время заложили Ф. Бэкон (1561—1626) и Р. Декарт (1596—1650), во многом предопределившие процесс лингвопроектирования соответственно в Британии и в континентальной Европе. Фрэнсис Бэкон в трактате «О достоинстве и приумножении наук» пишет о двух грамматиках — литературной и философской. Первая из них, по мнению автора, должна быть исследованием существующих национальных языков, вторая — сводом теоретических правил создания единого, рационального, общего для всех народов языка [7, с. 79]. Создаваемый образцовый язык должен был вобрать в себя основные языковые характеристики, общие для различных конкретных языков и тем самым не случайные. Р. Декарт в письме аббату Мерсенну от 20 ноября 1629 г. определяет перспективную программу логического переустройства языка, согласно которой язык должен быть освобожден от неполных и неправильных форм и подвергнут коренной реформе, чтобы стать оптимальным средством выражения человеческих понятий. Подобный язык, названный ученым «философским», мог бы способствовать суждениям, и, по словам ученого, с его помощью крестьяне могли бы лучше судить о сущности вещей, чем современные Декарту философы [4, с. 44].

Одним из первых в Европе, кто занялся практическим созданием проекта всемирного языка, был Г. В. Лейбниц (1646—1716). В 1666 г. в диссертации на латинском языке («Dissertatio de arte combinatoria») он впервые опубликовал свою идею о «пазиграфии или искусстве делаться понятным при помощи общих письменных знаков для всех народов на земле, на каких бы разных языках они ни говорили, если только они знакомы с этими общими знаками». Философ мечтал о языке именно как об «инструменте разума». Слова должны были не только выражать идеи, но также образовывать

их взаимосвязи, т. е. позволять формировать их с помощью алгебраических операций и заменять рассуждения формулами.

Необходимо отметить, что Г. В. Лейбниц, проектируя рациональный математический язык, одновременно пытался создать и практический международный язык на базе латинского с сильно упрощенной регулярной грамматикой [12, с. 269—270]. Он подверг семантическому анализу множество необходимых слов и философских терминов на латыни, сгруппировав полученные результаты в разделы, и опубликовал результаты своей работы в произведении «Tables de definitions» (Таблицы определений) [9, с. 96].

Лейбницу не удалось построить целостную систему философского языка, однако несомненным достижением ученого можно считать создание его подсистемы — философской грамматики. По мысли Лейбница, философская грамматика должна быть способна выражать все необходимые грамматические понятия таким количеством форм, которое соответствовало бы числу грамматических понятий. Ученый полагал избыточным различие существительных по роду, типу склонения или спряжения. Также лишними полагались падежные окончания, так как они дублируются предлогами, личные окончания глагола, так как они дублируются личными местоимениями, и т. д. [4, с. 44—45]. В этой связи необходимо отметить, что во многом именно такую основу имеет грамматика современного английского языка, на становление которой не могли не оказать влияние идеи конструкторов философских языков. Кроме того, немаловажным является то обстоятельство, что Г. В. Лейбниц, пожалуй, наиболее комплексно из своих современников подошел к лингвопроектированию, экспериментируя как в области логических пазиграфий, так и в сфере эмпирического, апостериорного подхода к созданию языков.

Можно предположить, что в числе прочего на формирование современного английского языка так или иначе повлияли философский язык Дж. Далгарно (1620—1687) «Ars Signorum» (1661) и проект Джона Вилкинса (1614—1672), опубликованный в его работе «Essay towards a Real Character and a Philosophical Language» (1668). Далгарно, применяя аналитический подход, стремился построить язык на сравнительно небольшой базе корневых слов, призванных описывать основные понятия. Слова для прочих понятий и классов объектов должны были строиться за счет соединения корневых слов. Для образования частей речи предусматривалась система флексий. По идее Далгарно таким образом можно было составить язык, который наиболее рационально и эффективно мог бы способствовать выражению логического анализа мысли. Что касается Вилкинса, то он считал, что наиболее значимую черту лексикона философского языка должны представлять корнеслова, основанные на классификационной схеме, смоделированной на основе теории категорий Аристотеля. Он не стал ограничивать лексический состав своего проекта, как это сделал Далгарно, и постарался отразить весь спектр современных ему понятий. Вилкинс построил иерархию, состоящую из сорока различных классов, таких как классы растений, животных, действий души, физических действий, движений и т. д. Язык Вилкинса представлял собой идеографическую систему, предполагающую свой знак для каждого из сорока классов, так, чтобы каждое понятие можно было составить путем комбинации этих сорока элементов [2].

Проект еще одного англичанина, гениального английского физика, механика, астронома и математика Исаака Ньютона (1643—1727) «О всеобщем

(универсальном) языке» («Of an Universal Language»), который был им составлен в 18-летнем возрасте, также строился по классификационному принципу на основе категорий Аристотеля. В указанной работе даны группы слов, близких по содержанию, образованных от одного корня при помощи суффиксов. В целом же в проектах Ньютона все понятия классифицированы и каждому классу предписывается определенный символ. Так, например, *b* означает чувства, *s* — орудия труда, *t* — животное и т. п. Новые слова образуются из лексического материала, положенного в основу языка, при помощи суффиксов, означающих понятия, родственные корневному слову, или грамматические категории числа, времени, степени сравнения и т. п. В первом проекте имеется словарь, в котором слова, образованные из 2400 исходных элементов, располагаются по классификационному принципу. В работе «О всеобщем языке» даны группы слов, близких по содержанию, образованных от одного корня при помощи суффиксов [2, 6].

Необходимо отметить оригинальность концепции универсального языка И. Ньютона, особенно учитывая юный возраст, в котором он создавал свой проект. Его работу характеризует опора на традиционную грамматику и развитие логико-философского осмысления основных понятий и принципов их языкового отражения. Однако в силу того, что проекты И. Ньютона остались неизвестными современникам, будучи опубликованными только в 1957 г., они не могли оказать какого-либо влияния на другие проекты той эпохи.

Примерно в то же время, что и работы И. Ньютона, в 1935 г., была обнаружена рукопись Яна Амоса Коменского (1592—1670) «Панглотика», в которой содержатся идеи, сформированные в период его пребывания в Англии под влиянием бесед с Декартом и проекта Дж. Далгарно. Но еще в 1641 г. в XIX главе своего произведения «Via lucis» («Путь к свету») Я. А. Коменский рассматривает основные положения, на базе которых должен быть построен новый, единый для всех людей язык. В работе над философским языком ученый также отдает предпочтение классификационному принципу и, в сущности, во многом повторяет идеи Дж. Далгарно, в частности, в стремлении найти наиболее экономичный и оптимальный способ выражения грамматических категорий [7, с. 82—84].

История лингвопроектирования Нового времени и начала эпохи Просвещения исключительно богата проектами языков, одно их перечисление заняло бы не один десяток страниц, поэтому мы вынуждены ограничиться кратким анализом самых заметных работ, демонстрирующих наличие более или менее единой тенденции в создании философских и логических языков.

Если составление подобных лингвопроектов представляло собой реализацию дедуктивного подхода в рамках логицистской традиции, то работа над универсальными грамматиками олицетворяла индуктивный подход. Усилия по составлению таких грамматик в Новое время чаще всего ассоциируются с «Грамматикой Пор-Рояля», опубликованной в 1660 г. без указания ее авторов Антуана Арно (1612—1694) и Клода Лансло (1615—1695). Однако еще до нее попытка создания универсальной грамматики на основе латинского языка была предпринята модистами, а в XVI в. испанец Ф. Санчес (Санксиус) (1550—1610) фактически создал теоретическую грамматику, написанную на латыни, но уже учитывающую материал различных языков [1].

Авторы грамматики Пор-Рояля исходили из восходящей к Р. Бэкону и модистам гипотезы существования общей логической основы языков, от которой конкретные языки отклоняются в той или иной степени. Авторы

«Грамматики» делают вывод о том, какой должна быть общая форма любой возможной грамматики, исходя из способа, каким, по их мнению, понятия соединяются в суждения. Эту «универсальную глубинную структуру они устанавливают на основе наблюдений над “естественными способами наших мыслей”» [11, с. 69—70], отталкиваясь от характерного для картезианцев мнения о тождественности языка и мышления. Другим типичным для философов рассматриваемого периода положением было выделение в языке внутренней и внешней сторон, отражающих соответственно способ отражения мысли и форму, в которую облекается высказывание. Хомский называет эти два аспекта «глубинной» и «поверхностной» структурами языка. «Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой» [11, с. 70]. Одной из заслуг Арно и Лансло Н. Хомский считает последовательное отстаивание точки зрения, что «глубинная и поверхностная структуры не обязательно должны быть тождественны» [11, с. 70].

В XVIII в. эстафета была подхвачена универсальными или философскими грамматиками, к созданию которых были причастны Э. Кондильяк, Ц. Дюмарсэ, Н. Бозэ, Д. Хэррис, И. Майнер, И. Аделунг и др.

Подводя определенный итог картезианскому периоду логицизма, отметим следующие его особенности. Прежде всего, это безоговорочная вера в силу разума и логику как его инструмент и проводник. Кроме того, это как минимум недооценка эмпирических данных, что привело к существованию параллельных направлений теории языка, в том числе, в рамках логицизма (индуктивное, дедуктивное). Это осознание свободы человеческого языка «в его нормальном употреблении [...] от контроля со стороны выделяемых независимо друг от друга внешних стимулов или внутренних состояний...» и отсутствие ограниченности «...какой-либо практической коммуникативной функцией в противоположность, например, псевдоязыку животных» [11, с. 65], однако при этом непонимание объективных законов развития языка, воплотившееся в исключительно инструментально-синхроническом подходе.

При всем своем творческом устремлении философы-лингвоконструкторы создавали априорно мертворожденные проекты, поскольку, во-первых, та детальная категоризация понятий, которая закладывалась в большинство философских языков, перекрывала путь к их потенциальному будущему развитию, так как намертво закрепляла за каждой вещью одно понятие, во-вторых, представляя собой преимущественно пазиграфии, философские языки изначально обрекались на коммуникативную ущербность, в-третьих, со временем пришло понимание, что создание действующего языка на основе однозначного соответствия плана выражения плану содержания в принципе невозможно, так как использующему его пришлось бы хранить в памяти огромное количество априорно образованных понятий либо носить с собой увесистый словарь, что едва ли способствовало бы продуктивному общению. Кроме того, причина такой невозможности в том факте, что действующий этнический язык является отражением таких особенностей человеческого мышления, как психологически и эмпирически обусловленная алогичность и непоследовательность (так называемый «здравый смысл», или «обыденная логика»), не говоря уже о целом комплексе экстралингвистических факторов, сопровождающих «работу» языка. Говоря об этнических языках,

П. А. Флоренский писал: «Существующие языки нерациональны: нерациональны, как возникавшие полусознательно, а не сочиненные по продуманному плану; *нерациональны и по самой связи их с нашим организмом, тоже нерациональным*» (курсив мой. — А. О.) [10].

С другой стороны, опыт лингвоконструирования наглядно продемонстрировал способность, и даже более того, стремление человеческого языка к производству из себя своеобразных дочерних языков (подъязыков), что показало несостоятельность бытовавших и зачастую бытующих в наши дни предрассудков по поводу принципиальной несостоятельности и даже недопустимости идеи *создания* языков человеком.

Если размышлять в рамках деятельностного подхода к феномену языка, то через своих избранных носителей человеческий язык пытается самосовершенствоваться, найти способы самооптимизации, не вполне удовлетворяясь объективно протекающим стихийным процессом упрощения и экономизации языка по мере его развития. Дальнейшее развитие теории и практики языка уже в русле логико-эмпирического направления стало в этом плане показательным.

В числе прочего, по мнению некоторых исследователей (Ю. С. Степанов и др.), в философии Нового времени проявилась так называемая парадигма «двух языков». В сущности теория языка во многом осуществлялась и продолжает осуществляться в рамках данной парадигмы. Она подразумевает рассмотрение языка в двух его ипостасях — актуальной и потенциальной. Под актуальной ипостасью понимается любой этнический язык, используемый в повседневной жизнедеятельности людей, под потенциальной — гипотетический, ожидающий своего создания язык, призванный стать инструментом разума, способным облегчить задачу последовательного выражения мыслей и в идеале стать универсальным языком науки [9, с. 111]. Данная парадигма, по нашему мнению, и стала основной причиной развития теории языка, по сути, параллельными путями — этнолингвистическим и логико-универсалистическим. Ю. С. Степанов полагает, что данная концепция представляет собой «малую парадигму» философии языка, прозябающую «на протяжении веков рядом с основной парадигмой каждого века, и в то время как основные парадигмы сменяют одна другую, “малая” лишь меняет фаворитов в роли своего “первого”, универсального логического языка...» [9, с. 111—112].

Как рационалистическая логика была порождена кризисом логики схоластической, так и эмпиризм явил собой преодоление засилья новой логики в теории языка с сохранением ее достижений. Языковедческий эмпиризм проявился в двух основных направлениях теории языка. С одной стороны, работа по созданию плановых языков не только не прекращалась, но век от века продолжалась по нарастающей, но уже большей частью на апостериорно-эмпирической основе. С другой стороны, в рамках исследования конкретных этнических языков и отношений между ними пополнялась эмпирическая база языковедения, и формировалось сравнительно-историческое языкознание. Этому, в том числе, способствовали географические открытия, познакомившие ученых с большим количеством языков, в частности с туземными языками и наречиями, не всегда вписывавшимися в уже имевшуюся парадигму языковых исследований.

Эмпирическое лингвопроектирование эволюционировало от попыток упрощения еще в Новое время этнических языков (в основном — латинского) до создания проектов апостериорного типа, т. е. основанных на материале

этнических языков. При этом логицизм оставался и продолжает оставаться методологической основой построения языков, во всяком случае, на этапе их становления.

В этом отношении показателен пример планового международного вспомогательного языка эсперанто, соединившего в себе логические и эмпирические черты: построенную на логических принципах грамматику и интернационально-лексическую основу. Первоначально создатель языка Л. Л. Заменгоф (1859—1917) предполагал его функционирование на основе принципа однозначного соответствия плана выражения плану содержания, однако по мере его практического применения стало очевидно, что в реальной полноценной коммуникации данный принцип просто не срабатывает в силу упомянутых выше особенностей человеческого мышления, далекого от однозначной формальной логики. Тогда Л. Л. Заменгоф, не отказавшись полностью от логической основы своего проекта, в частности, оставив неизменной грамматическую основу языка (16 фундаментальных правил), допустил существование в языке в разумных пределах синонимии, полисемии, омонимии и омографии, за что был подвергнут критике со стороны адептов идеи последовательного логицизма в данном языке, некоторые из которых впоследствии стали авторами проектов упрощенного эсперанто (идо, нов-эсперанто и др.). Признавая наличие определенных нелогичностей в своем детище, в 1906 г. Л. Заменгоф написал: «Не только в естественных языках, но и в искусственном все, что используется большинством хороших писателей, должно признаваться хорошим, даже если оно не является абсолютно логичным; ибо если мы всегда будем требовать абсолютной логики, то свободное употребление искусственного языка станет совершенно невозможным, потому что тогда пропадет всякая польза длительных упражнений [в языке], и в десятый год пользования языком, так же как в первый, всякий был бы постоянно вынужден слишком долго обдумывать и взвешивать каждое свое слово. Однако есть и отличие между языком естественным и языком искусственным, которое состоит в том, что если в первом обязательно использовать только те формы, которые в ходу у хороших писателей, и применение более логичной формы запрещено [обычаем], — то в искусственном языке всякий имеет право использовать более логичную форму, хотя бы до той поры никто ее не применял, и он может быть уверен, что если его форма на самом деле окажется хорошей, она найдет вскоре многих подражателей и мало-помалу вытеснит менее логичную форму, пусть до тех пор и более употребительную» [14, с. 11—12]. В связи с данной цитатой напрашивается параллель с мыслями Секста Эмпирика о целесообразности апостериорного закрепления норм языка в соответствии с общепринятым обычаем, выраженными им в трактате «Против грамматиков» [8, с. 92]. Таким образом, по мере активного применения эсперанто Заменгоф пришел к выводу о приоритете эмпиризма в подходе к языку. При этом в концепции проекта была заложена реализация отражательной сущности языка, позволяющей ему развиваться по тем же законам, что и этнические языки под контролем определенной надстройки в виде Академии эсперанто, представляющей собой аналог соответствующих институтов и академий этнических языков. Следует предположить, что именно в силу своего эмпирического характера эсперанто остается лидером среди современных коммуникативно-реализованных лингвопроектов, будучи более остальных приближенным по форме, содержанию и возможностям практического применения к этническим языкам.

Конец XIX и весь XX век, несмотря на бурное развитие научно-технического прогресса, а во многом именно благодаря ему, так как это предопределило сближение наций и народов, также оказались богатыми на проекты эмпирических вспомогательных международных языков, к созданию и популяризации которых так или иначе были причастны такие философы, логики и лингвисты, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, О. Есперсен, Р. Карнап, Э. Сэпир, Р. де Соссюр, Д. Пеано и др. Особенностью современного лингвоконструирования можно назвать вторичную апостериорность, т. е. построение новых проектов на основе уже имеющихся с целью их усовершенствования. Отдельные проекты появились на основе предшественника эсперанто, априорно-апостериорного проекта Й. Шлейера «воляпюк», но больше всего в минувшем веке оказалось эсперантоидов. Вместе с тем активизировалась работа по составлению упрощенных версий этнических и древних языков, так называемых натуралистических проектов. Латынь вдохновила создателей латино-сине-флексионе (интерлингва, Д. Пеано, 1903), на основе романских языков были составлены окциденталь (с 1949 г. — Interlingue, Э. де Валь, 1922), Interlingua IALA (А. Гуд, International Auxiliary Language Association, 1951), романид, Романова, ланго и др. Английский язык послужил основой для создания Basic English (Ч. Огден, 1932) и некоторых других проектов.

Новейшая эпоха языкового конструирования, к сожалению, практически остается вне сферы интересов философов языка, во всяком случае, в части, касающейся коммуникативно-ориентированных и реализованных языков. Между тем пример отдельных языковых проектов минувшего века, по нашему мнению, несколько меняет парадигму лингвистических и лингвофилософских исследований, ставя под вопрос постулаты об обязательном наличии этноса-носителя языка и соответствующей этноязыковой культуры. Более того, в условиях все нарастающих центристических процессов в мире все чаще возникает осознание целесообразности выбора или создания некоего нейтрального вспомогательного языка, дающего, в отличие от применяемого по умолчанию в качестве международного языка «стандартного» английского, равные права представителям разных языков. В частности, все более актуальной проблема нейтрального языка становится в Европейском Союзе. Необходимо отметить, что возникновение такой проблемы еще до создания ЕС предвидел известный ученый У. Эко, высоко оценивавший достоинства эсперанто. В своей работе «Поиск совершенного языка» (1995) он пишет: «Если процесс объединения Европы будет продолжаться вкупе с тенденцией к сохранению языков (linguistic fragmentation), то единственным возможным решением проблемы для Европы будет полное принятие языка-посредника (vehicular language)». Однако здесь же он говорит о маловероятности наличия политической воли для внедрения международного вспомогательного языка (IAL) со стороны «тех самых международных органов, которые до сих пор не могут прийти к какому-либо соглашению по поводу средств спасения нашей планеты от экологической катастрофы» [12, с. 334].

Между тем в ожидании (возможно, безнадежном) официального признания коммуникативно-реализованные языковые проекты живут своей жизнью, постепенно обретая многие черты и атрибуты этнических языков, такие как культурно значимые функции и наличие «квазиэтноса», т. е. сообщества носителей, объединенных общим языком, фоновыми знаниями и квазикультурой, к которой можно отнести наличие оригинальной художественной

и научно-публицистической литературы, песенного творчества, квазиидиоматики в виде устоявшихся в общем употреблении пословиц, поговорок и речевых оборотов и т. д. [5] Кроме того, степень распространенности плановых вспомогательных языков в сетевом информационном пространстве находит отражение в различных массовых сетевых и информационно-системных продуктах. Так, например, пользователи социальной сети Facebook могут выбрать эсперанто в качестве языка интерфейса. Операционные системы Android и IOS предлагают в качестве языков интерфейса и раскладок клавиатуры плановые языки эсперанто, Ido, Interlingua. Известная «народная» сетевая библиотека Wikipedia существует также в версиях на эсперанто, Ido и Interlingua. Онлайн-переводчики, например Яндекс, предлагают эсперанто среди прочих языков перевода.

Таким образом, древняя идея поиска универсального средства общения постепенно переходит из философско-научной в эмпирико-прикладную область, и даже экономически и политически обусловленное засилье «международного» английского языка не способно убить в людях стремление к некоему этнически нейтральному простому в изучении и применении универсальному средству полноценного общения.

История линвопроектирования наглядно демонстрирует, что в разные эпохи и в разных частях планеты человеческий язык выступает своеобразной творческой площадкой, объектом экспериментирования. При этом творческая составляющая относится не только к так называемым плановым языкам, но и в немалой степени к языкам этническим, которые принято называть «естественными», что, мягко говоря, не соответствует действительности. При этом языковое творчество реализуется с помощью наличных языковых средств — идеограмм, фонем, лексем, грамматики, семантики и пр., т. е. язык выступает одновременно продуктом творчества, творящей сущностью и чистым творчеством или средой, делающей возможной творчество субъектов творчества. Язык как надындивидуальное сущностное образование, как деятельность, не только находящаяся под воздействием сообщества носителей, но и сама оказывающая воздействие на носителей, использует человека в качестве инструмента самосохранения, самооптимизации.

Библиографический список

1. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений : учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
2. *Кнорина Л. В.* Природа языка в лингвоконструировании XVII века // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 110—120.
3. *Королевич А. И.* Книга об эсперанто / АН УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. Киев : Наукова думка, 1989. 253 с.
4. *Кузнецов С. Н.* Основные этапы становления интерлингвистической теории // Проблемы международного вспомогательного языка. М. : Наука, 1991. 263 с.
5. *Мельников А. С.* Лингвокультурологические аспекты плановых международных языков (на фоне этнических) / под ред. проф. А. Д. Дуличенко. Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2004. 632 с.
6. *Ньютон И.* Об универсальном языке / пер., послесл. и прим. Л. В. Кнориной // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 110—120.
7. *Свадост Э. П.* Как возникнет всеобщий язык? М. : Наука, 1968. 287 с.
8. *Секст Эмпирик.* Сочинения : в 2 т. : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1976. Т. 2. 421 с. (Филос. наследие ; т. 70).

9. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : Наука, 1985. 335 с.
10. Флоренский П. У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. 496 с. Т. 1, ч. 1. 352 с. ; Т. 1, ч. 2. 447 с.
11. Хомский Н. Картезианская лингвистика : глава из истории рационалистической мысли / пер. с англ. и предисл. Б. П. Нарумова. М. : КомКнига, 2005. 232 с.
12. Eco U. The Search for the Perfect Language / transl. by J. Fentress. London, Fontana Press, 1997. 386 p.
13. Barandovská-Frank V. Enkonduka lernolibro de interlingvistiko. Sibiu-Hermannstadt : Editura Universitatii, 1995. (Unua eldono).
14. Zamenhof L. L. Lingvaj respondoj. 6-a eld. Marmande, 1962.

ББК 60.023

Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, ГЛОБАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Рассматривается типология моделей глобального сознания, соответствующая современному этапу реализации стратегии устойчивого развития цивилизации, представленному в контексте учения о переходе биосферы в ноосферу. Анализируются исторические коллизии разворачивания глобального сознания золотого миллиарда, антиглобалистского сознания и ноосферного глобального сознания. Делается вывод о кризисном характере глобального сознания золотого миллиарда, по своему проективному потенциалу уступающего ноосферному глобальному сознанию.

Ключевые слова: глобальное сознание золотого миллиарда, ноосферное глобальное сознание, глобальный антиглобализм, философия устойчивого развития.

The article deals with the typology of the global consciousness models, corresponding to the present stage of implementation of the sustainable development strategy, considered in the context of the noospheric doctrine. Historical conflicts between the golden billion global consciousness, anti-globalistic consciousness and global noospheric consciousness are analyzed. The conclusion about the crisis nature of the golden billion global consciousness is made, the projective potential of the noospheric global consciousness is uncovered.

Key words: global consciousness of the «golden billion», noospheric global consciousness, global anti-globalism, philosophy of sustainable development.

В минувшем веке мир стал свидетелем зарождения в среде западноевропейской интеллектуальной элиты глобальной концепции устойчивого развития — *sustainable development*, основы и принципы которой в настоящее время являются общеобязательными для большей части стран мирового

© Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

• Серия «Гуманитарные науки»

сообщества [4]. При этом немногие знают, что комплементарные теории устойчивого развития мысли сформировались в среде русской интеллигенции еще в начале XX в. Одним из отечественных пророков будущего мировой цивилизации был В. И. Вернадский, который в 1911 г. на страницах газеты «Русские ведомости» размышлял об «устойчивости мирового существования» [1, с. 179] как социально-философской (геополитической, мирополитической) репрезентации перехода биосферы в ноосферу. Его философия (как эмпирическое обобщение) не только может рассматриваться в качестве основания мирознания третьего тысячелетия [23], но и является примером реального глобального сознания [см. также: 22].

В современной ноосферологии становление ноосферной реальности, ноосферного сознания [20] и переход человечества к реализации модели глобального устойчивого развития рассматриваются как процессы одного порядка [8, 10, 11, 27], иными словами, ноосферное развитие (ноосферогенез) рядопологается устойчивому развитию.

Дефиниция глобального сознания, предлагаемая А. Н. Чумаковым (пусть и вне ноосферного контекста), убедительно демонстрирует связь с основными положениями концепции устойчивого развития. Глобальное сознание в его системе референций предстает как «миропредставление и миропонимание, в соответствии с которым на первый план в оценке принципиальных, особо значимых событий выступают общечеловеческие интересы и ценности», а также как «способность мыслить категориями планетарного масштаба, осознавать личную сопричастность к мировым делам и процессам» [29, с. 239]. Аксиологическими и антропологическими ориентирами в данном случае выступают «новый гуманизм», «новая этика», подкрепленные «чувством глобальности». В историческом контексте феномен глобального сознания рождается в недрах постмодернистского отношения к миру и предстает в двух формах: «освобождения сознания от» и «освобождения сознания для» [21, с. 152]. Именно благодаря последней (сугубо ноосферной) форме феномен «взорванного», «открытого» сознания и становится онтологической предпосылкой складывания глобального сознания [там же] и праксиологической предпосылкой теории устойчивого мирового существования.

Теория устойчивого развития, развивавшаяся в течение полувека, несмотря на имеющиеся различия в толковании термина *sustainable*, имплицитно предполагала концептуальное единство глобального сознания устойчивого развития. Считалось ранее, и до сих пор эта точка зрения является господствующей, что имеет место безальтернативное его толкование как «устойчивого развития». Однако последние десятилетия эта монистическая методологическая позиция подвергается серьезным испытаниям со стороны новой реальности, особенно сильно заявившей о себе после событий 11 сентября 2001 г., когда в США произошла террористическая атака на башни-близнецы.

Главная идея статьи заключается в том, что теория и практика устойчивого развития задает, по крайней мере, две возможные трактовки концепта *sustainable*. Проиллюстрируем этот тезис лишь одним, но очень показательным примером: отказ США ратифицировать Киотский протокол и, очевидно, выход из протокола Канады свидетельствуют о двух различных линиях толкования мировой стратегии устойчивого развития. Фактически страны мирового сообщества разделились на две группы: *первая* — государства, которые вынуждены войти в протокол (как это было с Россией, менее всего заинтересованной стороны, ибо это влекло за собой замедление темпов экономического

развития страны); *вторая* — страны, которые имеют возможность не признавать эту климатическую конвенцию (как это имеет место в случае, например, США и Канады). Российская ситуация касается не только нашей страны, но и многих других государств, относящихся к разряду догоняющих. Таким образом, из теории и практики устойчивого развития вытекают как *глобальное сознание золотого миллиарда* (США, страны Евросоюза, Япония), так и *ноосферное глобальное сознание остальной части мира*. Чтобы пояснить эту мысль, обратимся к истории.

XXI век с самого начала оказался веком конфронтации моделей глобального сознания. Истоки этого противостояния берут начало в двух взаимосвязанных датах века предшествующего и века нынешнего. 11 сентября 2001 г. оказалось своеобразным виртуальным ответом на 11 сентября 1973 г. Неудача чилийского проекта невооруженного пути к социализму показала, что мировой капитализм (прежде всего, в лице транснациональных корпораций) с имперским модусом существования не позволит «цивилизованным» путем осуществить «глобальный социалистический модус вивенди». Более того, на пролонгацию мирового социализма СССР получил весьма скоординированный ответ, который в конечном итоге обрушил цитадель социализма во всем мире и позволил на два десятилетия перевести мир в режим торжества устойчивого развития «западной цивилизации». Победило глобальное сознание золотого миллиарда, к которому устремилось значительно большее количество стран и народов, коим было бы позволено войти в двери «общества высокого потребления». Россия, может быть, больше всего пострадала от движения в этой цивилизационной струе мирового «западнизма». Потребовалась четверть века для осознания российскими элитами компрадорского характера своего сознательного движения в «долларовую западню», в которой, как в «черной дыре», не может быть обратного выхода. Валютный пылесос очень эффективно осуществлял перераспределение основного ресурсного богатства от России к странам «бивалютной корзины». (Парадоксально, что накануне анализируемых событий 1973 г., определивших нереальность мирного шествия социализма по планете, проходил первый Всемирный саммит по охране окружающей среды и устойчивому развитию — Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, где впервые на мировом уровне обозначила себя еще пока идея устойчивого развития.)

Отчетливое размежевание двух концепций глобального сознания проявилось не сразу. Вначале оно представлялось как противостояние *глобального капиталистического сознания* и *глобального социалистического сознания*. С распадом СССР и руководимого им мирового социалистического лагеря, казалось бы, это противоречие должно было быть снято. Однако начало XXI в. недвусмысленно показало, что имевшая место контрадикция не исчезла, а лишь приобрела несколько иную форму. Она трансформировалась в конфликт не по линии классового антагонизма, а по линии геополитического профиля.

Общеизвестно, что если бы все страны мира имели возможность такого же уровня дохода на душу населения, как в США, то глобальный экологический кризис разразился бы уже в настоящее время. В силу этого одна из генеральных задач глобального сознания золотого миллиарда — кардинальное решение демографической проблемы (иными словами, сокращение темпов роста человеческой популяции). Думается, что в этом смысле борьба

с тоталитарными режимами и внедрение демократических ценностей вполне может рассматриваться как форма торможения роста народонаселения. Очевидно, глобальное сознание золотого миллиарда не только ограничивается экономическим тезаурусом, но и имеет свою специфику толкования демографических, культурных, образовательных и иных проблем. Хищнический характер подобного рода глобального сознания хорошо показан в книгах Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы» [17] и Тома Пикетти «Капитал XXI века» [18]. В этой связи особенно важна идея Т. Пикетти о том, что имеет место динамично растущая поляризация бедности/богатства, обострившая себя именно в нынешнем столетии. «Если процесс оставить без изменений, — пишет автор, — то к 2050 году одна тысячная населения Земли будет владеть 60 % глобального богатства. А доля наследуемого (незаработанного) богатства достигнет 90 %, что соответствует уровню XX века» (цит. по: [9, с. 37]). В этом контексте события в Ираке, Ливии, Египте, Афганистане, Сирии, Украине — это яркие примеры и весомые доказательства беспрецедентной экспансии глобального сознания золотого миллиарда; в пользу этого косвенно свидетельствует и нынешняя позиция США и стран Евросоюза в отношении современной России.

В этом контексте особую значимость приобретает всесторонний анализ ноосферного глобального сознания, истоки которого берут свое начало в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной 1 апреля 1996 г. указом Б. Н. Ельцина. В ней обозначено, что учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу выступает теоретической основой отечественной стратегии устойчивого развития: «Движение человечества к устойчивому развитию в конечном счете приведет к формированию предсказанной В. И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут ценности и знания Человека, живущего в гармонии с окружающей средой» [7, с. 6—7].

Концептуально идея ноосферного глобального сознания развивается в течение последних 20 лет. Причем речь идет не только о российских специалистах (см., напр.: [16, 30]). Весьма показательно, что в этом русле работает американский мыслитель Л. Ларуш, который не только показал эгоистический характер политики США по отношению к остальному миру, но и внес свой вклад в понимание экономики ноосферы [31]. Один из отечественных вариантов ноосферного глобального сознания задает концепция ноосферизма А. И. Субетто (см., напр.: [26]). Вместе с тем гораздо более адекватной формой репрезентации ноосферного глобального сознания являются исследования А. Д. Урсула, в которых концепция устойчивого развития рассматривается в русле универсального эволюционизма (см., напр.: [28]), истоки которого обнаруживают себя в творчестве Н. Н. Моисеева [14, 15]. Глобальный рационализм Н. Н. Моисеева может рассматриваться как самая приемлемая форма глобального ноосферного сознания в российской ноосферологии [24]. Убедительным свидетельством такого истолкования глобального сознания являются работы Б. Е. Большакова и О. Л. Кузнецова, которые раскрыли творческий потенциал учения В. И. Вернадского применительно к проблематике устойчивого развития в контексте системы «Природа — Общество — Человек» [12]. В этом же направлении работают ученые Крымского федерального университета, в течение нескольких десятилетий исследующие концепции глобального разума (см., напр.: [13]).

Весьма дискуссионным и внутренне противоречивым в этой связи является вопрос о формировании антиглобалистского сознания как глобального. На первый взгляд кажется, что такая ситуация в рамках формально-логического дискурса принципиально невозможна. Вместе с тем, с точки зрения диалектического подхода, глобальный антиглобализм не только возможен, но и показывает в последнее время беспрецедентные масштабы своего развития (даже в странах самого золотого миллиарда). Если рассматривать антиглобализм в широком смысле как своеобразную «претензию» развивающихся стран на свою долю мирового общественного богатства, то этот антиглобализм очень хорошо вписывается в глобальное сознание золотого миллиарда. Антиглобализм в узком смысле — эгоистический антиглобализм — предстает как нежелание жителей Евросоюза содержать интенсивно поступающих из «стран третьего мира» мигрантов. Если же исходить из того, что антиглобализм понимается в широком смысле как желание шести оставшихся миллиардов населения планеты обеспечить себе достойные условия жизни через освобождение от разнообразных форм эксплуатации со стороны развитых государств (прежде всего, США), то такой антиглобализм (выступающий против сознания золотого миллиарда), без сомнения, может рассматриваться как проявление глобального сознания. И в этом смысле такой антиглобализм является своеобразным измерением ноосферного глобального сознания.

В 2017 г. исполняется 45 лет формированию философии устойчивого развития, постепенно «разворачивающейся» на мировых экологических саммитах 1972, 1992, 2002, 2012, 2015 гг., каждый из которых — своеобразный этап развития не только концепции устойчивого развития, но и глобального сознания. В этой интеллектуальной динамике отчетливо выделяются три модели (шире — этапы) становления глобального сознания: *глобальное сознание золотого миллиарда, антиглобалистское сознание, ноосферное глобальное сознание*. Сущность ноосферного глобального сознания на концептуальном уровне может быть выражена идеей В. И. Вернадского о том, что «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [2, с. 302]. Российская концепция устойчивого развития, апробированная на Всемирном саммите по устойчивому развитию 2002 г. в Йоханнесбурге, близка именно третьей модели формирования глобального сознания. На наш взгляд, ноосферное глобальное сознание вступает в противоречие с глобальным сознанием золотого миллиарда. Этот конфликт порожден во многом тем, что идея помощи развивающимся странам со стороны развитых стран, активно обсуждавшаяся на саммитах 2002 и 2012 гг., оказалась нереализованной. Более того, острое нежелание «стран севера» помогать «странам юга» привело к тому, что в конечном итоге Европа оказалась в глубоком комплексном кризисе, а издержки Евросоюза, связанные с миграционными волнами последних лет, оказались несоизмеримо большими, нежели просчитанные траты на планомерную реализацию стратегии устойчивого развития. Именно по этой причине антиглобалистское сознание, охватившее значительную часть населения мира (включая и США), является реакцией на нежелание реализовывать философию устойчивого развития, понимаемую в планетарном контексте.

Дискуссионный характер предлагаемых выводов очевиден. До поры до времени дистанцированность двух моделей глобального сознания не была столь очевидна. Однако геополитические реалии последних нескольких лет показали, что войны глобальных разумов предстают как реальность. Парадигма ноомахии применительно к современному глобальному сознанию

наиболее точно отражает происходящее в настоящее время [5]. Эта, в том числе и информационная, война предстает как борьба между различными моделями глобального сознания за право говорить от имени всех жителей планеты. Заметим здесь, что имеет место неравносность этих глобальных сознаниевых конструкций: сила глобального сознания золотого миллиарда сейчас очень велика. Вместе с тем вспомним: еще только началась Великая Отечественная война, но умудренный трагическим опытом XX в. В. И. Вернадский в своем дневнике записал о том, что гитлеровское нашествие обречено на поражение, ибо противоречит естественному геологическому процессу — становлению ноосферы...

Современная ноосферная история [3] как форма подстраивания материи под формы духа имеет своим концептом глобальное сознание. При этом ее синергия зависит и от того, какое человеческое качество это сознание рождает. Глобальное сознание золотого миллиарда семиотически слепо к ноосферной реальности. Его кризисная природа, получающая в научном дискурсе и иные рядоположенные эпитеты — катастрофическое, апокалипсическое, убедительно раскрывается в рамках социо-гуманитарного осмысления феномена сознания (см., напр.: [6]). Мозаичность и разорванность как сущностные характеристики такой модели глобального сознания свидетельствуют о том, что «идет интенсивная борьба между настоящим прошлого и настоящим будущего» [19, с. 57]. Вместе с тем «это сопровождается интенсивными поисками целостности» [там же], которые в основе своей имеют фундаментальные когнитивные ориентации человеческого сознания как такового, претендуют на статус «сознаниевой революции», которая как раз и связана с формированием ноосферного глобального сознания.

Будущее ноосферной истории связано с тем, что глобальное сознание человека предстает формой опережающего отражения, оно лишь в некоторой своей части занято бытием online, непосредственной современностью, но именно ноосферная история «тащит» за собой повседневную историю [3, с. 241]. Так формируется постнеклассическое понимание истории — «истории наоборот» — истории, которая управляется сознанием из будущего.

Библиографический список

1. Вернадский В. И. Разгром // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 179—182.
2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1987. 339 с.
3. Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история: коллективная монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 260 с.
4. Гуляк И. И. Философия информационной цивилизации и глобальная концепция устойчивого развития // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 12. С. 93—96.
5. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академический проект, 2014. 530 с.
6. Кодина И. Н. Категория кризисного сознания: теоретические представления и практики измерения // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 3. С. 52—58.
7. Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. URL: http://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/4_2_1.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

8. Кочергин А. Н. Глобальная экологическая безопасность: устойчивое развитие или козволюция? // Вестник Московского университета. Сер. 27 : Глобалистика и геополитика. 2016. № 1. С. 44—55.
9. Крутаков Л. Капитальный ремонт // Коммерсантъ Власть. 2015. 2 марта. С. 34—38.
10. Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е. Ноосферные законы и модель глобального устойчивого развития реализация ноосферного научно-технического комплекса в управлении устойчивым развитием // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1. С. 90—97.
11. Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е. Русский космизм, глобальный кризис, устойчивое развитие // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 1. С. 3—21.
12. Кузнецов О. Л., Кузнецов П. Г., Большаков Б. Е. Система «Природа — Общество — Человек»: устойчивое развитие. М. ; Дубна : Ноосфера : Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2002. 392 с.
13. Лазарев Ф. В. Ноосфера как планетарная реальность и как глобальный проект современного цивилизационного развития // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. 2008. № 7. С. 288—294.
14. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М. : МГВП «КОКС», 1995. 376 с.
15. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.
16. Морен Э. Метод. Природа природы. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
17. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М. : Претекст, 2012. 352 с.
18. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ad Marginem, 2016. 592 с.
19. Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64.
20. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
21. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 515 с.
22. Смирнов Г. С. Российское глобальное сознание глазами Н. Н. Моисеева: евразийское измерение // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2016. Т. 6. С. 211—217.
23. Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1 (3). С. 78—93.
24. Смирнов Д. Г. Глобальный рационализм Н. Н. Моисеева // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2016. Т. 6. С. 218—225.
25. Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
26. Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма. СПб. : Астерион, 2011. 107 с.
27. Урсул А. Д. Национальная идея и глобальные процессы: безопасность, устойчивое развитие, ноосферогенез // Вопросы безопасности. 2013. № 2. С. 1—66.
28. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальные исследования и становление ноосферы через устойчивое развитие // Политика и общество. 2012. № 4. С. 114—125.
29. Чумаков А. Н. Глобальное сознание // Глобалистика : Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. ; СПб. : Питер ; Нью-Йорк : ЕЛИМА, 2006. С. 239—240.
30. Arguelles J. Time and the technosphere: the law of time in human affairs. Rochester ; Vermont : Bear & Company, 2002. 259 p.
31. LaRouche L. H. Economics of the Noosphere: Why Lyndon LaRouche is the world successful economic forecaster of the past four decades. Washington (DC) : EIR New Service Inc., 2001. 327 p.

*М. М. Соколов***ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ:
ГЛОБАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ КАК КАРТИНА МИРА**

Анализируются с философских позиций проблемы современных моделей глобализации. Фиксируются различные тренды глобализационных процессов, рассматриваются их сильные и слабые стороны. Глобальное сознание анализируется через призму концепции глокализации Р. Робертсона. Делается вывод о возрастании роли планетарной диалогизации как фактора становления всемирного общества.

Ключевые слова: глобальное сознание, глокализация, ноосфера, глобальное, локальное, региональное, партикулярное, глобальное пространство, межкультурный диалог.

The article deals with the problem of the modern models of globalization from the philosophical standpoint. The various trends of globalization processes are recorded, their strengths and weaknesses are examined. Global consciousness is analyzed through the prism of the concept of glocalization. The conclusion about the increasing role of planetary dialogization as a factor in the formation of a world society is made.

Key words: global consciousness, glocalization, noosphere, global, local, regional, particular, global space, intercultural dialogue.

Неотъемлемым свойством общепланетарной системы развития стран, народов и культур рубежа XX—XXI вв. является глобализация, создающая предпосылки для появления новых форм, моделей и методов взаимодействия между различными субъектами. На современном постнеклассическом этапе развития познания она рассматривается как «мегатенденция к объединению человечества, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций (т. е. культурно и политически связанных) ценностей» [4, с. 6].

Глобализационные процессы характеризуются не только общепланетарностью, оказывая влияние на все сферы социально-экономического и политического развития, но и изменением глобального сознания, эндосубъективного восприятия характера протекающих событий общепланетарного и регионального формата. Современное глобальное сознание отличается техногенностью, вариативностью моделей экономического и политического развития. Модернизация стран, народов и культур на постнеклассическом этапе осуществляется двумя путями, а именно посредством автохтонного развития на собственной основе и превращения в техногенные общества «путем модернизации при сохранении некоторых архетипов традиционалистских культур» [8, с. 15].

Глобальное сознание на современном этапе воспринимается в качестве мировоззренческой основы становления и развития всемирного общества, фундаментальные принципы и идеалы которого построены на придании международным отношениям ценностной и смысловой нагрузки, выражающей

идеи толерантности, межкультурного диалога, вертикального формата организации межнационального сотрудничества, ответственности за сохранение антиконфронтационного состояния в международной политике, а также коллективного воздействия на государства, использующие милитаристские подходы к разрешению межнациональных проблем.

В системе анализа вопросов становления глобального сознания на первый план выходит понятие ноосферы, концепция которой закрепляет особое место человека в орбите глобального универсума [10]. С позиции В. И. Вернадского, ноосфера выступает в качестве высшей эволюционной планки биосферы, основу которой составляют общественное развитие, способность социума оказывать влияние на природные процессы. Именно в этих условиях биосфера «перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние — в ноосферу, перерабатывается научной мыслью социального человека» [2, с. 27]. Ноосферная концептуальная трактовка исходит из идеи взаимной ответственности за будущее планеты всех участников межнациональных и региональных отношений [9].

Моделирование наиболее оптимальной формы развития в условиях глобализации основывается на моноцентрическом и полицентрическом сценарии общепланетарного развития. Первый подход имеет ноосферно-концептуальную акцентуацию, поскольку ставит во главу угла системную связь стран, идею сохранения их государственного суверенитета, а также «выработку соглашений относительно тех или иных коррективов международного права» [8, с. 13]. Правовое и дипломатическое поле для этих государств является неотъемлемой практической основой достижения консенсуса. На первый план в указанном случае выходит состояние ноосферной правовой разумности [1], предполагающей общепланетарное восприятие важности соблюдения международных конвенций и фундаментальных основ естественного права.

Второй подход имеет наднациональный формат, поскольку предполагает «распространение на все регионы планеты сложившихся правовых норм лидера глобализации» [8, с. 13]. Данная модель отрицает конвенционно-ориентированные отношения, базисные ценности культурного и политического диалога.

Глобализация на современном этапе развития социокультурных и политических отношений рассматривается мировым сообществом в качестве внешнего и внутреннего социального пространства «совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы (роды, племена, этносы, нации) государства и цивилизации индивидов» [5, с. 91]. Анализируемые процессы подлежат оценке и моделированию с позиции не только трансграничности ценностных ориентиров, но и множественности национальных воззрений на предмет организации мироустройства, развития международных отношений как необходимой основы сохранения исторически сформированных социокультурных традиций.

В этой связи на первый план выходит проблема создания и реализации оптимальной модели межкультурного диалога, образования межгосударственных институциональных форм взаимодействия государств, обеспечивающих горизонтальный формат общения различных культур и политических общностей на общепланетарном уровне. Многообразие форм социокультурного и политического взаимодействия характеризует современные глобализационные тенденции с точки зрения стремления к «организации общего

пространства совместной жизни народов и государств на основе разных политических и цивилизационно-культурных моделей развития» [там же, с. 156]. Модели, предлагаемые членами мирового общества, отличаются автономностью и уникальностью, что обуславливается их стремлением участвовать в международных отношениях на равных началах с иными нациями и культурами.

Современные глобализационные процессы характеризуются диалогическими и интеграционными особенностями международного развития, а также многообразием форм реализации национальных интересов, трансформации существующих концепций организации мироустройства. Состояние социокультурной и политической многофакторности обусловлено столкновением национальных интересов на международной арене, а также выработкой «альтернативных национальных моделей (стратегий) глобализации, сопровождающейся процессами межцивилизационного синтеза на основе нового гуманизма и глобальной этики» [там же]. Появление множества моделей придает международным отношениям состояние нелинейности, возможности использовать различные концепции на основе выработки наиболее оптимальных моделей мироустройства, учитывающих на толерантных и компромиссных началах позиции различных представителей мирового сообщества.

В анализе глобальной картины мира на первый план выходит проблема сохранения национального единства при многообразии ценностей и стратегий общепланетарного развития. Проблема единства и многообразия мира раскрывается в симбиозе указанных категорий, развиваясь как многообразие в единстве и единство в многообразии. Разнообразные культуры, экономические и социальные системы, а также суверенные административные территории «могут существовать только при условии существования определенного единства» [6, с. 6]. Унифицированные тенденции социально-экономического и культурного развития юридически закрепляются на национальном и общемировом масштабе. На уровне национальных государств единичные аспекты конкретизируются локальным конституционным законодательством, в масштабе межнациональных коммуникаций ограничительные категории проявляются в виде коллективных межсубъектных интеграционных экономических соглашений, а также «Всемирной декларации прав человека и системы международного права» [там же].

Развитие единства в многообразии оценивается с позиции процесса адаптации локальных суверенных единиц в глобальном межотраслевом измерении. С одной стороны, проблема единства в многообразии ставится с позиции особой роли гомогенных национальных государств, имеющих самостоятельные доктринальные концепции экономико-культурного и политического развития. В пределах суверенной территории гомогенного государства обладание культурной властью «подразумевается так же, как обладание властью военно-политической и экономической» [7, с. 93]. Обозначенный фактор свидетельствует об автохтонных тенденциях национально-гомогенного развития, сочетающего унификационные аспекты многоотраслевого эволюционирования с минимальными рецепциями внешних экономико-культурных категорий. С другой стороны, существование единства в многообразии раскрывается в контексте установки локальных структур на необходимость расширения способов интеграции в глобальные экономико-политические коммуникационные сферы, а также на «важность выхода за рамки собственной культурной ограниченности и вместе с тем признание равного участия партнеров в диалоге» [6, с. 6].

Постнеклассическая система моделирования единства и многообразия мира выстраивается в рамках концепции многовекторности и многофакторности цивилизационного развития. Указанный метод построения моделей позволяет многообразно анализировать различные аспекты исторического развития, а также осмыслять «сложные межцивилизационные отношения, учесть прошлый опыт и разумно оценить каждую сложившуюся ситуацию» [там же, с. 21]. Система многовекторного моделирования создает условия для рационального конструирования национальных стратегических моделей, определяющих экономические и культурно-политические векторы государственного развития. Современное многовекторное моделирование конкретизирует основные направления внешней политики, особенности локального экономико-культурного интегрирования в общепланетарные структуры и процессы.

Проблема взаимодополнения глобальных и региональных аспектов в развитии современного мира нашла свое отражение в теории глокализации, исследующей процессы эволюции экономических, политических и культурных процессов, протекающих на глобальном и локальном уровнях. Основы данной теории были заложены в 80-е гг. XX в. английским социологом Р. Робертсоном, утверждавшим, что «отношения между универсальным и партикулярным являются центральными в сфере анализа глобализации и ее различных направлений» [11, с. 174].

Акцентируя внимание на этимологии понятия «глокализация», Робертсон указывал, что данный термин происходит от японской дефиниции «dochakuka» [там же, с. 173], имеющей значение «делать что-либо потуземному». Современное понимание термина глокализация, по утверждению Робертсона, имеет наиболее точное значение — «глобальная локальность» [там же, с. 173]. Глокализация как модель межнационального взаимодействия отражает невозможность автономного развития регионов, многоотраслевого экономического, политического и социокультурного развития суверенных локальных территорий без их интеграции во всемирное общество, общепланетарную систему информационного и рыночного кооперирования.

Теория глокализации раскрывает особый характер международной рыночной системы, оказывающей влияние на различные процессы взаимодействия развивающихся в рамках тенденции гомогенизации и культурного многообразия. Подчеркивая значительную роль системы движения мирового капитала, Робертсон указывает на изменение направления рыночной активности от глобальных сфер к региональным, так как в современных глобализационных условиях «производство, основанное на международном разделении труда, а также культурное многообразие являются неотъемлемой составляющей современного капитализма, стремящегося к интеграции в микронациональные экономические сферы» [там же, с. 173]. Тем не менее построение каких-либо моделей в системе глобализационного осмысления экономических и транскультурных отношений должно включать в себя соблюдение международных прав интегрируемых территорий, «сохранение многообразия культурных традиций и ценностей, а также разработку моделей, направленных на защиту всемирного общества от геосоциальных неподвижных ситуаций» [там же].

Глобализационные процессы взаимодействия стран, народов и культур моделируются в концепции Р. Робертсона в соответствии с двумя возможными направлениями развития регионов, особенностей их экономического и политического становления на международной арене. В первом случае локальные суверенные территории интегрируются в глобальное мировое

сообщество при экономической и политической поддержке остальных регионов, имеющих идентичные модели организации мироустройства. Данный способ вовлечения регионов в глобальные сферы предполагает их стремление не только к сохранению своей идентичности, но и к «созданию социальных, экономических административных структур международного плана, способствующих развитию прозрачных транснациональных отношений» [там же, с. 174]. Второй вариант развития регионов оценивается теорией Робертсона с императивной точки зрения, так как интеграция регионов, культур, субкультурных образований осуществляется под воздействием стран вестернизационного спектра, которые оказывают давление на процессы межкультурного диалога. Интеграционный подход, основанный на давлении извне, предполагает «стрессовые политические ситуации, доминирование декларативных моделей организации мироустройства и, как следствие, сопротивление негативным тенденциям глобализации» [там же, с. 173].

Концепция глокализации на современном этапе отображает иной характер самобытности как формы локализации культур, политических и социальных ценностей, интегрируемых в мировое сообщество в качестве фундаментальных характеристик целостности национального суверенитета, способности к адаптации в глобальное трансграничное пространство. Толерантное восприятие культурной самобытности обуславливается возвышением глобализационного релятивизма, отражающего относительность существующих универсальных ценностей, а также субъективистские тенденции, лежащие в основе создания многоотраслевых моделей локального типа.

Глобализационно-релятивистский подход к обоснованию многообразия политико-культурных процессов включает в себя международное признание, институциональную поддержку локальных дискурсов на предмет сохранения и развития исторически сформированной социокультурной уникальности, а также признания множественности регионалистских ориентаций как необходимого условия сохранения толерантности и целостности национального суверенитета, гармонизации транстерриториальных социально-экономических отношений» [там же, с. 174].

Глокализационное понимание мира включает в себя трансформацию эндосубъективного мышления относительно характера существующих проблем и поиска путей их решения, создания гармоничного общества, а также оптимальной формы мироустройства, позволяющей членам мирового сообщества акцентировать внимание на развитие локальных территорий, их взаимной координации, постоянном расширении экономического сотрудничества, рассмотрении данной формы общения в качестве основного эволюционного фактора взаимодействия субъектов, вовлеченных в глобализационные процессы. При этом глокализационный подход к построению трансграничной модели коммуникативного взаимодействия ставит во главу угла установку «думать глобально, а действовать локально», что означает невозможность осуществления глобальных стратегий без их привязки к локальным ценностям и традициям, а также поступательных и рациональных критериев осуществления международной политики. При этом Робертсон подчеркивает, что исключение из глобального сознания локальных контуров мироустройства «влечет за собой наступление трансграничных конфликтов, являющихся следствием политики отрицания межкультурного диалога, политики гармонизации локальных культур, общепланетарных социальных и политических ценностей» [там же, с. 175].

Возрастание роли регионов как один из центральных вопросов концепции глокализации сопряжено с появлением мировых пространств, стремящихся к культурной гомогенизации, предполагающей установление барьеров для вовлечения общепланетарных ценностей в исторически сформированный пласт национальных традиций. Локальные суверенные территории осуществляют политику сохранения субрегиональной полиэтничности, рассматриваемой в качестве модели защиты национальной целостности и культурного многообразия, а также осуществления политики мультикультурализма как «государственной политики, направленной на консолидацию различных культур в едином локальном пространственном континууме» [там же].

Поиск соотношения универсального и партикулярного рассматривает данный симбиоз в качестве основы построения идеальной модели организации мироустройства, сочетающей фундаментализацию сложившихся локальных ценностей и стереотипов с всеобщими идеями, определяющими социокультурные политические и экономические ориентиры, которые ставятся на первый план членами мирового сообщества. Поэтому сочетание идей универсального и партикулярного порождает возникновение глобальной основы, диалектическая составляющая которой указывает на смысловые критерии взаимоперехода, взаимодополнения социокультурных и политических ценностей, а также конкретизацию соответствующего выбора, «объясняющего доминирующие или адаптивные подходы к участию в международных отношениях» [там же, с. 176]. Партикулярная составляющая глобализационных процессов конкретизируется концепцией Р. Робертсона с позиции доминирующей роли ментальных воззрений социальных групп, суверенных общностей, субъективная позиция которых основывается на сохранении исторических ценностей, а также суверенной культурной автономии, «позволяющей региону на самостоятельных началах осуществлять внешнюю политику культурного диалога» [там же, с. 176].

Универсальные ценности анализируются Р. Робертсоном с позиции сложившихся глобализационных стандартов, с одной стороны декларируемых странами вестернизационного формата, с другой — социальными, экономическими, политическими и культурными стереотипами, сложившимися в результате межнационального диалога, а также обычаев дипломатического сотрудничества, обусловленных многообразием подходов к организации мироустройства. Универсальная модель развития мира и организации международных отношений несет в себе и негативный смысл, выраженный в гомогенных стереотипах предлагаемых вестернизационными государствами, «отрицающими модели многофакторного плана, ставя акцент на глобальной однородности и одинаковости человечества» [там же, с. 177].

Концепция глокализации указывает на становление мира как уникальной сферы диалогического взаимодействия различных государств, локальных культур и этнических общностей, предлагающих мировому сообществу автономные модели национального развития как основу для многообразия политико-культурных взглядов, гармонизации форм межтерриториального сотрудничества. Коммуникативная культурно-диалогическая система выстраивается Р. Робертсоном многогранно, исходя из характера взаимообусловленных межнациональных отношений, которые развиваются при доминирующем влиянии национальных институтов, «международных социально-экономических союзов и объединений, локальных субкультур, а также индивидуальных субъективных воззрений, выступающих системообразующими

элементами современных глобализационных отношений» [там же]. Предлагаемая государством культура гармонии и диалога создает условия для формирования глобального пространства, универсальная орбита которого все-сторонне обосновывает фундаментальный характер локальных ценностей, их историческую сущность и современное многообразие.

Системообразующим элементом современных процессов глокализации является становление всемирного общества, которое на современном этапе эволюционного развития рассматривается исходя из предметного содержания множества моделей, предлагающих самостоятельные подходы к пониманию анализируемой проблемы. Всемирное общество формируется политически и экономически в качестве самоорганизующейся системы, каждый элемент которой находится во взаимосвязи и взаимодействии. Глобализационные процессы современного этапа характеризуются появлением и распространением этнонациональных тенденций экономического, политического и культурного типа, «препятствующих осуществлению современной неолиберальной версии евро-атлантической глобализации» [5, с. 156]. Страны, народы и культуры, вовлеченные в процессы глобализации, стремясь сохранить свою национальную идентичность, вырабатывают аутентичные модели национального типа, позволяющие им участвовать в международных отношениях без нарушения исторически сложившихся культурных ценностей.

Стремление локальных политических и культурных субъектов сохранить аутентичные позиции в глобальном мироустройстве обуславливается также их желанием установить коммуникативный диалог с остальными государствами и народами. Реализация такой модели межнационального взаимодействия сопровождается «процессами межцивилизационного синтеза на основе нового гуманизма и глобальной этики» [там же]. Современный подход к анализу и моделированию международных отношений определяет этические аспекты сотрудничества различных государств как доминирующие и наиболее продуктивные, поскольку в их орбиту вкладывается идея совещательной демократии как неотъемлемая составляющая толерантных начал взаимодействия между рынками и культурами.

Всемирное общество моделируется комплексно, через создание оптимальной системы взаимодействия культур: сохранение их диалога с интеграцией во всемирное пространство осуществляется в рамках отношений между «*локальной вовлеченностью* (обстоятельствами соприсутствия) и *взаимодействием на расстоянии* (связям присутствия и отсутствия)» [3, с. 188]. Современные интегративно-коммуникативные процессы, происходящие на глобальном межрегиональном уровне, характеризуются как нелинейные и динамичные, сопровождающиеся практической реализацией экономико-политических методов взаимного межправительственного сотрудничества.

Становление и развитие всемирного общества осуществляется в рамках процессов взаимной зависимости суверенных локальных территорий от различных политических и экономических ситуаций, оказывающих воздействие на специфику участия регионов в межтерриториальных коммуникациях. В условиях повышения социокультурной и политической активности отдельных регионов формируется новый тип отношений, которые «связывают отдаленные местности таким образом, что местные события формируются явлениями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [там же].

Всемирное общество в его толерантном, многоаспектном понимании рассматривается также с точки зрения непрерывности трансформационных

процессов, являющихся следствием тенденции. Выступая составной частью глобализации, локализационные процессы трансформации ставят во главу угла «горизонтальное расширение социальных связей во времени и пространстве» [там же, с. 189]. Возвышение роли регионов в процессе становления многополярного мира основывается не только на выработке рациональных концепций внутригосударственного развития, но и на рецепции политико-культурных ценностей, предлагаемых другими странами и народами.

Таким образом, проблема сохранения национального единства в многообразии социальных, политических и культурных ценностей является одной из центральных в анализе современной глобализационной картины мира. Проблема единства и многообразия мира на современном глобализационном этапе анализируется с позиции возвышения роли межнационального диалога как необходимой формы коммуникативного взаимодействия стран, народов и культур. Состояние планетарной диалогизации создает условие для становления всемирного общества, отрицающего политическое, экономическое и культурное давление как средство организации современного мироустройства. Современные подходы к пониманию проблемы культурного и политического многообразия находят свое концептуальное отражение в теории глокализации, раскрывающей неразрывную связь глобального и локального, особенности адаптации регионов, этических и субкультурных общностей в глобальной трансграничной орбите.

Библиографический список

1. *Бородин Е. А.* Ноосферное право: философская репрезентация правового глобального сознания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 245—248.
2. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.
3. *Гидденс Э.* Последствия современности. М. : Праксис, 2011. 352 с.
4. *Гранин Ю. Д.* «Глобализация» или «вестернизация» // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 3—15.
5. *Гранин Ю. Д.* Глобализация, нации и национализм. История и современность. М. : Медиаиндустрия, 2013. 315 с.
6. Единство мира и многообразие культур : (материалы круглого стола украинских и российских философов) // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 3—32.
7. *Малахов В. С.* Национальное государство, национальная культура и культурный суверенитет // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 87—94.
8. Право и национальные традиции : (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 5—41.
9. *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
10. *Смирнов Г. С.* Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. № 1. С. 78—93.
11. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. California : Sage Publications, 1992. 211 p.

ЮЛИУС ЭВОЛА КАК БУДДОЛОГ: ФЕНОМЕН «ИНДОАРИЙСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА» В КОНСЕРВАТИВНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Рассматривается малоизученный аспект творчества итальянского аристократа, философа, политического деятеля барона Юлиуса Эвола. В середине XX в. этот неординарный мыслитель выступил в особом интеллектуальном качестве — как востоковед, буддолог, исследователь и в определенной степени приверженец парадигмы аскетической духовности, проистекающей из буддийского «учения о пробуждении». Предпринята попытка оценить вклад Ю. Эвола в изучение «индоарийского традиционализма», выявить его сущность, идейную морфологию. С этой целью в статье анализируется предложенная итальянским философом интерпретация буддийских текстов и содержащаяся в них идейно-мировоззренческая стратегия, значимость которой оценивается с позиций правоконсервативной философско-политической мысли.

Ключевые слова: Юлиус Эвола, «индоарийский традиционализм», восточная метафизика, буддизм, аскеза, консерватизм, «арийская духовность».

The present work is devoted to the understudied aspect of creativity of the Italian aristocrat, philosopher, politician, baron Julius Evola. In the middle of the twentieth century, this non-ordinary thinker acted in a special intellectual capacity — as an orientalist, a buddhologist, a researcher and, to a certain extent, a follower of the paradigm of ascetic spirituality, stemming from the buddhist «doctrine of awakening». The author attempted to assess the contribution of J. Evola to the study of «Indo-Aryan traditionalism», to reveal its essence, ideological morphology. To this end, the article analyzes the interpretation of Buddhist texts offered by the Italian philosopher and the ideological strategy contained in them, the significance of which is assessed from the perspective of right-conservative philosophical and political thought.

Key words: Julius Evola, «Indo-Aryan traditionalism», Eastern metaphysics, Buddhism, austerity, conservatism, «Aryan spirituality».

Цивилизация Востока всегда представляла собой настоящую сокровищницу мудрости и стала колыбелью для вызревания уникального экзистенциально-онтологического измерения, интеллектуальной, аксиологической парадигмы — религиозно-философской традиции, представленной многочисленными учениями, среди которых особое место занимает *буддизм* (здесь и далее курсив наш. — К. Ю.). Изучение буддизма, особенностей его генезиса и доктринальной трансформации имеет давние историко-философские традиции, составляя особую сферу и даже отрасль знаний как в отечественном, так и зарубежном востоковедении [1, 4, 5, 6].

Несмотря на обширный, сложившийся еще в довоенное время корпус исследований востоковедческой тематики, значительным событием для научного сообщества, мировой буддологии стал выход в середине XX столетия, в 1943 г., книги известного правоконсервативного философа-традиционалиста, политика, эзотерика, итальянского аристократа барона Юлиуса (Джулио Андреа Чезаре) Эвола «Доктрина Пробуждения».

Написанная на закате фашистского и национал-социалистического режимов в Италии и Германии, тесные контакты с идеологиями которых и их адептами поддерживал Эвола [14], она является логическим продолжением всей внушительной творческой лаборатории мыслителя, до конца жизни остававшегося верным парадигме *интегрального традиционализма*, следовавшего по «третьему пути» *правоконсервативной экзистенции*. С интеллектуальных, гносеологических высот этой идейной «платформы», специфика которой неоднократно обсуждалась в литературе разного проблемно-тематического спектра [2, 3, 8], в том числе и в некоторых наших ранее опубликованных работах [12, 13, 14, 15], Эвола оценивает и *феномен восточной религиозно-философской традиции*, подвергающейся свойственной стилю и этосу мыслителя радикальной концептуализации, свободной от всей «профанической», историцистическо-социологической, позитивистской дискурсивности.

Уже в самом начале своего исследования барон стремится обозначить узловые моменты, опорные точки осмысления буддизма, а также причины и обстоятельства, позволяющие рассматривать этот пласт наследия Востока как нечто уникальное и исключительное. Прежде чем приступить к непосредственному освоению «доктрины пробуждения», буддийской аскезы, как считает Эвола, необходимо решительным образом дистанцироваться от всяческого рода эквивокаций, смещений смыслов и значений, а также расстаться с предубеждениями, заключающимися в редуccionистском восприятии буддизма как якобы чисто локального, узко ограниченного в территориальных и этнонациональных рамках явления, отражающего специфику азиатского, «экзотического» [11, с. 24] мышления.

Согласно Эволе буддизм уникален не хтонически-теллурически, а метафизически, поскольку выступает неким мостом, связующим началом, открывающим путь к интеграции, культурно-историческому синтезу Востока и Запада, объединенных общностью высшего порядка, проистекающего из сопричастия *«арийской духовности»*, понятие которой не имеет ничего общего ни с обывательским спиритуализмом, мистицизмом, ни тем более с натуралистическим национализмом и абсурдными теориями «расового превосходства» и «чистоты крови». «Надо упомянуть о том, — пишет Эвола, — что исконное единство крови и духа, свойственное тем белым расам, которые создали величайшие культуры Востока и Запада (иранскую, индоарийскую и не в меньшей степени — эллинскую, древнеримскую и германскую) — самая настоящая реальность». И далее: «у буддизма есть полное право связывать себя с *арийским началом*, потому что в нем ярко выражается этот дух общих истоков...» [там же].

Таким образом, приобщение к «учению о пробуждении», которое «является реальным содержанием того, что обычно называют буддизмом» [там же, с. 10], рассматривается Эволой как возрождение *интегральной традиции*, основанной на *«арийской духовности»*, представляющей собой интеллектуальную эволюцию, направленную на обретение «состояния просветленности» — особого отношения к эмпирической реальности, подчиненного *аскетическому мирозерцанию*, покою и уравниваемости, что выступает признаком подлинного аристократизма и духовной элитарности, достижение которых доступно лишь «благородным натурам» и «благородным сынам» [там же, с. 125], чья трансцендентальная наследственность позволяет правильно отозваться на экзистенциально-онтологический «призыв» и обрести свою самость в новом качестве. Ведущим конструктом, краеугольным

камнем, используемым при построении и определении маршрута духовного совершенствования, выступает понятие *аскезы*.

Главный субстрат аскезы определяется в ходе применения метода «синхронной антидискурсивности». Как справедливо отмечает Эвола, буддийская аскеза должна быть очищена от всяческих коннотаций, искажений и эквивокаций, основанных на неправомерном ее отождествлении с практиками насильственного умерщвления плоти, почти мазохистского самоистязания и самоуничтожения, формирования ложно положительного христианизированного образа юродивого, презентующего свою бедность, нищету, убогость и увечность в качестве критериев добродетельности. В силу этого под аскезой понимается многоуровневое и предусматривающее иерархическую пирамидальную аналогию духовное преображение, ориентированное на «устремленность “ввысь”» [11, с. 14] и связанное с обретением знания о подлинной сути мироздания, представляющего собой сплошной поток *сансарического становления*.

Буддизм рассматривается Эволой как система, все психотехники, интеллектуальные практики которой выступают наиболее подходящими идейными ориентациями, аккумулирующими практический опыт в такой степени интенсивности трансляции и передачи *знания*, что это подходит и соответствует уровню восприятия, присутствующего у экзистенциального типа современного человека, сформировавшегося уже в эпоху упадка в общем инволюционном цикле, продвижении от «золотого века» Гесиода — к железному, «темному времени» Кали-юги.

Особенностью буддизма, как полагает Эвола, является то, что он не заигрывает с «несведущими» и «непосвященными»; буддизм возвышается над традиционными учениями Вед и Упанишад, брахманизмом не только тем, что, не претендуя на универсальность, интегрирует в себя «дух кшатриев», олицетворяя готовность к решительной борьбе, упорному труду за высшую духовность (идея «героической» расы) [там же, с. 61] и ее идеалы, но прежде всего, тем, что в буддизме «нет никаких метафизических лакомств для тех, кто страстно любит интеллектуалистские спекуляции» [там же, с. 64], возникшие в тот исторический период времени (VIII—V вв. до н. э.), когда многие традиционные культуры, учения переживали кризис, выход из которого не всегда заканчивался без неблагоприятных последствий, как правило, сводившихся к двум крайностям: 1) релятивизму, предельно вольным истолкованиям, идейно-доктринальной синкретичности, 2) искусственно возведенным барьерам ортодоксальности и догматической консервации отдельных аспектов, моделей поведения: «прежде всего, это расхожая обрядовость, затем — демон отвлеченного умозрения, в результате которого “тайное учение” (*upanisad, rahasya*) в какой-то мере становится жертвой различных философствований, что приводит к беспорядочному возникновению самых различных теорий, сект и школ, которые живо описываются в буддийских текстах» [там же, с. 45].

Не ставя перед собой задачу разоблачения доктринального «ревизионизма» и всех его разновидностей, выявление которых вряд ли приведет к конструктивным результатам, учитывая практически необозримые по своей глубине исторические корни многих учений, тем не менее Эвола считает возможным указать на то, что общей для всей восточной традиции добуддийского происхождения является тенденция, принявшая характер необратимой закономерности, по категориальному сращиванию, когда ведущие

философемы индуистской доктрины, отражающие космологические и метафизические представления — «Брахман» («космическая сила-субстанция») и «Атман» (над- или сверхиндивидуальное начало, бессмертная сущность-принцип), становятся тождественными друг другу, что приводит к неблагоприятным последствиям, как минимум, двоякого рода.

Во-первых, возникает опасность возникновения пантеистической неопределенности, позволяющей автоматически легализовать все спиритуалистские комбинации.

Во-вторых, указанное «тождество» может выступать идейно-методологическим обоснованием для имеющей практически аналогичный статус (при условии буквального истолкования) мифологии, связанной с натуралистическим учением о реинкарнации, «переселении душ», предусматривавшим сохранение индивидуального начала в различных физических формах — воплощениях телесности. От всего этого «аутентичный», *палийский буддизм*, представляющий собой именно «внутреннюю доктрину», очищенную от ее «народнических» версий, решительным образом дистанцируется как от низшего по иерархии уровня духовности. «“Истина” перевоплощений, — писал по этому поводу Ю. Эвола, — характерна для другого типа культуры, в котором присутствует теллурическое и матриархальное умонастроение. По существу, идея реинкарнации понятна только тому, кто чувствует себя “сыном земли”, кто не знает реальности, выходящей за пределы природного миропорядка, связанного с божествами, символизирующими женское и материнское начало...» [там же, с. 46].

Главным достоинством буддизма, как полагает Эвола, выступает доктринальная «благородная репрезентативность» великой традиции, цельность такого порядка, которая позволяет выделить три обстоятельства, причины, объясняющие верховенство этого учения над всем остальным индуистским наследием. «Первая — это возможность без особых затруднений выявить в буддизме те элементы аскезы, которые представляют собой объективную технику достижения покоя, силы и обособленного превосходства <...>, вторая причина заключается в том, что в буддизме аскеза — это прежде всего, путь духовной реализации, совершенно свободный от всякой “мифологии”, религиозной, богословской или нравственной. Наконец, третья причина в том, что на последнем этапе этого пути человек приобретает поистине метафизическое представление о вселенной, выходит на уровень трансценденции, который оставляет далеко позади обычное теистическое представление» [там же, с. 22].

Безусловно, стержнем, фундаментом и основанием этой выстраиваемой мыслителем идейно-теоретической пирамиды выступает *метатеистичность* буддизма, на которую обращали внимания еще классики отечественного и зарубежного востоковедения. Не менее детально и комплексно раскрывает эту важную составляющую буддийского учения и Ю. Эвола, последовательно продвигаясь от космологических аспектов к непосредственно экзистенциально-онтологическим.

Самый главный и весомый аргумент, на который указывает Эвола, — это происхождение родоначальника, учителя, основоположника буддийской религиозно-философской традиции. Будда Шакьямуни, как справедливо отмечает барон, не является творцом, создателем мира или каким-либо фантастическим, сверхъестественным существом. В древних текстах он фигурирует как человек «прозревший», «учитель «глубинной психологии» [там же, с. 67], достигший особого, ничем не замутненного состояния сознания,

определяемого как *видение*, связанное со способностью «уразуметь и осуществить» [там же, с. 69]; Будда — это «тот, кто излагает истину, увиденную им самим, и указывает путь, который открыл он сам, как тот, кто, добравшись до другого берега, помогает другим перебраться туда же, куда он перешел собственными силами, без помощи учителя...» [там же, с. 34].

Боги и все антропоморфические существа в буддизме, несмотря на наличие определенной иерархии, подобной западноевропейской католической традиции, выполняют инструментально-прикладную функцию, олицетворяя те или иные принципы, смыслы, духовные ориентиры или природные силы; кроме того, сами боги в буддийской мифологии не обладают бессмертием «абсолютного духа», а периоды их «жизни» и активности выступают компонентами «параллельного семиотического пространства», в котором в знаково-символической форме отображается периодизация истории согласно традиционным представлениям, акцентируется внимание на начале и завершении того или иного цивилизационного цикла или стадии.

Так, например, фигура бога Мары, восходящего к древнеиндийскому богу смерти, в буддийской традиции представляется как сила, лежащая в основе «сансарического существования» [там же, с. 117], выступающая источником неудержимости и неукротимости становления, опирающаяся на своих верных помощниц — мифических гинекократок, дочерей Мары — Танхи, Рати и Арати, олицетворяющих самые губительные порывы *воли* — вожделение, любовь и ненависть. Что касается ритуально-культовой стороны дела, то, отмечает Эвола, как для самого Будды, так и его последователей, ни брахманы, ни их деятельность не обладают авторитетом и не могут рассматриваться как пример для подражания за исключением тех случаев, когда брахман является одновременно и подлинным аскетом, а не публичным психотехническим имитатором, передающим «священное знание», как «сундук, переходящий из рук в руки» [там же, с. 55], при этом имея о нем довольно поверхностное представление, что усугубляется растворением в мирской суете.

Важно также подчеркнуть и то обстоятельство, что ни сам Будда, ни «божественный пантеон» не выступают объектами идолопоклонничества и тем более — слепой веры, достойной альтернативой которой выступает иная коннотация, когда вера рассматривается не как самовнушение, обман, погружение в иллюзии насчет обретения эфемерного счастья в инобытии или основанного на «комплексе греха» имманентно-априорной ущербности, не говоря уже о патологическом страхе «гнева божьего» и наказания за проступки, что выступает единственным мотивом для «праведного» образа жизни, в действительности представляющего собой ханжество и лицемерие, настоящий имморализм [17]. В буддизме, по крайней мере, в его очищенной от «народнических искажений» имманентно-доктринальной версии, вера, как и в светском сознании, мышлении воспринимается как *уверенность* в правильности избранного пути, прогностическая надежда на достижение поставленной цели, результата.

Поэтому, как резонно заключает Эвола, с этой идейно-концептуальной позиции *буддизм* — *это не религия*, или, во всяком случае, как пронизательно отмечал Е. А. Торчинов, представляет собой такой социокультурный, интеллектуальный феномен, относящийся к «религии чистого опыта» [6, с. 57], в которой всегда усматривается принципиальная разница между философской мыслью и культово-религиозной, ритуальной-сектанской, институциональной составляющей, что признавали отечественные востоковеды

еще дореволюционной школы. [4, с. 428]. «Здесь надо подчеркнуть, — писал по этому поводу Эвола, — что уже основная идея буддизма — идея “пробуждения” — по своей природе метафизична, а не религиозна [...] Здесь нет речи о “греховном” создании, находящемся перед лицом теистического божества или перед своим Спасителем». И далее: «Это одна из черт, отличающих истинное “арийское” начало, показывающих аристократизм учения, провозглашенного царевичем Сиддхартхой» [11, с. 18].

Неправомерность наделения теистического мышления и его установок статусом высшей формы духовности Эвола подчеркивал и в других своих работах. «Бог-личность теизма, — писал он, — моральный закон с санкциями рая и ада, ограниченная концепция провиденциального порядка и “моральной и рациональной” целесообразности мира, вера, покоящаяся преимущественно на эмоциональной, сентиментальной и подсознательной основе, напротив, скорее, не имеют ничего общего с метафизическим мировоззрением, той концепцией, наличие которой четко засвидетельствовано в мире Традиции» [10, с. 77]. С этим был солидарен и А. Шопенгауэр: «Даже столь фантастическое подчас и причудливое индийское учение о богах, еще и в настоящее время, как и тысячи лет назад, служащее народной религией, представляет собою, если смотреть в корень дела, лишь образно выраженное, т. е. одетое применительно к пониманию народа в образы и, значит, олицетворенное и переведенное на язык мифов, учение Упанишад...». И далее: «Замыслом же Будды Шакьямуни было вынуть ядро из скорлупы, освободить высокое учение от всяких образов и от всего божественного и сделать его содержание доступным и понятным даже народу» [9, т. 5, с. 176; 18, с. 36—37].

Более того, в отличие от всевозможных запретов, деспотических императивов, налагаемых теизмом, подобно оковам, на человека и его разум, буддизм, напротив, подчеркивает величие и достоинство человеческой личности, которая оказывается даже выше любых вымышленных богов, за то, что она обладает возможностью преодоления «состояния неведения» и способностью достичь «абсолютного освобождения» [11, с. 158]: «Если с одной стороны считается, что человеческая жизнь принципиально случайна и непрочно, то с другой стороны именно она воспринимается как некое привилегированное состояние, которого трудно достичь», — отмечает барон [там же].

Буддизм, как следует из логики рассуждений Эволы, дарует человеку, вставшему на путь пробуждения, шанс выйти за пределы всех духовных, спиритуалистических спекуляций, оказавшись *по ту сторону теизма и атеизма*, что становится возможным в ходе упорного интеллектуального самосовершенствования, дисциплины. В силу этого эталоном, идеальным типом, вбирающим в себя перспективы трансформации в «абсолютную личность», в буддийской философии становится фигура воина-аскета, выступающего носителем «кшатрийского духа». Именно на такую поведенческую модель, образ мысли и действия, предполагающие нахождение в буквальном смысле в состоянии «боевой готовности» к соприкосновению, а при необходимости — и решительной схватке, противостоянию с «подрывными силами», должен ориентироваться и *современный человек «особого типа»*, пребывающий в «мире руин» и обладающий должным уровнем силы духа и воли, чтобы осуществлять продвижение по «третьему пути» правоконсервативной экзистенции, суть которого заключается в идейно-интеллектуальной стратегии «дионисийского аполлонизма» и *активного реализма* как ее практического выражения (см. об этом: [13]).

При этом на примере образа, фигуры воина-аскета, кшатрия Ю. Эвола раскрывает еще одну важную особенность, принципиальную идейно-теоретическую модальность буддийского учения, а именно — его *надморальную* природу. Несмотря на внешнюю солидарность с «общепринятыми», успешно адсорбированными в современном социуме как с христианскими, так и древнеримскими этическими канонами, максимами, апеллирующими к обузданию зла и всех порочных помыслов любым способом, в том числе и с помощью благоразумного самообладания, воздержания от деструктивной реактивности, буддизм, призывая «не множить зла, отвечая злом на зло» [11, с. 202], тем не менее, как пишет Эвола, почти категорически «чужд всякой моралистической философии» [там же, с. 196]. И далее: «Тот факт, что истинная духовность не имеет ничего общего с “добром” и “злом” и определяется только в контексте познания, без всяческих оговорок признавался и в предыдущей *индоарийской традиции*» [там же, с. 197].

В этом вовсе не следует усматривать призыв к моральному релятивизму, индивидуалистической вседозволенности, однако вторичность и эпигонско-конформистский характер моральных установок позволяет буддийскому кшатрию преодолевать их не через отрицание, но через устремленное к трансцендентности *видение* справедливости в чистом виде, что служит оправданием борьбы за ее утверждение. И на стороне кшатрия находится *Традиция*, которая «дает прямо-таки метафизическое обоснование героическому поведению, когда — если речь идет о справедливой войне — воин не шадит ни собственной жизни, ни жизни других людей» [там же, с. 203].

В то же время нельзя забывать и о том, что подобное поведение опять-таки Эвола рассматривает исключительно с позиций буддийской аскезы, при которой противостоянию с «темными силами» должно предшествовать четкое осознание воином, кшатрием традиции *«правильного пути»*, сопряженного с идеальным управлением своим духом и телом, ключом к овладению которым выступает психотехника, обозначенная в буддийских текстах словом *аптамата (apramada)*, что в переводе может трактоваться как «бдение», «старание», «размышление», «внимание» [там же, с. 180], а в философском смысле — как состояние строгого сосредоточения, контроля над мыслью, блуждающей у обычных людей, подобно обезьяне, прыгающей с ветки на ветку [там же, с. 177].

И этот контроль над умом, направленностью мышления, не уклоняющегося ни в сторону соблазнов удовольствия, ни в сторону агрессивной злонамеренности (пусть и к деструктивным элементам), позволяющий осуществить верификацию правильности действий, становится фундаментом для успешного соблюдения всех остальных *«восьми арийских добродетелей»* (*«восьмеричный путь ария» / арьяаштангамарга*) [там же, с. 211], составляющих структуру *органичной личности* восточно-традиционного типа, индикатором и критерием зрелости которой становится готовность отрешиться от этого мира, что «предполагается в *наббаджье*, в “уходе”, который надо понимать как в физическом, так и в духовном смысле: отрешение от мира и — прежде всего — от суетных мыслей» [там же, с. 169]. В то же время, как неоднократно подчеркивал Эвола, а также Шопенгауэр, никакая из психотехник не должна носить характер «категорического императива», «преднамеренного самоистязания» [9, т. 2, с. 510], не должна обладать авторитарным характером или носить характер слепого подражания: внутренняя свобода, склонность к одиночеству должны стать естественным настроением, простым и свободным.

И только это может стать подлинной основой для духовного преобразования, особого *видения* реальности в надморальной, метафизической призме, что приобретает следующий вид: «В отношениях с другими людьми надо стремиться к обретению такого сознания, при котором другой человек воспринимается и ощущается почти так же, как ты воспринимаешь самого себя, но не в христианском или отвлеченном гуманистическом смысле, а в соотношении с трансцендентным началом, с высоты которого становится ясно, что “Я” — это только одна из многочисленных форм, при определенных условиях вбирающих в себя сансарическое начало <...>». И далее следует важный вывод, раскрывающий всю суть буддийской этики: «Таким образом, речь идет не о субъективном уважении, которое одна “тварь” оказывает “другой”, — напротив, эта другая “тварь” воспринимается в контексте “сверхтварного” начала, с точки зрения всей “целокупности” сущего...» [11, с. 203]. Иными словами, буддийская этика зиждется на метафизическом равновесии, предполагающем пренебрежение к «профаническим» ценностям, мелочной морали, вернее морализаторству, продиктованному прагматическими соображениями. Речь идет об устремленности к «высшей цели» [там же, с. 204], когда происходит преодоление морали в конкретной точке онтологического пространства, ткань которого претерпевает разрыв, предшествующий выходу на уровень трансценденции.

Поэтому буддизм по своей сути именно что *метатеистичен и надморален*, поскольку «аскетическое делание» позволяет подняться к чистой метафизике, в ту область «запредельного», в которой сливаются бытие и небытие, где различие между «творцом» и «тварью» теряет всякий смысл, ибо и то, и другое принадлежит лишь к *миру явлений*, т. е. профанической, эмпирической реальности, сансарическому потоку становления, представляющему собой чередование форм и имен, т. е. проходящих и индивидуальных воплощений сущности мира, раскрывающейся в так называемых *четырёх благородных*, или, как называет их Эвола, *«арийских истинах»*, выступающих стержнем *доктрины пробуждения*: 1) *Духкха (dukkha)* — «истина страдания») 2) *Самудая (samudaya)* — «истина причины страдания» 3) *ниродха (nirodha)* — «истина пресечения страданий», 4) *магга (magga)* — «путь, ведущий к пресечению страданий» [там же, с. 98; 7, с. 220].

Первые две относятся к «теоретической части», связанной с определением идейно-сущностных основ *знания* буддийской аскезы; вторая группа «истин», соответственно, составляет практические методологические приемы — *действие* как интегральный вектор активности. Ее конечной целью становится достижение состояния «сидерического присутствия», осуществляемого в ходе реализации нескольких *дхьян* — *психотехник по самоуглублению*, под которыми подразумеваются «созерцательные редукции, обеспечивающие выход за пределы традиционного индивида и нейтрализацию “пяти уз”» — *ниваран*: желание (*kamaschanda*); отвращение и гнев (*vyapada*); скучающая лень (*thina-middha*); высокомерие и беспокойство (*uddhassa-kakkussa*); сомневающаяся неуверенность (*vicikicca*) [11, с. 226, 234, 243, 269]. В итоге, пишет Эвола, «аскет выходит за пределы как стоицизма, так и учения о сверхчеловеке, потому что там (в буддийских дхьянах. — К. Ю.) вообще делается упор на устранение сугубо человеческого начала» [там же, с. 242].

Безусловно, овладение *знанием* выступало базой и основополагающим условием первичного и, главное, универсального характера, поэтому далее

мы сосредоточимся именно на этом аспекте буддийской философии в интерпретации барона Ю. Эвола.

Упомянутые выше «*арийские истины*» первого порядка, составляющие суть учения о сансарическом существовании и «обусловленном происхождении» (*пратитья-самутнага*), как справедливо отмечает Эвола, по своей сути формируют каркас не только всей буддийской религиозно-философской системы, но и, так сказать, пускают идейные корни, простираются и в философию Нового и новейшего времени, приобретая оригинальный опыт прочтения в трудах А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, Р. Генона, резонируя в «философии жизни» В. Дильтея, Э. Крика, А. Бергсона и др. Именно в буддийской традиции, наиболее эксплицитно и отчетливо, без «отвлеченных мудрствований» [там же, с. 66], оказалась идеально воспроизведенной *теория несубстанциональности*, сопряженная с рассмотрением внутреннего и внешнего опытов в ракурсе, не выходящем за пределы «феноменального восприятия» [там же, с. 80]. Достоинством буддизма стало то, как следует из анализа, проведенного Эволой, что он, не отказываясь от решения фундаментальных онтологических проблем, сумел противостоять «демонству» спекулятивной диалектики, проникающего везде с его навязчивым гипостазом о фантастическом абсолюте («абсолютном духе») как источнике и первооснове сущего, с воодушевлением подхваченным теологами-креационистами, а за ними — шарлатанами-виталистами, прогрессистами, гуманистами и всеми, лелеющими надежды на «вечную жизнь» и торжество разума.

Вопреки всем этим заблуждениям, буддизм из окружающей реальности выводит объективные законы и закономерности мироздания, представляющего собой поток сансарического становления, совокупность непрерывно сменяющих друг друга «элементов и состояний» [там же, с. 77], представляющих собой уходящие в небытие, превращающие в ничто различные модификации «*имени-и-формы*», никогда не повторяющиеся и не живущие дважды в одном эмпирическом облики. И тем самым буддизм, как резонно замечает Эвола, наносит решающий удар по теории перевоплощений и реинкарнации. Цитируя древнейшие тексты, итальянский мыслитель пишет: «Главный довод сводится к следующему: во-первых, ни о какой конкретной данности сознания нельзя сказать, что она существовала когда-то прежде, во-вторых, “природа сознания обусловлена” — прежде всего обусловлена “именем-и-формой”, и потому невозможно помыслить реальную непрерывность сознания там, где имя и форма меняются; там, где в непрерывном потоке рождаются скандхи, или кхандхи (*khandha*), т. е. различные новые психофизиологические образования [там же, с. 88].

Единственная реальная непрерывность для буддизма — это «причинная связь и безличная наследственность» [там же, с. 90], катализатором, имманентным фактором развертывания которых служат две *сансарические формы*: *дуккха* и *самудая*. *Дуккха* дословно переводится как «боль», однако в буддийской традиции это понятие подвергается глубокому, «сугубо доктринальному» [там же, с. 81] истолкованию, отражающему метафизическую трагедию мироздания, все существа которого испытывают волнение, тревогу, беспокойство, экзистенциальный страх от текучести бытия, его эфемерности и неустойчивости, призрачности и тщетности, связанных с господством могущественной силы — *танхи* (*tanha*) [там же, с. 82], выступающей источником этого течения и становления. Она определяется через натуралистическое сравнение с горением, *пламенем жизненной силы*, которое, как огонь

при сильном лесном пожаре, перекидывается с дерева на дерево, испепеляя все на своем пути. В этом и заключается «истина причины страдания» — *самудая*. На антропологическом уровне в качестве квинтэссенции, яркого и наглядного примера, рисующего трагедию самудай и показывающего апогей манифестации силы *таххи*, этого патологического «горения» — того иррационального импульса, который А. Шопенгауэр называл *волеием, объективацией воли к жизни* [9, т. 2, с. 298—299], приводится печальная участь прокаженного в одной из притч в буддийских текстах. Несчастный, «расчесывая язвы и распалая члены» [11, с. 84], получает болезненное наслаждение, и в этом проявляется настоящий триумф воли как силы, которая «ширится, вбирает в себя “Я” и “не-Я”, пронизывает собой всю природу, наполняет время, влечет мириады существ, как будто опьяненных или погруженных в грезы, вновь и вновь проявляется в сотнях самых разных форм, неукротимая, безмерная, вечно ненасытная и жаждущая» [там же, с. 94].

Вторая «арийская истина» — *самудая* и сопряженная с ней теория «обусловленного происхождения» (*пратитья-самутнага*) — выступают, говоря современным языком, верификацией и детализацией первой. Здесь мы встречаемся с реконструкцией «трансцендентального онтогенеза», согласно которому цикл существования любого индивида/личности включает в себя 12 «обусловленных состояний», или «нидан» — казуально-атрибутивных ступеней, начиная от материализации (индивидуации), когда «дух сансары» «вселяется» в конкретную физиологическую оболочку в момент зачатия, и — до поступательной манифестации «авидьи-асавы», отражающей «манию» — состояние «неведения», привязанности к миру течения и становления, «отравление» иллюзорным благоденствием и мнимым совершенством реальности, что заканчивается либо естественным путем, смертью, либо преодолевается в ходе «аскетического делания», «переворота воли» и ее отрицания — резиньяции, на что указывал еще А. Шопенгауэр [9, т. 2, с. 510].

Единственной целью подлинного буддизма, не подверженного никаким искажениям и свободного от доктринальных «вырождений» религиозно-мифологического или философского типа, что произошло в ходе расщепления учения на два ответвления — «хинаяну» и «махаяну», становится отрицание мира, достижение в рамках реализации двух упомянутых выше «практических» «арийских истин» *нирваны* как состояния подлинного покоя и бессмертия, заключающихся в *непроявленности*: «это не уничтожение, а возвращение в то невидимое, чистое, сверхчувственное состояние, в котором он [аскет] находился до того, как, найдя горючее, вспыхнуть при определенных условиях и в определенном месте» [11, с. 338]. И в этом отношении идейно-доктринальным катализатором, выступающим своеобразным интеллектуальным противоядием, методом сохранения исконного буддизма в его «дорийской обнаженности» [там же, с. 365], подвергшегося либо религиозной мифологизации, сопровождающейся превращением Будды в трансцендентное существо с образом-эквивалентом — Амитабхи («бесконечное сияние» = гегелевский «абсолютный дух». — К. Ю.) со шлейфом «сказочно-калейдоскопической фантазмагии сотен божеств и бодхисатв» [там же, с. 365—366], что присутствует в *махаяне*, либо дискредитированного «рационалистической сухостью» *палийского канона абхидхармы* [там же, с. 368], «умозрительной философией» или монашеским, «прозападным» аскетическим изоляционизмом *хинаяны*, выступает *дзен-буддизм*. «Дзен-буддизм не желает знать никаких умозрений, никаких канонических писаний, обрядов

и религиозных фантазий и предстает как своеобразное иконоборчество» [там же, с. 371] — заключает Эвола, фактически завершая свое исследование.

В целом, подводя итоги, следует заметить следующее. Без всяких сомнений, труд барона Юлиуса Эвола оставил заметный след на гносеологическом пространстве мировой индологии, востоковедческой, консервативно-традиционалистской историософии, а самому автору удалось успешно выполнить поставленную им самим задачу, которую он определял как искреннее стремление оказать интеллектуальное содействие в осмыслении буддийского учения о пробуждении. «Мы почтем за великую удачу, — писал Эвола, — если для кого-то наш скромный вклад в понимание древней духовности станет чем-то большим, чем просто чтение. Тогда мы сможем сказать вслед за древними ариями: *katamkaraniyam* — “я сделал все, что надлежало сделать”» [там же, с. 398].

Рассматривая буддизм как *интегральную доктрину «арийской духовности»* и тем самым выступающей идейно-мировоззренческой, аксиологической основой *«индоарийского традиционализма»*, итальянский философ значительно обогатил представления об истоках, генезисе, сущности консервативной политической традиции, справедливо и проникательно рассматриваемой им как феномен наиндивидуального, наднационального и метаисторического порядка, сопряженного с особым восприятием, видением и отношением к реальности, космологии, опирающихся на принципы и идеалы высокой духовности, аккумулированные в восточной доктрине. «Основная идея, которую мы анализируем, — подчеркивал Эвола в заключении, — традиционно арийская, и поэтому ее можно найти и у нас» [там же, с. 387] (т. е. в западноевропейской философской мысли, у Платона, Плотина, Аристотеля, в античном стоицизме и т. п. — К. Ю.).

В то же время, преследуя определенную идейную телеологию и выдержанные в соответствии с ней концептуальную линию и стиль изложения, Эвола нередко если не идеализирует буддийское учение, то, во всяком случае, относится недостаточно критично к отдельным его положениям, психотехникам, реальной эффективности, действенности которых так и остается до конца не проясненной. Например, Эвола заявляет о том, что буддизм решительным образом порывает с эволюционизмом любого рода, поэтому наступление просветленности, духовного пробуждения является совершенно непредсказуемым, подобно удару молнии: «время, необходимое для достижения совершенства, относительно: для того, чтобы выслушать учение, могут потребоваться семь лет, семь месяцев, а может, и вовсе один» [там же, с. 318—319]. Однако в другом месте своего труда барон, не уточняя, что доктринальные разночтения могут принадлежать разным направлениям/школам, пишет прямо противоположное, указывая на то, что буддийские заповеди призывают к постепенности во всем, не признают «авторитарности» по отношению к самому себе в освоении психотехник, ведущих к преодолению «мании» сансары, ориентируя на то, что «всегда надо соблюдать постепенность, стремясь к тому, чтобы во всем сохранялась органичность и *постепенное возрастание*» [там же, с. 207].

Кроме того, несмотря на однозначно установленный Эволой приоритет, связанный с принципиальным обращением к «чистой доктрине» буддизма, предназначенной исключительно для *аристократическо-элитарного* восприятия, независимо от практик его воплощения, тем не менее, более развернутый анализ иных уровней «буддийского сознания», в том

числе и профанического — «народного», устной традиции, институционально-организационных практик — объективно способствовал бы прояснению доктринальной аутентичности.

И последний момент связан с дистанцированностью Ю. Эвола от имеющих существенное значение вопросов и аспектов, касающихся рецепции буддийского учения в западноевропейской философии. Ссылаясь на многих классиков зарубежного востоковедения, барон ни разу не упоминает имени А. Шопенгауэра, не просто опиравшегося на *«индоарийский традиционализм»* в своей философии «пессимизма надежды» и установлении онтологической иерархии между реальным и идеальным, но осуществившего прояснение важных экзистенциальных допущений и стратегий, основанных на *соединении этики с метафизикой*. Так, Шопенгауэр в качестве высшей формы духовности рассматривает *контелампцию*, превращение в «чистый субъект познания» [9, т. 6, с. 165], что наступает в ходе освобождения интеллекта от служения воле и гносеологической сосредоточенности, определяемой как эстетическое созерцание, соприкосновение с прекрасным, позволяющим подняться к «миру горнему» платоновских идей — вещей в себе. Это выступает одной из граней «арийской духовности», о которой пишет Ю. Эвола, также ориентирующей на пробуждение «интеллектуальной интуиции» для соединения с измерением трансцендентности, выхода на уровень «больше-чем-жизнь» [11, с. 16, 33]. Скептически относился Шопенгауэр и к легализированному буддизмом самоубийству как возможности добровольного устранения из экзистенциальной реальности под предлогом отсутствия каких-либо обязательств к трансцендентальной наследственности, поскольку вопрос о том, что в действительности отрицается — *воля к жизни* или сама *жизнь* — не поддается достоверной идентификации.

Но спешим подчеркнуть, что все это ни в коей мере не умаляет значительность вклада барона Юлиуса Эвола как буддолога, востоковеда, исследователя феномена «индоарийского традиционализма», связанного с восхождением к «фундаментальным ориентациям духа» [там же, с. 383], провозглашающих своим идеалом олимпийский миропорядок с его противопоставлением жизни как *бытия* — экзистенциальной аморфности *становления* [см.: 16], что и является ядром консервативной парадигмы.

Библиографический список

1. Аникеев Н. П. Об историографии индийской философии // Вопросы философии. 1957. № 2. С. 128—137.
2. Бандурин М. А. Геополитическая ситуация в Европе накануне и во время Второй мировой войны во взглядах правых европейских мыслителей — Карла Шмидта, Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эвола // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 145—165.
3. Коломиец Н. В., Мозговая Т. И. Критика революционного радикализма, теория элитаризма и переоценка ценностей в философской концепции Ю. Эвола // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3 (57). С. 145—147.
4. Кочетов А. Н. Изучение буддизма в СССР // Вопросы научного атеизма. М. : Мысль, 1967. Вып. 4. С. 427—444.
5. Сафронова Е. С. Некоторые аспекты эволюции буддизма на Западе // Вопросы научного атеизма. М. : Мысль, 1989. Вып. 39. С. 186—208.

6. *Торчинов Е. А.* Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб. : Азбука-классика : Петербург. востоковедение, 2007. 544 с.
7. *Урбанаева И. С.* Три уровня презентации Буддой учения о четырех благородных истинах // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 218—226.
8. *Хансен Х. Т.* Политические устремления Юлиуса Эвола. Воронеж ; М. : TERRA-FOLIATA, 2009. 176 с.
9. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А. А. Чанышева. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2011. Т. 2. 560 с. ; Т. 5. 527 с. ; Т. 6. 383 с.
10. *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб. : Владимир Даль, 2016. 352 с.
11. *Эвола Ю.* Учение о пробуждении : очерк буддийской аскезы. СПб. : Владимир Даль, 2016. 416 с.
12. *Юдин К. А.* Барон Юлиус Эвола и «третий путь» интеллектуальной правоконсервативной экзистенции // Специфика социально-политической активности интеллигенции/интеллектуалов в современном мире : материалы XXVII Международной научно-теоретической конференции, Иваново, 22—24 сентября 2016 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. С. 184—188.
13. *Юдин К. А.* Как «оседлать тигра» в «мире руин»? Барон Юлиус Эвола и «дионисийский аполлонизм» как идейно-интеллектуальная стратегия // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 2. С. 39—52.
14. *Юдин К. А.* Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эвола и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1. С. 52—62.
15. *Юдин К. А.* Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7. С. 113—128.
16. *Юдин К. А.* Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» : (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42—48.
17. *Юдин К. А.* Эпистемологическая критика фальсификации научного атеизма, или Метаморфозы «религиозного ренессанса» в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17, Философия. Конфликтология. Религиоведение. 2017. № 1. С. 85—97.
18. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* Артур Шопенгауэр и судьба его идейного наследия в истории философии: к 225-летию со дня рождения (1788—2013) // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2013. № 5. С. 26—40.

ЮБИЛЕИ

80 ЛЕТ ПОЧЕТНОМУ ПРОФЕССОРУ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА МАРТИНУ ФИНКЕ

Исполняется 80 лет почетному доктору Санкт-Петербургского государственного университета, почетному профессору Красноярского государственного университета (Сибирский федеральный университет) и Ивановского государственного университета, почетному президенту Межвузовского научно-исследовательского и образовательного центра изучения немецкого права при юридическом факультете ИвГУ Мартину Финке.

Он родился 30 октября 1937 г. во Франкфурте на Майне, учился в нескольких университетах ФРГ, стажировался в США, а закончил юридический факультет престижного и авторитетного Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана. М. Финке работал в университетах Мюнхена, Билефельда, Регенсбурга, Пассау, а в некоторые годы одновременно в двух вузах — Берлина и Регенсбурга. 30 с лишним лет его жизнь была связана с юридическим

факультетом Университета Пассау, деканом которого он был дважды, с 1 августа 1978 г. и примерно до середины 2006 г. заведовал кафедрами уголовного права, уголовно-процессуального права, восточного права и был ответственным за связи с юридическими факультетами и вузами Восточной Европы (руководил соответствующим представительством).

С 1979 г. М. Финке поддерживает связи с нашей страной. Приезд немецкого ученого в начале 1992 г. в Иваново и встреча с руководством юридического факультета нашего университета, ведущими преподавателями послужили импульсом для начала сотрудничества ученых факультета с коллегами из Университета Пассау. Первые научные стажировки в немецком университете доцентов И. Ю. Карлявина, О. В. Кузьминой, Е. Л. Поцелуева и О. В. Соколовой состоялись по инициативе М. Финке и при его поддержке. С 2007 по 2014 г. он неоднократно приезжал на международные научные конференции и семинары, проводимые юридическим факультетом ИвГУ, и выступал с содержательными и интересными докладами. В гостеприимном доме профессора жили отечественные ученые, в том числе И. Ю. Карлявин и Е. Л. Поцелуев. М. Финке любезно разрешил автору этой публикации пользоваться его богатейшей библиотекой.

М. Финке — известный эксперт по советскому и российскому праву, его научные статьи охотно публикуют различные издания. В «Ежегоднике восточного права», «Голтдаммеровском архиве уголовного права» и других немецких изданиях печатают серию его статей, посвященных различным проблемам советского уголовно-процессуального права, его перестройке, законодательной технике российского уголовного права, советской криминальной политике, характерным чертам социалистического права и др. В 1983 г. в Берлине под его редакцией вышла в свет «Настольная книга по советской Конституции». Его работы с 1965 г. издаются в Германии, России, Украине, Грузии, Нидерландах, Англии, США и других странах. В 2016—2017 гг. профессор выступал с научными докладами по уголовному праву Российской Федерации, о событиях в Крыму, Украине.

Мартин — блестящий оратор с острым, критичным умом, чьи лекции пользуются огромным успехом у аудитории. Ежегодно он прилетает в Красноярск, чтобы вести занятия со студентами сибирских юридических вузов и факультетов по программе двойных дипломов (РФ и ФРГ). М. Финке читал лекции студентам юридического факультета ИвГУ по уголовно-процессуальному праву ФРГ и правовой системе этой страны. До последнего времени он также занимался со студентами-юристами из разных стран, собиравшимися в летних школах на территории ФРГ. Еще недавно он в качестве эксперта совершил поездку в Афганистан, чтобы помочь в построении там гражданского общества.

Благодаря таким подвижникам, как М. Финке, не прекращается научное сотрудничество российских и немецких студентов и преподавателей, сохраняются мосты взаимопонимания и дружбы!

*Е. Л. Поцелуев,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
руководитель Межвузовского научно-исследовательского
и образовательного центра изучения немецкого права*

XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

(XXIII NATE-Russia International Convention and English Language EXPO «It's not just English. It's Teaching that Transcends Boundaries»)

С 30 мая по 3 июня 2017 г. на базе Российского государственного социального университета прошла Международная научно-практическая конференция Национальной ассоциации преподавателей английского языка в России (National Association of Teachers of English — NATE). Основной целью организации ежегодных конференций NATE является содействие повышению уровня преподавания английского языка в нашей стране.

Преподаватели кафедры английской филологии Ивановского государственного университета являются активными участниками профессиональных форумов NATE. В этом году на конференции под символическим названием «It's not just English. It's Teaching that Transcends Boundaries» выступили с докладами советник ректора по связям с общественностью и воспитательной работе, заведующая кафедрой английской филологии, д-р филол. наук, проф. О. М. Карпова и канд. филол. наук, доц. Н. С. Уткина («International Students' Project: English Language in Practice, Uniting Young People»), канд. филол. наук, доц. Е. А. Шилова («Dictionaries of Tourism for Different User Groups») и канд. филол. наук, доц. Е. М. Григорьева («New Information Technologies in Teaching English»).

Работа конференции была организована по 10 секциям, посвященным использованию новых информационно-коммуникационных технологий в процессе преподавания иностранных языков, вопросам межкультурной коммуникации, преподаванию языков для профессиональных целей, развитию навыков академической письменной речи и критического мышления, системе оценивания образовательных достижений учащихся, инклюзивному образованию и др. Преподаватели со стажем и совсем юные педагоги стали участниками интерактивных семинаров-тренингов, где они поделились собственным опытом и представили авторские методики, рассмотрели общие вопросы преподавания английского языка в школе и вузе, обсудили тренды современного языкового образования — проектную методику, кейс-метод, геймификацию и VR-технологии при обучении иностранным языкам. Не остались без внимания и вопросы подготовки учащихся общеобразовательных школ к сдаче единого государственного экзамена по английскому языку. Повышенный интерес вызвали воркшопы, посвященные организации деятельности центров академического письма в структуре российских вузов и созданию консорциума с целью повышения эффективности их работы.

В конференции приняли участие свыше 600 преподавателей и специалистов в области языкового образования, в том числе более 30 зарубежных

спикеров, среди которых атташе по вопросам преподавания английского языка Посольства США в Москве Дж. Фрэнк, методисты Офиса английского языка А. М. Ферарро, У. Смит и К. Хастингс, писатель и телеведущий, методист издательства «National Geographic Learning» Д. Эванс, ведущие профессора вузов США и Великобритании, авторы учебных пособий и консультанты авторитетных издательских домов.

NATE-Russia была образована в 1997 г. и имеет в настоящее время более 30 представительств в различных регионах страны. Ивановская областная ассоциация преподавателей английского языка «IVELTA», президентом которой является проф. О. М. Карпова, имеет статус действительного члена Национальной ассоциации, что дает ряд преимуществ, а именно возможность участвовать в научно-методических конференциях, стажировках в России и за рубежом, профессиональных конкурсах педагогического мастерства, бесплатных онлайн-курсах и вебинарах; публиковаться в издаваемых или поддерживаемых NATE научных журналах; иметь доступ к базе данных новых учебных и методических материалов; получать консультационную помощь ведущих российских и зарубежных специалистов в сфере методики преподавания английского языка и т. д.

Большую поддержку деятельности NATE и региональных ассоциаций преподавателей английского языка оказывает Офис английского языка Посольства США в Москве. ИвГУ и Офис английского языка также связывают долгосрочные партнерские отношения. Более 15 лет по инициативе кафедры английской филологии проводятся семинары профессионального развития для учителей общеобразовательных школ города Иванова и Ивановской области. Ежегодно более сотни школьных учителей повышают свою квалификацию на безвозмездной основе.

Благодаря ивановской ассоциации «IVELTA» и Офису английского языка несколько преподавателей кафедры английской филологии в разные годы имели уникальный шанс посетить США в рамках программы международных визитов «International Visitor Leadership Program». Результатом участия в программе стали новые учебные курсы для студентов факультета романо-германской филологии, учебно-методические пособия для изучающих английский язык и др. Материалы, собранные во время поездок в США, и опыт, полученный во время посещения лекций и общения с зарубежными коллегами, неоценимы в плане профессионального роста.

Е. А. Шилова,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии*

Е. М. Григорьева,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии*

Сведения об авторах

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет. kebaldin@mail.ru

ВЕРЗИЛОВА Арина Александровна магистрант кафедры русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет. aginaver_1991@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Михайловна кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. grigoryeva.ekaterina@mail.ru

ГРИШАЕВА Людмила Ивановна доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Воронежский государственный университет. grischaewa@rgph.vsu.ru

ЕВСЕЕВ Владимир Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. yevseyev@mail.ru

ИЛЬИН Юрий Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. Pyin37@mail.ru

КИСЕЛЕВА Ирина Станиславовна кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет. lana.dollskaya@yandex.ru

ОБРЕЗКОВ Андрей Анатольевич кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России. obran@rambler.ru

ПОЦЕЛУЕВ Евгений Леонидович кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, руководитель Межвузовского научно-исследовательского и образовательного центра изучения немецкого права, Ивановский государственный университет. elp77@yandex.ru

- СМИРНОВ Григорий Станиславович** доктор философских наук, член-корреспондент РАЕН, член-корреспондент РЭА, заместитель председателя по научной работе Ивановского центра биосферно-ноосферных исследований, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. gssmirnov@mail.ru
- СМИРНОВ Дмитрий Григорьевич** доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет. dissovet_212@mail.ru
- СОКОЛОВ Максим Михайлович** старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Вологодский институт права и экономики ФСИН РФ. kant2010@yandex.com
- УЖОВА Ольга Александровна** доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. gluhovar@mail.ru
- ХУСНУТДИНОВ Арсен Александрович** доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет. arsen1418@mail.ru
- ЦЫМБАЛ Анастасия Юрьевна** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Ивановский государственный университет. 426878@mail.ru
- ШИЛОВА Екатерина Анатольевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. kshaposhnikova@mail.ru
- ЮДИН Кирилл Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2017. Вып. 3 (10). Филология. История. Философия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина, О. В. Батова, О. В. Боронина, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2017 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ № 181. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

